

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Т. 5 · № 1 · ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ · 2007

Содержание

Праздники и будни Европы *Фёдор Лукьянов* 5

Война за мир

Конфликт эмоций *Доминик Муази* 8

Современная эпоха — время не только конфликта цивилизаций, но и конфликта эмоций. Запад охватила и расколола культура страха, в то время как арабский и мусульманский мир попал в ловушку культуры унижения, а значительная часть Азии черпает силы в культуре надежды.

Битва за глобальные ценности *Тони Блэр* 14

Война против терроризма не может быть сведена к решению проблем безопасности или военной тактики. Это битва ценностей, победить в которой можно, только добившись триумфа терпимости и свободы. Афганистан и Ирак были необходимыми отправными точками данного сражения. Но успех там невозможен без решительных, последовательных и продуманных усилий по внедрению глобальных ценностей. Лидером здесь является Вашингтон.

Афганистан без коалиции *Владимир Овчинский* 27

Действия США и НАТО в Афганистане вызывают крайне неоднозначные оценки. Но, критикуя коалицию, надо отдавать себе отчет: если западные державы уйдут из Афганистана, то Расширенный Ближний Восток, Центральная Азия, Россия и мир в целом получат очаг нестабильности, чреватый ядерной войной.

Саммит НАТО в Риге: большой контекст
Рад ван ден Аккер, Михаэль Рюле 35

Рижский саммит Организации Североатлантического договора стал важной вехой в трансформации альянса. Он не может больше замыкаться в традиционной сфере своей географической ответственности, и поэтому НАТО приходится находить новые военные и политические ответы на глобальные вызовы.

Полвека вместе

- Свет и тени европейской интеграции** *Юрий Борко* 46
 Неоспоримые достижения европейской интеграции и все более очевидный ее кризис – две ипостаси нынешнего Евросоюза. Для прорыва в будущее необходима мощная объединительная идея, сопоставимая по смелости и привлекательности с той, которой руководствовались отцы-основатели единой Европы пятьдесят лет назад.
- Не расширять ЕС в пику России** *Диогу Фрейташ ду Амарал* 60
 Перечень критериев расширения Европейского союза необходимо дополнить еще одним – дипломатическим. Дальнейшая экспансия объединенной Европы ни в коем случае не должна нанести вред хорошим отношениям с Российской Федерацией, в которых Евросоюз жизненно заинтересован.
- Суверенитет и интеграция** *Тимофей Бордачёв* 65
 Активная вовлеченность в интеграционный процесс совсем не обязательно приводит к утрате национальным государством своих суверенных прав. И наоборот: не будучи формальным участником интеграции, а то и вовсе декларируя свою самостоятельность, страна, тем не менее, может этих прав лишиться.
- Свобода торговли между Россией и ЕС: за и против**
Владимир Панков 78
 При разработке соглашения о зоне свободной торговли между Российской Федерацией и Европейским союзом следует избегать как неоправданного пессимизма, так и чрезмерных ожиданий, а тем более эйфории. Речь идет о долгосрочном процессе, в который России целесообразно вступить только после тщательной и интенсивной подготовки.

Разговор по существу

- «Многие страны скатываются к национализму»** *Жак Делор* 90
 Налаживание взаимоотношений с Россией напоминает процесс создания объединенной Европы. Если появится хороший договор между Россией и ЕС, устраивающий обе стороны с точки зрения поставок нефти и газа, то это заставит поверить в их обоюдное желание искать формы сотрудничества и солидарной ответственности.

Границы под вопросом

- Косово как тест для России** *Ян Черногурский* 104
 Косовское урегулирование станет для России своего рода моментом истины, поскольку до конца выявит позиции Москвы и окажется показателем степени ее влияния в мире. Приверженность принципам морали и права всегда более выгодная позиция, чем попытки обойти их в угоду сиюминутным интересам.
- «Откуда такая жестокость?»** *Лев Троцкий* 115
 Храбрость албанцев особенная, непригодная для нынешних войн. Они бросаются в стремительную атаку, не отдавая себе полного отчета в последствиях. Но в случае неудачи их бегство принимает такой же стремительный и безотчетный характер.

Признание «непризнанных» и международное право
Георгий Вельяминов 120

Россия для начала могла бы признать «непризнанные» республики в «мягкой» форме *de facto* — возможно, в виде заключения договоров об экономических и торговых отношениях, о гуманитарной помощи и т. п. Для этого у Москвы, кроме формального права, имеются и веские политические основания.

Сепаратизм или автономия? *Владимир Швейцер* 130

Сохранение статуса международного протектората над краем Косово и тем более предоставление ему независимости создадут прецедент для всех сепаратистов внутри ЕС, не считающих неделимость государств истиной в последней инстанции.

Беспокойное соседство

Партнерство в обход барьеров *Ольга Вендина, Владимир Колосов* 142

Российско-украинское пограничье станет ареной сотрудничества, если мы будем рассматривать Украину не как чужое государство и не как продолжение России, а как ее естественного партнера. Помочь этому может внедрение европейской модели, в рамках которой появится еврорегион Слобожанщина.

Россия в Молдавии: вернуть инициативу *Зураб Тодуа* 154

Урегулирование приднестровского конфликта под эгидой Кремля означало бы большую дипломатическую победу России, а также создание важного прецедента, применимого в аналогичных случаях. Это требует смелого подхода, но обещает серьезные политические дивиденды.

Белоруссия — форпост «старой» Европы? *Юрий Дракохруст* 163

Реверансы Александра Лукашенко в сторону Европейского союза свидетельствуют о возможности неожиданных перемен. В отличие от других стран Центральной и Восточной Европы, «прозападная» Белоруссия будет ориентирована не на Америку, а на Германию.

Продолжение темы

«Большая восьмерка» после Санкт-Петербурга *Джон Кёртон* 172

Председательство России в «Группе восьми» — выдающееся событие в тридцатилетней истории «клуба». Саммит в Санкт-Петербурге задал новый стандарт форума. Германии, которая приняла эстафету у России, придется приложить усилия, чтобы не снизить планку.

Россия на подъеме *Валентин Кудров* 184

По размерам ВВП Россия займет в перспективе первое место в Европе и пятое-шестое в мире. А вот с политической точки зрения может быть все что угодно, пока наша страна не сформулирует стратегию развития в рамках современных цивилизационных норм и приоритетов.

Каудильо Чавес и новая утопия *Америго Мартин* 195

Бросив все ресурсы на строительство «социализма XXI века», Уго Чавес ввергает свою страну в авантюру. Большинство государств, которые на словах поддерживают устремления вождя «боливарианской революции», на самом деле просто используют его амбиции, чтобы состричь купоны с нефтяного богатства Венесуэлы.

Рецензии

Демократия, управляемая генералом *Игорь Федюкин* 210

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ
СОВЕТ

*Председатель
попечительского совета*
ПОТАНИН В.О.
«Интеррос»

ВАЙНШТОК С.М.
ОАО «АК «Транснефть»»

ВАРДАНИЯ Р.К.
«Тройка-Диалог»

ВЕКСЕЛЬБЕРГ В.Ф.
ОАО «СУАЛ-Холдинг»

ГЕНЕРАЛОВ С.В.
*председатель совета директоров
Ассоциации по защите прав
инвесторов*

ЕВТУШЕНКОВ В.П.
АФК «Система»

КУЗЫК Б.Н.
«Новые программы и концепции»

КУЗЯЕВ А.Р.
«ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»

ОКУЛОВ В.М.
ОАО «Аэрофлот»

УЧРЕДИТЕЛЬ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ
ПО ВНЕШНЕЙ
И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

*Издается Фондом исследований
мировой политики*

ЗАРЕГИСТРИРОВАН
В МИНИСТЕРСТВЕ РФ ПО ДЕЛАМ
ПЕЧАТИ, ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ
И СРЕДСТВ МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ
ПИ № 77-12900
от 3 июня 2002 г.

Адрес редакции:
Россия, 103873, Москва
ул. Моховая, 11, стр. 3 «В»
Тел.: (495) 980-7353
Факс: (495) 937-7611
E-mail: info@globalaffairs.ru
http://www.globalaffairs.ru

Отпечатано в ОАО «Калужская
типография стандартов»
Заказ № 336.
Общий тираж 10 000 экз.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

КАРАГАНОВ С.А. — *председатель*

АРБАТОВ А.Г.
АХТИСААРИ Маргги
(Финляндия)

БЕЛОУСОВ Л.С.
заместитель председателя

БЕРГСТЕН Фред (США)
БИЛЬДТ Карл (Швеция)

ГРИГОРЬЕВ В.В.
(в личном качестве)

ЖУКОВ А.Д.
(в личном качестве)

ЗВЕРЕВ С.А.

ИВАНОВ И.С.
(в личном качестве)

КАЙЗЕР Карл
(Германия)

КОЖОКИН М.М.

КОКОШИН А.А.

КОЛЬ Гельмут
(Германия)

КОМИССАР М.В.

КОПЬЕВ В.В.

КУЗЬМИНОВ Я.И.

ЛАВРОВ С.В.
(в личном качестве)

ЛИВШИЦ А.Я.

ЛУКИН В.П.

ЛУКЬЯНОВ Ф.А.
главный редактор

МАУ В.А.

МОНБРИАЛЬ Тьерри де
(Франция)

НИКОНОВ В.А.
заместитель председателя

ОВЧИНСКИЙ В.С.

ПОЗНЕР В.В.

ПРИМАКОВ Е.М.

ПРИХОДЬКО С.Э.
(в личном качестве)

РЫЖКОВ В.А.

ТЕЛЬЧИК Хорст
(Германия)

ТОРКУНОВ А.В.

УОЛЛЕС Уильям, лорд
(Великобритания)

ХАКАМАДА И.М.

ХОУГ Джеймс (США)

ШМЕЛЁВ Н.П.

ЭЛЛИСОН Грэм (США)

ЮРГЕНС И.Ю.

ЯСТРЖЕМБСКИЙ С.В.
(в личном качестве)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

АДАМИШИН А.Л.
БУТОРИНА О.В.
ВИШНЕВСКИЙ А.Г.

ГРИГОРЬЕВ Л.М.
ЛОМАНОВ А.В.
МИРСКИЙ Г.И.

ШКУНДИН М.З.
ЭНТИН В.Л.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА

- Газеты «Время новостей», «Известия», «Московские новости», «Российская газета», «Совершенно секретно».
- Информационные агентства «Интерфакс», РИА «Новости», «Росбалт»
- Радиостанция «Эхо Москвы»

ЮРИДИЧЕСКАЯ
ПОДДЕРЖКА

Коллегия адвокатов
«КЛИШИН И ПАРТНЕРЫ»

PR-ПОДДЕРЖКА

ЗАО «КРОС»

Главный редактор Фёдор Лукьянов

Заместители главного редактора:

Тимофей Бордачёв, Наталья Костромская (англоязычное издание)

Генеральный директор
Ирина Палехова

Ответственный редактор
Александр Кузяков

*Завотделом
переводной литературы*
Любовь Рыклина

*Референт председателя
редакционного совета*
Елена Блинная

Ответственный секретарь
Елена Никитина

Автор макета
Константин Радченко

Верстка
Наталья Заблочките

Проверка и корректура
Арнольд Кун

Интернет-редактор
Павел Житнюк
pavel@globalaffairs.ru

Распространение
Андрей Евдокимов
тел.: (095) 937-7611
or@globalaffairs.ru

Англоязычное издание
Russia in Global Affairs

Редактор
Ринат Якубов

Стилист
Роберт Бридж

Корректор
Людмила Купченко

Иллюстрации
Александр Бобосов

Праздники и будни Европы

Фёдор Лукьянов, главный редактор

В этом году Европу ожидает много интересного. Та ее часть, что входит в Европейский союз, отметит знаменательную годовщину. Исполняется полвека Римским договорам, с которых началась полноценная интеграция. ЕС есть чем гордиться, пятьдесят лет назад едва ли кто-то мог предположить, сколь далеко пойдет процесс объединения.

Однако юбилей — это и повод для раздумий о дальнейшей судьбе интеграционного проекта, тем более что он переживает кризис. Будущее Евросоюза важно не только для полумиллиарда европейцев, живущих внутри его границ. От того, станет ли единая Европа сильным и влиятельным субъектом политики XXI века, во многом зависит положение на глобальной арене. К тому же весь ход мировых событий не позволит Старому Свету замкнуться в себе, отгородившись от воздействий извне.

О международном контексте, в котором существует Европа, рассуждают премьер-министр Великобритании **Тони Блэр** и французский ученый **Доминик Муази**. Они считают,

что лидерство западного мира возможно только в случае его твердой приверженности свободе и демократии, но по-разному видят, как следует отстаивать эти ценности. **Рад ван ден Аккер** и **Михаэль Рюле** из штаб-квартиры НАТО надеются на рост военно-политических амбиций европейских стран, поскольку альянс уже вышел за пределы евро-атлантической зоны ответственности. Об опасностях этого пути пишет **Владимир Овчинский**, анализируя ход событий в Афганистане.

Способна ли европейская интеграция преодолеть возникшие проблемы, опираясь на опыт минувших десятилетий? Этим вопросом задается профессор **Юрий Борко**. Выдающийся архитектор евростроительства **Жак Делор** уверен, что европейская идея жизнеспособна, но для ее успеха необходимо сформулировать новые цели и придерживаться принципа солидарности. **Тимофей Бордачёв** затрагивает животрепещущую тему: в какой степени странам — членам ЕС приходится поступаться суверенными национальными правами?

О том, как интеграция меняет самоощущение ее участников, рассказывает португальский политик **Диогу Фрейташ ду Амарал**. Он предлагает дополнить критерии расширения Евросоюза еще одним — «не навреди» отношениям с Россией. **Владимир Паньков** рассматривает практический аспект взаимодействия Москвы и Брюсселя: стоит ли форсировать создание зоны свободной торговли?

Не менее захватывающие события развиваются и в той части Старого Света, которая не входит в Европейский союз. Косовское урегулирование станет проверкой способности великих держав распутывать сложные узлы. Бывший премьер Словакии **Ян Чарногурский** призывает Москву занять принципиальную позицию и защитить права сербского меньшинства.

Как бы ни был решен вопрос о статусе края, он станет аргументом в этнотерриториальных спорах по всей Европе. О проблеме сепаратизма пишут **Георгий Вельяминов** (правовая сторона дела) и **Владимир Швейцер** (политические отношения государств и регионов). **Ольга Вендина** и **Владимир Колосов** напоминают в данной связи об опыте создания еврорегионов и предлагают положить его в основу сотрудничества соседних областей России и Украины.

Зураб Тодуа обращается к отношениям России и Молдавии, где главное «яблоко раздора» — статус

Приднестровья. Судьба непризнанной республики оказывается на пересечении интересов Москвы и Брюсселя после вступления в ЕС Румынии.

Юрий Дракохруст пытается предсказать позицию Белоруссии в случае ее вхождения в Европейский союз. На фоне острого конфликта между Москвой и Минском такая постановка вопроса уже не выглядит совсем фантастической.

Несколько материалов развивают темы, которые мы поднимали раньше. Канадский исследователь **Джон Кёртон** очень высоко оценивает итоги российского председательства в «Большой восьмерке» и предлагает ряд мер по повышению эффективности этой организации. Венесуэльский писатель **Америко Мартин** описывает «новый социализм», строительство которого провозгласил Уго Чавес. Наконец, **Валентин Кудров** предвидит дальнейший экономический подъем России и надеется, что он будет сопровождаться и общественно-политическими преобразованиями.

В следующем номере мы вернемся к анализу российско-американских отношений, в которых явно обозначилось похолодание, обратимся к теме глобальной безопасности. В преддверии предстоящего 90-летия русской революции мы планируем ряд публикаций о судьбе марксизма в эпоху глобализации.

Война за мир

Русские ценности – христианство, цивилизация и свобода, которые олицетворяют три властителя: князь Владимир, Петр I и Александр II
Журнал «Нива», 1899 г.

“Разрыв между Востоком и Западом – отчасти продукт несовместимых мировоззрений, относящихся к разным историческим эпохам. В то время как Европа становится все более светской, значение религии в мусульманском мире неуклонно растет. В случае с США разница не столь велика: американцы глубоко набожны и недавно пережили религиозное возрождение”

Конфликт эмоций   *Доминик Муази*

8

Битва за глобальные ценности   *Тони Блэр*

14

Афганистан без коалиции   *Владимир Овчинский*

27

Саммит НАТО в Риге: большой контекст

Рад ван ден Аккер, Михаэль Рюле

35

Конфликт эмоций

Страх, унижение, надежда
и новый мировой порядок

Доминик Муази

Тринадцать лет назад Самьюэл Хантингтон отстаивал тезис о том, что в мировой политике набирает силу «конфликт цивилизаций», а культура начинает определять геополитику наравне с национальными интересами и идеологией (*The Clash of Civilizations? Summer 1993*). Последующие события показали, что взгляд Хантингтона на эти вопросы скорее справедлив, чем ошибочен. Но далеко не все осознают, что сегодня мир столкнулся с феноменом «конфликта эмоций». Западный мир погружен в атмосферу страха, арабы и мусульмане превратились в заложников культуры унижения, Азия по большей части культивирует надежду. Но вместо того чтобы сблизить США и Европу, общие страхи, а вернее, способы борьбы с ними чаще становятся причиной разобщения в Западном мире. Культура унижения, напротив, сплотила мусульманский мир вокруг его наиболее радикальных элементов и породила культуру ненависти. От смертоносного столкновения страха и ненависти в первую очередь выигрывают оставшиеся в стороне представители культуры надежды, которые тем временем работают на собственное будущее. Конечно, неверно утверждать, что для каждого региона характерен лишь один тип эмоций: в России, в ряде стран Латинской Америки одновременно наблюдаются все три. Но динамика развития и взаимодействия трех культур еще долго будет определять судьбы мира.

КУЛЬТУРА СТРАХА

США и Европу разобщает одинаково присущая им культура страха. Они боятся друг друга, боятся будущего, их тревожит опасность ут-

---

Доминик Муази — заместитель директора Французского института международных отношений. Статья опубликована в журнале *Foreign Affairs*, № 1 (январь — февраль) за 2007 год. © *Council on Foreign Relations, Inc.*

ратить свою индивидуальность в мире, который становится все более сложным. В случае Европы можно говорить о многослойном страхе. Она страшится оказаться наводненной неимущими, особенно с Юга, и при таком положении речь идет о страхе, обусловленном демографической и географической ситуацией. Фотографии африканцев, застреленных при попытке преодолеть колючую проволоку и перебраться на территорию испанского анклава в Марокко, напоминают не столь отдаленные времена, когда открывали огонь по перебежчикам из ГДР, пытавшимся обрести свободу на Западе. Тогда немцев убивали за побег из тоталитарного общества, сегодня же африканцев убивают за побег от тотальной нищеты.

Европейцы боятся пасть жертвами терактов, организованных радикальными исламистами, или оказаться в демографической осаде по мере того, как Европа превращается в «Еврабию». После взрывов в Мадриде в 2004 и Лондоне в 2005 годах и страха, охватившего прошлым летом жителей Европы, последние столкнулись с суровой реальностью факта: террористы избрали их страны в качестве не только мишени, но и базы своей деятельности.

Европейцы опасаются отстать в экономике: для многих глобализация стала синонимом дестабилизации и безработицы. Их преследуют опасения, что Европа из центра культуры и влияния превратится в музей — более крупное и модернизированное подобие Венеции, место для туристов и пенсионеров.

Наконец, они боятся зависимости от внешних сил, даже дружественных (таких, к примеру, как Соединенные Штаты) или неконкретных (например, Европейской комиссии). В основе всех этих страхов лежит ощущение европейцев, что они больше не хозяева своих территорий, что они утратили уверенность и идентичность — короче говоря, не способны распоряжаться собственным будущим. Этим объясняются отказ Франции и Голландии одобрить на прошлогоднем референдуме Конституцию ЕС и возрождение националистических настроений, проявившееся во многих странах Европы во время чемпионата мира по футболу.

Некоторое ощущение потери контроля отчасти характерно и для американцев. Демографические страхи здесь не столь остры, поскольку интеграция выходцев из Латинской Америки проходит довольно успешно (в сравнении со сложностями интеграции мусульман в Европе), однако подобные страхи явно присутствуют. Споры вокруг испаноязычной версии американского гимна напо-

минают ситуацию с запретом на ношение чадры и головного платка в Европе.

По темпам роста США опережают большинство европейских стран, поэтому американцы не в пример европейцам не боятся экономического упадка (хотя их и беспокоит проблема аутсорсинга). Но они также не могут не думать об ухудшении ситуации: их не могут не беспокоить бюджет, отягощенный огромным дефицитом, здоровье и моральное состояние нации, страдающей от ожирения, разочаровавшимся в миссиях международного характера, все больше ставящей под вопрос свои национальные приоритеты.

Повышенное внимание Америки к собственной безопасности после событий 11 сентября понятно и оправданно, но как оно отразилось на ее мировом влиянии и имидже? Целый ряд проблем, начиная с затруднений в связи с въездом в Соединенные Штаты и заканчивая скандалом вокруг базы Гуантанамо, свидетельствуют о том, что террористам удалось хотя бы отчасти достичь успеха в расшатывании морального превосходства и исключительности США, спровоцировав их на подобную реакцию.

В то время как европейцы, пытаясь защититься от внешнего мира, ищут спасения в эскапизме и политике умиротворения, американцы стремятся решать проблемы по месту их возникновения за границей. Но за бескомпромиссной и оптимистической риторикой администрации Буша скрывается суровая реальность: реакция Америки на теракты 11 сентября нанесла сильнейший урон ее популярности. Так, вторжение в Ирак породило больше проблем, нежели способствовало их разрешению. Ирак погружается в пучину гражданской войны, а действия Вашингтона изменили баланс сил в мусульманском мире в пользу самых радикальных шиитских элементов.

КУЛЬТУРА УНИЖЕНИЯ

Европейцы впервые задумались о закате собственной культуры по окончании Первой мировой войны. Как писал в 1919 году французский поэт и философ Поль Валери, «теперь и мы, цивилизации, знаем, что мы смертны». А между тем мысль об упадке преследовала мусульманский мир на протяжении столетий. В период европейского Средневековья ислам переживал расцвет своего возрождения, но к началу эпохи Ренессанса на Западе ислам уже неизбежно клонился к закату. С 1571-го, когда в битве при Лепанто испано-венецианский флот разгромил турок, а затем после неудачной осады Ве-

ны в 1683 году и вплоть до своего окончательного исчезновения после Первой мировой войны Османская империя медленно погружалась в забвение.

Создание Государства Израиль в окружении арабских земель могло быть воспринято мусульманами лишь как окончательное подтверждение заката их цивилизации. Для евреев законность права Израиля на существование подтверждалась по многим основаниям: исполнение божественного обетования и предначертанного судьбой нации, а также компенсация мировым сообществом чудовищных преступлений Холокоста. Арабы же воспринимали образование Израиля как не соответствовавшее духу времени навязывание колониальной логики со стороны Запада в самый разгар деколонизации. Согласно точке зрения последних, мусульманский Восток должен был расплачиваться за варварство христианского Запада в отношении евреев.

Неразрешенный конфликт между Израилем и его соседями способствовал превращению культуры унижения в культуру ненависти. Со временем национальный по характеру конфликт стал обнаруживать свою исконную религиозную основу — противостояние мусульманства и иудаизма, а в широком смысле слова противостояние исламского и западного мира.

Усиление накала гражданской войны в Ираке и война на территории Ливана между группировкой «Хезболла» и Израилем подогрели негодование мусульман, чем не замедлили воспользоваться Иран и его союзники. В войне изображений и символов шиитские экстремисты могут предстать как носители духа сопротивления против унижения, и с каждым ударом противника их позиции только крепнут.

Глобализация тоже внесла свою лепту. Каждый день жители Ближнего Востока становятся свидетелями контраста между теми, кто выиграл от нее (прежде всего западный мир и Восточная Азия), и теми, кто проиграл. Культура унижения получила распространение и в мусульманских диаспорах на Западе. Беспорядки во Франции осенью 2005-го, изначально вызванные социально-экономическими причинами, явились также проявлением недовольства обществом, которое законодательно провозглашает равноправие, но на деле не выполняет своих обещаний.

Разрыв между Востоком и Западом — это отчасти продукт несовместимых мировоззрений, относящихся к разным историческим эпохам. В то время как Европа становится все более светской, зна-

чение религии в мусульманском мире неуклонно растет. Сегодняшний ислам напоминает европейцам об их собственном фанатизме и религиозных войнах XVI–XVII веков. В случае с США разница не столь велика: американцы глубоко набожны и недавно пережили религиозное возрождение. И тем не менее исламский фундаментализм уникален, поскольку движим двойной жадой мести – шиитского меньшинства по отношению к суннитскому большинству и фундаменталистов в отношении Запада в целом.

КУЛЬТУРА НАДЕЖДЫ

В то время как Запад и Ближний Восток скрестили мечи, оптимизм и вера в прогресс постепенно мигрируют в Восточную Азию. Новую психологию китайцев отражает выставка под названием «Китай: три императора 1662–1795 гг.», проходившая в Королевской академии искусств в Лондоне в конце 2005 – начале 2006 года. Значение мероприятия, которое спонсировал Пекин, очевидно: Китай вернулся на мировую арену. Центральным экспонатом выставки явилось гигантское полотно в иезуитском стиле (направление стиля барокко. – **Ред.**), относящееся к XVIII веку, на котором изображены послы с Запада, отдающие почести китайскому императору. После двух столетий относительного упадка Китай все активнее восстанавливает подобающий ему мировой статус. Пекин сконцентрировал внимание на экономическом развитии и избегает конфликтов, что принесло ему как материальные выгоды, так и уважение мирового сообщества.

Что касается Индии, то впервые в ее современной истории она выступает не только как независимая, но и как влиятельная держава. Формирующиеся индийские элиты осуществляют дипломатическое взаимодействие с Соединенными Штатами и заключают экономические сделки в Европе, при этом они смотрят в будущее с еще большей гордостью и оптимизмом, чем китайцы. Крупнейшая демократическая страна мира скоро выйдет на первое место по численности населения, и сегодня для нее, кажется, нет ничего невозможного.

Конечно, пессимисты могут не без основания указать на обилие стратегических, социально-экономических и политических проблем в регионе, на то, что культура надежды может рухнуть в одночасье, как картонный домик. Азии еще предстоит пройти этап примирения бывших противников, что явилось самым поразительным достижением послевоенной Западной Европы. Неприятие Китаем и Южной

Кореей японской версии прошлого напоминает об аналогичной ситуации в Европе 1950-х годов. (Китай, очевидно, придерживается двойных стандартов: он навечно сохранил в памяти преступления Японии, но никогда не вспоминает о своих собственных.) Северная Корея — одна из самых опасных стран-изгоев. Гонка вооружений и распространение ядерного оружия в Восточной Азии может обернуться серьезным конфликтом в будущем.

Характерное для Китая противоречие между динамичным развитием экономики и неспособностью или нежеланием руководства сделать малейший шаг в сторону назревших политических реформ отнюдь не способствует мирному развитию. Но, несмотря ни на что, и лидеры, и население региона не оставляют надежду. По всей видимости, так будет и впредь, пока продолжается экономический рост.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

В ситуации конфликта эмоций первейшая задача Запада — осознать природу угрозы, которую несет в себе мусульманская культура унижения Европе и Соединенным Штатам. Отрицать эту угрозу и бороться с ней, используя неверные методы, одинаково губительно. Ни политика умиротворения, ни военная сила в чистом виде не являются решением. В набирающем обороты противостоянии культура унижения не способна одержать победу. Тем не менее это настоящая война, и западный мир может ее проиграть, если останется разделенным, если изменит либеральным ценностям, утратит уважение к закону и правам личности. Цель не в том, чтобы восстановить умеренный ислам против радикальных сил. Нужно вселить в мусульманские общества такое чувство надежды и веру в прогресс, чтобы гнев и отчаяние не бросили людские массы в объятия радикалов.

И в этом смысле израильско-палестинский конфликт еще отчетливее выступает как модель, а возможно, и прецедент новой мировой реальности. Израиль — западная страна, осажженная культурой унижения, стремящаяся вырваться из опасного региона и вновь приобщиться к культуре надежды. Но сначала ему необходимо найти решение палестинской проблемы. Точно так же Европа и Соединенные Штаты стремятся навсегда избавиться от своих страхов, но единственный способ добиться этого — найти возможность помочь мусульманскому миру в решении его проблем.

Битва за глобальные ценности

Тони Блэр

КОРНИ ЭКСТРЕМИЗМА

Наш ответ на теракты 11 сентября на практике приобрел гораздо более весомое значение, чем могло показаться в свое время. Дело в том, что мы могли бы свести всё к вопросам безопасности. Но вместо этого решили отстаивать свои ценности, заявив, что нам не нужно еще что-то вроде «Талибана» или другого диктатора наподобие Саддама Хусейна. Нам хорошо известно, что идеологию фанатизма нельзя победить, лишив свободы либо уничтожив ее лидеров. Необходимо доказать несостоятельность их идей.

Ситуация, с которой мы столкнулись, на самом деле свидетельствует о том, что разразилась настоящая война. Но война особого свойства, в которой невозможно победить обычными средствами. Нам не выиграть кампанию против глобального экстремизма, не доказав, что мы превосходим его не только по своей мощи, но и с точки зрения ценностных ориентиров. Мы сможем победить, только показав всему миру, что наши ценности имеют качественное преимущество по сравнению с альтернативными ценностями, и продемонстрировав наше беспристрастное и открытое стремление сделать их общедоступными. Для защиты нашего образа жизни может понадобиться применение силы, но мы не сможем заручиться реальной поддержкой, если не станем энергично бороться с глобальной бедностью, деградацией окружающей среды и социальной несправедливостью.

Нынешний всплеск глобального терроризма и экстремизма имеет глубокие исторические корни. Причины его кроются в десятиле-

---

Тони Блэр — премьер-министр Великобритании. Статья опубликована в журнале *Foreign Affairs*, № 1 (январь — февраль) за 2007 год. © *Council on Foreign Relations, Inc.*

тиях отчуждения, гонений и политических преследований в арабском и мусульманском мире. Однако терроризм подобного рода никогда не был и не является неизбежным. Для меня самое примечательное в Коране — это его прогрессивный характер. Будучи последователем другой веры, я отдаю себе отчет в неполноте своих знаний. Как стороннего наблюдателя Коран поражает меня своим реформаторским духом. В этой книге предпринимается попытка вернуть иудаизм и христианство к их истокам, попытка, во многом похожая на то, что несколькими веками позже пытались сделать в отношении христианской церкви деятели эпохи Реформации. Коран весьма многообразен. В нем восхваляются науки и знания и отвергаются суеверия. Коран практичен и намного опережает свое время в том, что касается вопросов брака, положения женщин и государственного управления.

Под вдохновляющим воздействием Корана ислам и его господство неимоверно быстро распространились на ранее христианских или языческих территориях. За столетия ислам основал империю, которая стала мировым лидером в научных открытиях, искусстве и культуре. В эпоху раннего Средневековья проявления религиозной терпимости чаще можно было встретить в мусульманских, чем в христианских странах.

Но к началу XX века, после того как Запад пережил эпохи Ренессанса, Реформации и Просвещения, мусульманский и арабский мир стал обнаруживать неопределенность, неустойчивость своего положения и перешел на оборонительные рубежи. Некоторые мусульманские страны, например Турция, сделали решительный шаг в сторону светского государства. Другие попали в силки колонизации, зарождающегося национализма, политических преследований и религиозного радикализма. в жалком состоянии своих стран мусульмане стали видеть проявление удручающего состояния ислама. Политические радикалы превратились в религиозных и наоборот.

Власть пыталась приспособиться к исламскому радикализму, привлекая в правящую элиту некоторых его лидеров и отчасти принимая его идеологию. Результат почти всегда был катастрофическим. Религиозный радикализм таким образом становился приемлемым, политический же радикализм подавлялся, и в сознании значительной части населения они слились воедино как свидетельство необходимости перемен. Многие стали думать, что вернуть доверие и стабильность исламу можно путем сочетания ре-

лигиозного экстремизма и популистской политики, в то время как «Запад» и те исламские лидеры, которые с ним сотрудничали, превратились в их глазах во врагов.

Этот экстремизм, по всей вероятности, начинался с религиозной доктрины и философии. Но вскоре в ответвлениях «Братьев-мусульман», поддерживаемых экстремистами-ваххабитами и рассредоточенных по некоторым медресе Среднего Востока и Азии, зародилась новая идеология, которую начали экспортировать по всему миру.

День 11 сентября 2001 года унес жизни 3 тысяч человек. Но терроризм, о котором идет речь, впервые дал себя знать не на улицах Нью-Йорка. Гораздо больше людей погибло еще раньше, причем не только во время терактов, острие которых было направлено против западных интересов, но и в ходе политических мятежей и волнений по всему миру. Жертвами этого терроризма пестрит недавняя история многих стран, таких, как Индия, Индонезия, Йемен, Кения, Ливия, Пакистан, Россия, Саудовская Аравия, список можно продлевать до бесконечности. Более 100 тысяч человек погибло в Алжире. Некогда вполне разрешимые политические проблемы в Чечне и Кашмире превратились под натиском терроризма в категорически неразрешимые. Сегодня в тридцати либо сорока странах разрабатываются планы действий, так или иначе связанные с идеологией терроризма. И хотя численный состав активных приверженцев этой идеологии относительно невелик, им удастся эксплуатировать чувство отчуждения, гораздо более широко распространенное в арабском и мусульманском мире.

Теракты, которые мы упоминаем, отнюдь не являются единичными случаями. Это часть ширящегося движения, участники которого убеждены, что единоверцы отошли от правоверной религии и попали под влияние западной культуры. Ими правят те вероломные мусульмане, которые напрямую замешаны в этом перевороте (в отличие от тех, кто понимает, что для восстановления не только истинной веры, но и уверенности и самоуважения мусульман необходимо ополчиться против Запада и всего, что с ним связано).

Борьба с терроризмом в Мадриде, Лондоне либо Париже — это часть той же борьбы против терактов «Хезболла» в Ливане или «Исламского джихада» на палестинских территориях, а также повстанческих группировок в Ираке. Убийство ни в чем не повинных людей в Беслане является плодом той же идеологии, которая сеет

невинные жертвы в Йемене, Ливии, Саудовской Аравии. И когда Иран спешит оказать поддержку подобного рода терроризму, он также становится участником этой битвы.

Политическая стратегия может утверждаться сознательно либо подсознательно. В данном движении она возникла, вероятно, инстинктивно. Ему свойственны идеология, мировоззрение, глубокая убежденность и решимость фанатиков. Оно во многом напоминает ранний революционный коммунизм и не всегда нуждается в структурах и центрах управления или даже в прямой коммуникации. Участники и так знают наперечет все свои помыслы.

В конце 1990-х годов стратегия стала достаточно очевидной. Если бы речь шла только о борьбе внутри ислама, движение рисковало столкнуться с тем фактом, что другие мусульмане, которым, как и всем остальным людям, свойственно чувство порядочности и справедливости, предпочтут отвергнуть фанатизм. Битва за ислам — это междоусобная борьба мусульман против мусульман. Экстремисты осознали, что возникла необходимость начать совершенно другую битву — мусульман против Запада.

Меня до сих пор поражает, как много людей уверены в том, что сегодняшний терроризм явился следствием вторжений в Афганистан и Ирак. Эти люди, похоже, напрочь забыли о том, что теракты 11 сентября 2001-го произошли раньше обоих вторжений. Запад не напал. Он сам подвергся нападению.

ХАРАКТЕР ЗАВЯЗАВШЕЙСЯ СХВАТКИ

Итак, согласно идеологии терроризма, мы олицетворяем собой врага. Однако «мы» — это не Запад. «Мы» — это мусульмане в той же степени, что и христиане, иудеи либо индусы. «Мы» — это те, кто верит в религиозную терпимость, в открытость по отношению к другим, в демократию, в свободу и права человека, которые защищаются в светских судах.

Это не конфликт цивилизаций — это конфликт по поводу того, *что такое* цивилизация. Это старая как мир битва между прогрессом и реакцией, между теми, кто принимает современный мир, и теми, кто отвергает его: между оптимизмом и надеждой, с одной стороны, и пессимизмом и страхом — с другой.

В любой борьбе главное — правильно оценить природу конфликта, и здесь нам еще предстоит долгий путь. Мне трудно понять, каким образом столь значительная часть общественного мнения на

Западе может допускать мысль, что в появлении глобального терроризма каким-то образом виноваты мы сами.

Начнем с того, что терроризм действительно приобрел глобальный характер. Он направлен не только против Соединенных Штатов и их союзников, но и против стран, которые практически невозможно назвать партнерами Запада.

Кроме того, борьба в Ираке и Афганистане явно ведется не за освобождение этих стран от оккупации США. Цель экстремистов — не дать обеим странам превратиться в демократические государства. И не просто «по западному образцу», а по любому образцу. Именно экстремисты, а не мы убивают невинных, и делают это намеренно. Они — единственная причина, по которой мы до сих пор остаемся в Ираке и Афганистане.

Предположение о том, что исламский терроризм — продукт бедности, просто нелепость. Конечно, бедность используется им для оправдания своих действий. Но его фанатичных последователей трудно назвать приверженцами экономического развития.

Более того, цель террористов не в том, чтобы способствовать созданию Палестины, мирно сосуществующей с Израилем, а скорее в том, чтобы этого не допустить. Они борются не за становление палестинского государства, а за исчезновение Государства Израиль.

Террористы строят свою идеологию на религиозном экстремизме, и не просто на религиозном экстремизме, а конкретно — на его мусульманском варианте. Террористы отвергают модернизацию. Они надеются, что дуга экстремизма, которая протянулась сегодня через весь регион, сметет первые, хотя и нетвердые попытки, которые современный ислам предпринимает, чтобы устремиться в будущее. Они хотят возвращения мусульманского мира назад под управление полуфеодальной религиозной олигархии.

И всё же, несмотря на все эти достаточно очевидные факты, многие в западных странах прислушиваются к пропаганде экстремистов и принимают ее. (И надо отдать должное: экстремисты используют наши собственные СМИ с мастерством, которому могут позавидовать многие политические партии.) Ссылаясь на массовые убийства в Ираке, они говорят, что это — причина для того, чтобы уйти из страны. Каждый кровопролитный теракт почему-то служит указанием на нашу ответственность за беспорядки, а не на степень зла, присущую тем, кто его совершил. То, что было сделано в Ира-

ке в 2003 году, для многих настолько неправильно, что они неохотно принимают и то, что, безусловно, правильно сейчас.

Некоторые верят, что теракты целиком лежат на совести Запада из-за того, что он-де подавляет мусульман. Другие всерьез полагают, что достаточно нам покинуть Ирак и Афганистан, как теракты прекратятся. Наконец, не могут не настораживать разделяемое многими пагубное мнение, что мы, мол, платим слишком высокую цену за поддержку Израиля, а также тот факт, что многие сочувствуют тем, кто осуждает еврейское государство.

Осознай мы истинный характер ведущейся сегодня борьбы, мы были бы, как минимум, на пути к победе. Однако огромная часть общественного мнения на Западе еще очень далека от этого.

Идеологии терроризма должен быть брошен вызов — причем повсюду, где она только появляется. Исламский терроризм нельзя победить, пока мы не осознаем необходимость противостояния не только методам, но и идеям экстремизма. Я не намерен объяснять экстремистам, что террористическая деятельность — это зло. Я хочу, чтобы они поняли: их отношение к Соединенным Штатам абсурдно, их концепция государственной власти из дофеодалных времен, а их взгляды на положение женщин и на другие религии реакционны. Не только варварские теракты, но и ложное чувство обиды на Запад, попытки убедить нас в том, что ответственность за насилие должны нести другие, а не сами экстремисты, достойны всяческого осуждения.

В эпоху глобализации наше будущее определяет исход столкновения между экстремизмом и прогрессом. Мы больше не можем игнорировать эту борьбу, так же как не можем не принять меры в связи с изменением климата. Бездействовать, то есть перекладывать ответственность на Соединенные Штаты или пытаться обмануть себя, полагая, что терроризм — это череда изолированных эпизодов, а не глобальное движение, глубоко ошибочно.

ДВА ФРОНТА

Именно поэтому ошибается тот, кто игнорирует значение выборов в Ираке и Афганистане. Остается фактом, что народ, если ему дать шанс, предпочитает демократию. С того момента, как афганцы пришли и проголосовали на первых в своей истории выборах, миф о том, что демократия — это концепция Запада, окончательно развенчан. Точно так же и в Ираке, несмотря на разгул насилия и запуги-

вание, голосование было представительным, причем количество людей, которые пришли к избирательным урнам, могло бы сконфузить многие западные демократии.

Указанные избирательные кампании продемонстрировали, что люди не хотят диктатуры, ни теократической, ни светской. Когда сторонники Саддама или муллы Мухаммада Омара решают выдвинуть свои кандидатуры на выборах, им не удастся собрать сколь угодно значительное число голосов. Иракские и афганские мусульмане открыто заявили: у нас не меньше прав на демократию, чем у вас. Принимая демократию, они тем самым демонстрируют, что тоже стремятся жить в обществе, в котором мирно сосуществуют представители разных культур и религий. Эта и наша борьба.

В чьих интересах заблокировать прогресс демократии? В Ираке это пестрая смесь из иностранных джихадистов, бывших сторонников Саддама и отвергающих сотрудничество повстанцев; в Афганистане — объединение наркобаронов, талибов и «Аль-Каиды». Они утверждают, что демократия — западная идея, которую силой навязывают сопротивляющейся исламской культуре. Вспоминают о всех мыслимых теориях заговора, начиная с намерения Запада захватить иракскую нефть и кончая его планами по установлению империалистического господства. Кое-кто на Западе даже соглашается с ними.

В чем же причина столь яростного сопротивления этих реакционных элементов? Очевидно, что они с самого начала осознали важность победы или поражения. Конечно, с нашей стороны тоже допускались ошибки и имели место случаи неприемлемого нарушения прав человека. Однако мы не можем не признать, что именно здесь, в этом регионе, в наиболее чистом виде проявилась борьба между демократией и насилием

Наверняка найдутся аргументы в пользу того, что процесс дебаасизации Ирака (отстранение партии Баас от власти) протекал слишком быстро и без разбору, особенно в вооруженных силах. Однако при этом забывается тот факт, что основную тревогу в 2003-м вызывал гуманитарный кризис, который удалось преодолеть, и что в тот момент насущной необходимостью было ускорить отстранение Баас от власти.

Но после убийства сотрудников ООН в августе 2003 года в качестве главной предстала четко обозначенная задача — обеспечение безопасности. Реакционные элементы стремятся подорвать процесс восстановления и демократизации страны путем насилия. Снабже-

ние электроэнергии превратилось в проблему отнюдь не вследствие халатности, проявленной иракцами либо коалиционными силами, а по причине саботажа. Люди испытывали страх в обстановке террора со стороны криминальных группировок, многих членов которых Саддам намеренно выпустил из тюрем накануне своего падения

Подобные акции не были случайностью, они составляли и продолжают составлять часть стратегии. Когда, действуя в рамках такой стратегии, экстремисты потерпели неудачу в попытке досрочно вытеснить коалицию из Ирака и не смогли остановить голосование, они перешли к отдельным убийствам, актам грубого насилия и вандализма. Наиболее вопиющим является варварское и кощунственное разрушение шиитской мечети в Самарре.

Экстремисты знают, что если им удастся добиться успеха — в Ираке, Афганистане, Ливане или любой другой стране, желающей следовать демократическим путем, — то демократическое будущее арабского и мусульманского мира, как перспектива, потенциально подвергнется смертельному удару. И наоборот, если эти страны превратятся в демократии и станут успешными, будет нанесен мощный удар по всей антизападной пропаганде экстремистов, а также и по их системе ценностей.

В каждом из этих случаев Соединенные Штаты, Великобритания и многие другие государства помогают подготовке местных сил безопасности, оказывают поддержку демократическому процессу и служат оплотом против терроризма, угрожающего подорвать его. Все это происходит в полном соответствии с мандатом ООН.

Дебаты о правильности изначально принятых решений, особенно в отношении Ирака, будут продолжаться. Оппоненты станут говорить, что Ирак никогда не представлял собой угрозы, что там не было оружия массового уничтожения, что торговля наркотиками в Афганистане продолжается. Я же отмечу, что Ирак в действительности представлял собой угрозу, о чем свидетельствуют две войны в регионе, 14 резолюций Совета Безопасности ООН и заключительный доклад наблюдательной группы. Я также напомним, что после окончания войны в Ираке мы добились крупных успехов в ограничении распространения ОМУ, установили новые взаимоотношения с Ливией и настояли на прекращении деятельности нелегальной ядерной сети пакистанца Абдул Кадира Хана. Подчеркну, что именно талибы управляли наркоторговлей и давали приют «Аль-Каиде» и ее тренировочным лагерям.

Но чем бы ни завершились дебаты, если они вообще завершатся, какими бы правильными или неправильными ни были действия по устранению Саддама и талибов, остается фактом, что сейчас существует очевидная, ясная и чрезвычайная причина для поддержки народов указанных стран в их стремлении к демократии. Начиная с июня 2003 года многонациональные силы находятся в Ираке на основании резолюции ООН и по мандату первого в истории этой страны избранного правительства. В Афганистане все действия с самого начала осуществлялись в соответствии с решением ООН.

Ключевым моментом в деле устранения Саддама в Ираке и талибов в Афганистане является отнюдь не смена режимов, а стремление изменить систему ценностей, господствовавшую в этих странах. Лозунгом на самом деле была не «смена режима», а «смена ценностей». Именно поэтому я настаиваю на том, что сделанное в результате подобного вмешательства может иметь гораздо более весомое значение, чем это представлялось в свое время. Горькая ирония состоит в том, что экстремисты не в пример многим на Западе отдают себе более ясный отчет в том, что поставлено на карту.

БИТВА ЗА СЕРДЦА И УМЫ

В конечном счете это битва за прогрессивные ценности. Отчасти ее можно вести и выигрывать только внутри самого ислама. В этой связи полезно вспомнить, что экстремизм — это не подлинный голос ислама. Миллионы мусульман по всему миру хотят того же, что и все люди: свободы для себя и для всех остальных. Они считают терпимость добродетелью, а уважение к вере других — частью своей собственной веры.

Речь идет о битве ценностей, битве за прогресс. Следовательно, она не должна быть проиграна. Если мы хотим защитить наш образ жизни, у нас нет другой альтернативы, кроме как сражаться за него. Это может означать только одно — отстаивание наших ценностей не только у себя стране, но и во всем мире. Нам необходимо построить глобальный альянс в защиту глобальных ценностей и действовать через него. Бездействие тоже политика, дающая соответствующие результаты. Но она ошибочна.

Вся стратегия исламистского экстремизма базируется на необоснованном чувстве обиды, которое разделяет людей. В ответ мы должны предложить систему ценностей, которые в достаточной степени привлекательны, чтобы послужить целям объединения. Речь

здесь идет не только о безопасности или военной тактике. Все дело — в сердцах и умах людей, в том, чтобы вдохновить и убедить их, продемонстрировав им все то лучшее, что символизируют наши ценности. Почему мы пока не добились успеха? Потому что мы недостаточно энергичны, последовательны и основательны в борьбе за те ценности, в которые верим.

Сказанного достаточно, чтобы стало очевидно, как много предстоит сделать. Убедить западную общественность, в чем природа настоящего конфликта, — задача трудная уже сама по себе. Но нам еще нужно помочь современным умеренным, центристским силам исламского мира нанести поражение реакционным оппонентам.

Нам предстоит доказать, что наши ценности — не западные, и тем более не американские или англосаксонские; они принадлежат всему человечеству, носят универсальный характер и должны стать правом для гражданина мира.

На нас ополчились целые отряды ярых ненавистников. Но гораздо больше людей, которые не испытывают к нам ненависти, но сомневаются в наших мотивах, доброй воле и беспристрастности. Именно они могли бы разделить с нами наши ценности, однако им кажется, что мы и сами придерживаемся этих ценностей лишь избирательно. Следовательно, нам предстоит переубедить их, довести до сведения этих людей, что дело касается в равной степени правосудия и справедливости, безопасности и процветания.

Вот почему целый ряд ключевых вопросов не только ждут своего решения в важной для нас сфере национальных интересов, но и являются для нас серьезным тестом на приверженность глобальным ценностям. Если мы верим в справедливость, как мы можем допускать, чтобы ежедневно погибали 30 тысяч детей, хотя их смерть можно предотвратить? Если мы верим в нашу ответственность перед будущими поколениями, как мы можем быть равнодушны к деградации планеты? Как мы можем быть сопричастны к глобальной торговой системе, которая основана на несправедливом товарообмене? Как мы можем принести мир на Ближний и Средний Восток, не решив палестино-израильскую проблему?

Везде, где люди живут в страхе, оставив надежду на продвижение вперед, нам следует принять их сторону, солидаризируясь с ними, будь то в Мьянме, Северной Корее, Судане или Зимбабве. Нам следует протянуть руку помощи всем тем странам, которые находятся в процессе демократического развития.

Во имя достижения указанных целей необходимо вести активную внешнюю политику, направленную на привлечение к сотрудничеству, а не на изоляцию. Это недостижимо без прочного альянса с Соединенными Штатами и Европой в его основе. Но на необходимом нам альянсе дело не заканчивается, все только начинается.

Позвольте мне высказаться без обиняков. Я не всегда соглашусь с Соединенными Штатами. Иногда наша дружба переживает трудные моменты. Однако распространение антиамериканских настроений кое-где в Европе является безумием, особенно в свете долгосрочных интересов будущего мироустройства, в которое мы верим. Опасность не в том, что США слишком активно вовлечены в мировые проблемы. Опасность в том, что Вашингтон может развести мосты и отдалиться от этих проблем. Мир нуждается в их вовлеченности. Мир хочет их вовлеченности. Реальность такова, что без Соединенных Штатов нельзя ни решить, ни даже приблизиться к решению ни одной из тех проблем, которые нас одолевают.

НЕ ТОЛЬКО БЕЗОПАСНОСТЬ

Сегодня очень важно понять, что наши злободневные темы не ограничиваются вопросами безопасности. Существует риск разделения глобальной политики на «жесткую» и «мягкую», при котором «жесткие» меры принимаются в отношении террористов, а с бедностью и социальной несправедливостью ведется борьба главным образом с помощью «мягких» кампаний. Такой разрыв опасен, поскольку взаимозависимость уравнивает все эти проблемы в правах. В том-то все и дело, что они взаимозависимы. Ответ терроризму — в универсальном применении глобальных ценностей; при этом на бедность и социальную несправедливость можно ответить тем же самым способом. Вот почему отстаивание глобальных ценностей следует осуществлять не избирательно, а вникая во все вопросы глобальной повестки дня.

Нам необходимо с новой энергией взяться за мирное урегулирование между Израилем и палестинцами — и сделать это решительно и углубленно. Его значение для более широкой проблемы Ближнего и Среднего Востока и борьбы внутри ислама выходит за пределы исправления бедственного положения палестинцев. Урегулирование могло бы стать реальным, осязаемым доказательством того, что различные религии и культуры способны сосуществовать и в регионе, и в мире. Это не только отнимет у реакционного ислама

один из его наиболее эффективных и взрывных лозунгов, но и окончательно подорвет основы его идеологии.

Мы должны бороться с губительными последствиями бедности, голода, болезней и конфликтов путем наращивания гуманитарной помощи и активных действий, особенно в Африке. До председательства Великобритании в группе ведущих индустриальных держав «Большой восьмерки» в 2005 году проблемы Африки и изменения климата не входили в число первоочередных в политической повестке дня Лондона, тем более на международной арене. Теперь же положение изменилось. Этим в немалой степени мы обязаны усилиям миллионов людей, вдохновленных кампаниями «*Make Poverty History*» («Пусть бедность уйдет в прошлое») и «*Live 8*» (благотворительные концерты, прошедшие в ноябре в странах «Большой восьмерки». — Ред.), которые сыграли чрезвычайно важную роль в деле мобилизации гражданского общества. Но то, что данные темы занимают сейчас верхние строчки повестки дня, не означает, что они не рискуют снова легко переместиться вниз.

Нам следует позаботиться о том, чтобы этого не произошло. Наш долг — продолжать мобилизацию ресурсов и прикладывать усилия к тому, чтобы превратить обязательства 2005-го в реальные действия. Могу засвидетельствовать: когда африканские правительства по-настоящему проявляют приверженность делу прогресса, народы континента вполне поддерживают их усилия. Именно поэтому, каким бы отчаянным ни выглядело положение и какими бы непреодолимыми ни казались препятствия, мы должны сохранять оптимизм и верить, что прогресс реально достижим.

Следует активизировать торговые переговоры. Очевидно, что на кон поставлена наша решимость бороться с бедностью на планете и оказывать поддержку развитию. Кроме того, на чашу весов брошена сама идея многосторонних действий для достижения общих целей. Если мы окажемся неспособны обеспечить на должном уровне проведение раунда торговых переговоров, когда этого, безусловно, требуют и наши долгосрочные национальные, и широкие международные интересы, это может привести к провалу с многочисленными неблагоприятными последствиями. Политика сельскохозяйственного протекционизма в Европе — порождение прошлой эпохи, и пришло время положить ей конец. Однако перемены в рамках одной лишь Европы ни к чему не приведут. Соединенные Штаты также должны раскрыть свои возможности. То же самое касается Япо-

нии. Чтобы сделать более доступными несельскохозяйственные рынки, мы рассчитываем на лидерство со стороны Бразилии и Индии. Нам следует также договориться о пакете мер развития для беднейших стран, который включает 100-процентный доступ к рынкам и помощь в развитии торговли.

Наконец, мы взываем ко всему миру о необходимости сосредоточить усилия на угрозе изменения климата. Будущие поколения не простят нас, если мы не обратим внимание на деградацию и загрязнение нашей планеты. От нас зависит, будет ли выработана четкая и стройная система действий с измеряемыми результатами, в которой примут участие все основные игроки и которая будет направлена на то, чтобы стабилизировать концентрацию парниковых газов и температуру планеты. Убежден, что четко поставленная цель и отлаженная система действий помогут стимулировать столь необходимую нам технологическую революцию. Жизненно важно также вселить в бизнес чувство уверенности для инвестиций в более чистые технологии и сокращение выбросов в окружающую среду.

Соединенные Штаты стремятся к созданию низкоуглеродной экономики, осуществляют крупные капиталовложения в чистые технологии, заинтересованы в существенном росте Китая и Индии. Мир готов к новому старту. Вашингтон призван возглавить этот процесс.

За девять лет на посту премьер-министра я не стал меньше идеалистом или больше циником. Просто я все больше убеждаюсь в том, что различие между внешней политикой, движимой ценностями, и внешней политикой, движимой интересами, некорректно. Глобализация порождает взаимозависимость, а последняя влечет за собой необходимость общей системы ценностей, без которой она не будет работать. Идеализм, таким образом, превращается в реальную политику.

Само по себе это не означает, что принятие решений в нашем суровом мире временами не будет приводить к неудачам, недочетам, противоречиям и лицемерию. Но что действительно важно, так это то, что духовное начало человека, от которого зависит прогресс человечества, таит в себе надежду на будущее человечества.

Именно в этом смысл моего утверждения, что эта борьба — борьба за ценности. Наши ценности служат нам ориентиром, олицетворяющим прогресс человечества на протяжении веков. На каждом этапе нам приходилось отстаивать их. И в преддверии новой эры наступило время снова вступить за них в схватку.

Афганистан без коалиции

Владимир Овчинский

Действия Международных сил содействия безопасности (*ISAF*) в Афганистане вызывают множество нареканий. Натовский контингент не может похвастаться успехами в борьбе с талибами, весьма сомнительны и достижения в области «строительства основ демократического государства». Однако, критикуя усилия западной коалиции, следует отдавать себе отчет: если миротворческие силы покинут афганскую территорию, там появится очаг нестабильности, которая может охватить «расширенный» Ближний Восток и Центральную Азию. А это несет прямую угрозу России и чревато тяжелейшими конфликтами, вплоть до ядерного.

ТЛЕЮЩИЙ ОЧАГ БОЛЬШОГО ВЗРЫВА

На фоне катастрофического развития событий в Ираке и американо-иранского противостояния, грозящего перерасти в вооруженное столкновение, многие эксперты ошибочно воспринимают афганский конфликт как хотя и серьезный, но второстепенный и вялотекущий. Однако на самом деле именно ситуация в Афганистане наиболее непредсказуема и поэтому особенно опасна для мировой стабильности.

В справке Белого дома о саммите НАТО-2006 в Риге говорится, что «каждый союзник может гордиться преобразованиями, самой возможностью которых народ Афганистана обязан НАТО. Страна, некогда бывшая убежищем террористов, превратилась в союзника по войне с террором под руководством мужественного президента

В.С. Овчинский — д. ю. н., советник председателя Конституционного суда РФ, генерал-майор милиции в отставке, член редакционного совета журнала «Россия в глобальной политике».

Хамида Карзая. Благодаря нашим усилиям свыше 4,6 млн афганских беженцев вернулись домой — это одно из крупнейших возвращений беженцев в истории; масштабы афганской экономики за последние пять лет увеличились втрое; около 2 млн девочек теперь посещают школу, тогда как при талибах не было ни одной школьницы; 85 женщин избраны или назначены в афганскую Национальную ассамблею».

Накануне саммита директор ЦРУ Майкл Хайден давал совсем другую оценку ситуации на слушаниях в Сенате. В стране наблюдается резкий рост влияния «Аль-Каиды», увеличивается число боевиков движения «Талибан», которые перенимают опыт и тактику нападений, применяемые в Ираке. «Аль-Каида», по словам посетившего Кабул Хайдена, «является связующим звеном между Ираком и Афганистаном». Выводы директора ЦРУ поддержал и шеф разведки Пентагона генерал Майкл Мейплз.

В еще более тревожных тонах выдержаны выводы исследования, проведенного кабульским правительством при содействии ООН. В нем отмечается резкое обострение военной напряженности. Если в 2005 году ежемесячно регистрировалось около 130 нападений на войска стран НАТО в Афганистане, а в марте 2006-го — 300, то в октябре прошлого года — уже до 600 атак в месяц.

Ситуация с безопасностью, говорится далее, все более драматическая. Во многих районах прекращены восстановительные работы, закрыты школы, международные гуманитарные организации отозвали своих сотрудников. На значительной территории страны «люди предоставлены самим себе или движению “Талибан”, влияние которого опасно возросло». Уполномоченный ООН по Афганистану Том Кенигс считает: «Чтобы избежать поражения, необходимо огромное военное усилие».

Также в преддверии Рижского саммита главнокомандующий войсками НАТО в Афганистане британский генерал Дэвид Ричардс заявил, что если к апрелю 2007 года не произойдет принципиального повышения уровня безопасности, то к талибам могут примкнуть 70 % афганцев. Генеральный секретарь НАТО Яап де Хооп Схеффер сравнил Афганистан с Фульдой — знаменитым участком территории, который в годы холодной войны считался самым уязвимым в Германии местом для советской атаки.

По сведениям НАТО, в конце сентября 2006 года под прямым контролем или под влиянием талибов находилась почти половина

афганской территории. Андрей Кузьминов, один из ведущих военных тележурналистов России, побывавший в Афганистане в самом конце прошлого года, свидетельствует, что талибы полностью взяли под контроль такие важные магистрали, как Кандагар — Кабул и Кандагар — Герат, активно укрепляются на северо-западе страны. Весной 2007-го под угрозой захвата может оказаться Кандагар.

С талибами начали договариваться отдельные представители бывшего Северного альянса. Экс-президент Афганистана Бурхануддин Раббани заявил, что он не против прихода талибов к власти, если те не будут нарушать законы ислама. Все прекрасно понимают, что «Талибан» — реальная сила. Местные жители стараются держаться подальше от военнослужащих международной коалиции, страшась репрессий после возвращения талибов.

По итогам 2006 года Эммануэль Рейнерт, исполнительный директор международного научно-исследовательского центра *The Senlis Council* (сообщество экспертов в области международной политики. — Ред.), сделал неутешительный вывод: «США утратили контроль в Афганистане, скомпрометировали новую демократию в Кабуле. Американская политика воссоздала вольготные условия для террористов, хотя целью вторжения было уничтожение терроризма».

ХУЖЕ ЧЕМ ПРИ «ШУРАВИ»

Несмотря на миллионы долларов, потраченных на информаторов, до сегодняшнего дня военной разведке союзников так и не удалось ликвидировать талибскую систему управления и командования. Приказы поступают из трех командных пунктов в Пакистане (Кветта, Мираншах и Пешавар) и передаются пешими или конными посыльными полевым командирам под более или менее откровенным прикрытием офицеров *ISI* (секретная служба Пакистана), движимых религиозными мотивами и видящих в Афганистане полигон для джихада, острие которого будет затем направлено против Индии.

На вершине управленческой пирамиды талибов находится всё тот же мулла Мохаммад Омар. Верховный руководитель движения «Талибан» недавно заключил с правительством Первеза Мушаррафа перемирие в Вазиристане — зоне, контролируемой племенами, где сконцентрировано большое число талибов и террористов.

Штаб талибов возглавляет мулла Дадулла — один из самых жестоких представителей движения «Талибан». Главный союзник — егип-

тянин Айман аз-Завахири, оперативный мозг «Аль-Каиды». Вместе с талибами (8 тыс. боевиков) и членами «Аль-Каиды» (500–1 000 человек) действуют военизированные формирования полевых командиров Джалалуддина Хаккани и небезызвестного Гульбединна Хекматъяра. Последний контролирует оперативную базу крыла партии «Хизби-Ислами», которая дислоцирована в провинции Кунар. Там же, по данным разведки Пакистана, находится Усама бен Ладен.

В 1980-е Хекматъяр и бен Ладен вместе воевали против Советского Союза. Во время гражданской войны 1992–1996 годов Хекматъяр, этнический пуштун, который занимал пост премьер-министра, поднял свою армию против армии президента Раббани, этнического таджика. После прихода к власти талибов Хекматъяр бежал в Иран и вернулся, когда режим «Талибан» пал. С тех пор экс-премьер призывает афганцев поддержать «Аль-Каиду» и вести джихад против коалиционных войск во главе с США.

Итак, 2006-й был отмечен ростом активности и боеспособности талибов. Основные подразделения боевиков, прежде сосредоточенные главным образом в восточных районах Афганистана, теперь действуют небольшими группами на всей территории страны.

По мнению Андрея Кузьмина, у талибов нет отрядов в нашем понимании. Их формирования представляют собой разрозненные ячейки: один боевик знает, скажем, только пятерых, следующий — еще пять-восемь человек и т. д. В их рядах немало иностранных террористов: чеченцев, узбеков, уйгуров и арабов. Помимо старой гвардии, уцелевшей после американских бомбардировок 2001–2002 годов, действуют «новые талибы» 20–25 лет, завербованные в пакистанских медресе или в лагерях беженцев. Ежемесячное жалование составляет от 200 до 500 долларов (больше, чем у военнослужащих афганской армии), в случае гибели семья получает 10 тыс. долларов.

Для проведения терактов используется тактика минирования дорог, задействуются смертники-шахиды. Против солдат противника применяются реактивные пусковые установки и зенитные ракеты. По данным натовских офицеров, новые приемы ведения боевых действий талибы переняли у дезертиров из регулярной армии и полиции, обученных американскими инструкторами, а также у боевиков, бежавших из Ирака. Вербовка новых бойцов в Афганистане — не проблема.

Ведется активная антиамериканская пропаганда. На базарах легко приобрести компакт-диски с записями казней крестьян, обвиненных в шпионаже. В Кандагаре и его окрестностях идет охота за

переводчиками, работающими с военной коалицией и правительственными чиновниками.

Ситуация напоминает период нахождения в Афганистане советских войск. Но многие зарубежные аналитики полагают, что тактика СССР была более эффективна, поскольку сочетала активные действия по политическому строительству с восстановительными работами и строительством, как таковым. Не допускалось развитие наркобизнеса в таких беспрецедентных масштабах, как сегодня. Между тем только через пять лет оккупации Афганистана Верховный главнокомандующий Объединёнными вооружёнными силами НАТО в Европе Джеймс Джонс заявляет, что «долгосрочное решение по Афганистану — это не только военная проблема. Надо сделать упор на нужный объем восстановительных работ в нужном месте и в нужное время».

НАРКОГОСУДАРСТВО В ЗОНЕ БЕДСТВИЯ

До последнего времени западная коалиция осознанно не принимала активных мер для борьбы с наркобизнесом в Афганистане. Прежде всего — боясь получить «нож в спину»: ведь в наркобизнесе участвуют все реальные политические силы страны, в том числе и те, на кого опирается Запад.

Президент Афганистана Хамид Карзай, назвавший опиум «раковой опухолью» хуже терроризма, в интервью *The Washington Post* признаёт, что уничтожение посевов может усугубить ситуацию. Тем самым будет не только нанесен урон окружающей среде и здоровью людей: «Когда западные самолеты начнут сбрасывать с неба химикаты, местное население воспримет это как продолжение боевых действий».

Тот же генерал Джонс заявил в октябре 2006-го в Международном пресс-центре в Вашингтоне: «Афганистан идет в направлении создания наркогосударства. Проблема в том, что возросший экономический потенциал наркокартелей питает некий экономический двигатель, который обеспечивает большую часть этих силовых “игроков”, и именно поэтому проблема наркотиков стоит столь остро».

По данным исполнительного директора Управления ООН по наркотикам и преступности Антонио Марии Косты, ежегодное производство наркотиков достигло в Афганистане рекордных 6,2 тыс. т, что составляет 92 % всего собираемого в мире опиумного мака — сырья для героина. Почти всю незаконную торговлю контролируют талибы. Из вырученных средств они финансируют свою деятель-

ность, вооружаются и вербуют боевиков, в том числе и среди 76-тысячного контингента регулярной армии.

Коста также отметил, что площади посадок опиумного мака на юге страны постоянно увеличиваются, и призвал НАТО покончить с наркобизнесом. Однако генеральный секретарь альянса Яап де Хооп Схеффер заявил, что перед подразделениями НАТО в Афганистане не стоит задача уничтожения плантаций и борьбы с наркоторговлей. Силы Североатлантического альянса могут проводить такие операции только по просьбе правительства.

В Афганистане наблюдается дальнейшее обнищание населения, растет заболеваемость, снизился образовательный ценз, не хватает продуктов питания, жители 80 % городов и поселков испытывают недостаток в питьевой воде и электроэнергии. Такое положение вызывает резкое недовольство афганцев и дает возможность талибам вербовать новых сторонников. Оценка, согласно которой движению «Талибан» оказывают поддержку 70 % населения, видимо, даже занижена.

«ПЛОХОЙ» СЦЕНАРИЙ

Талибы еще не предпринимали реального крупномасштабного наступления на силы коалиции и на Кабул. Даже террористические атаки и диверсии, по оценкам экспертов, носят пока еще «пробный» характер. Крупная, умело скоординированная атака при поддержке основной массы населения (а возможно, и значительной части «проправительственных» войск и сил безопасности) по масштабу и интенсивности может превзойти самые мрачные ожидания.

Соединенным Штатам приходится воевать на два фронта, а в случае военного конфликта с Ираном проблема значительно усугубится. При этом рассчитывать на союзников Пентагон может в очень ограниченной степени. На юге Афганистана воюют в основном воинские части США и Великобритании (с участием военных формирований Австралии, Дании, Канады и Нидерландов), а подразделения еще 31 страны, в том числе Германии, Италии и Франции, расквартированы в более спокойных северных районах. Поэтому на Рижском саммите был так остро поставлен вопрос о равномерном распределении рисков.

И если многие сейчас говорят о «втором Вьетнаме», то есть о возможности бегства американской армии из зоны боевых действий, наступит он скорее не в Ираке, а в Афганистане. Такой сценарий способен вызвать целую цепь не только региональных, но и глобальных катастрофических последствий.

Талибы едва ли останутся, вернув себе власть в Афганистане. Следующей целью, вероятнее всего, станет Исламабад. Лавирование президента Пакистана Первеза Мушаррафа и его спецслужб между отношениями с США и заигрыванием с «Аль-Каидой» и талибами возможно в относительно мирное время. Но глобальный кризис в Афганистане с уходом оттуда сил коалиции чреват любыми экстремальными событиями вплоть до военного переворота, в результате которого пакистанское ядерное оружие окажется в руках экстремистов.

Другим направлением экспансии победивших талибов станут центральноазиатские государства. 2006 год обозначил новую цель — захват месторождений урановых руд и заводов по их переработке. В Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Узбекистане сосредоточены огромные залежи урана, функционируют первоклассные заводы по его переработке. Поэтому все эти республики — потенциальные объекты нападения.

«ПЯТАЯ КОЛОННА» ТАЛИБОВ

Прорыв в Центральную Азию талибы будут осуществлять с помощью своей «пятой колонны» — радикальных исламистских групп. Радиообращение лидера Исламского движения Узбекистана (ИДУ) Тахира Юлдашева в сентябре 2006 года с угрозами в адрес президентов трех центральноазиатских республик — Ислама Каримова, Курманбека Бакиева и Эмомали Рахмонова буквально взорвало региональные СМИ. Множество аналитиков выступили с развернутыми комментариями, общий смысл которых сводится к тому, что Центральная Азия стоит на пороге нового витка нестабильности, в которую могут быть втянуты великие державы — Китай, Россия и США.

Но основным противником светских режимов является не ИДУ, а партия «Хизб ут-Тахрир», использующая, по ее собственному заявлению, мирные, идеологические средства борьбы, но при этом вовлекающая в свои ряды целые села и районы в Ферганской долине, включая юг Киргизии. Только здесь количество ее сторонников, по различным сведениям, колеблется от 7 до 15 тысяч человек. Всё более явно «хизбутовцы» действуют и на севере страны, сознательно создавая вокруг себя ореол «мучеников за веру».

В «пятую колонну» талибов следует включить и сепаратистов из Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Большое число уйгурских сепаратистов ежегодно проходят подготовку в пакистан-

ских и афганских лагерях талибов, а затем по специальной команде занимаются бандитизмом, рэкетом и наркобизнесом в Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Узбекистане.

По данным спецслужб центральноазиатских республик, группы уйгурских сепаратистов активно участвовали в киргизской «тюльпановой революции» и андижанских событиях в Узбекистане.

НЕИЗБЕЖЕН ЛИ «ПЛОХОЙ» СЦЕНАРИЙ?

Возникает парадоксальная ситуация: интересы основных мировых игроков (США, Россия, Китай), во многом противоречащие на глобальном уровне, полностью совпадают в Афганистане: любой ценой обеспечить там стабильность.

Американцам это необходимо для решения проблем с Ираком и Ираном, а также для того, чтобы продолжать контролировать урановый рынок Узбекистана (с 1992-го весь узбекский уран экспортируется при посредничестве одной из американских компаний).

Китайцы заинтересованы в том, чтобы в более или менее стабильной обстановке провести Олимпиаду-2008, а стало быть, им нужно держать в узде своих уйгурских сепаратистов, «зачистка» которых в конце 2006 – начале 2007 года проводилась даже в высокогорных районах Памира. Также они стремятся развивать свою урановую программу, более активно используя возможности Центральной Азии. Китай объявил о масштабном расширении атомной энергетики: к 2020-му планируется построить еще 30 ядерных реакторов к уже существующим 9 атомным энергоблокам. А из ежегодно потребляемого урана только половину КНР добывает на своей территории. Что же касается России, то, учитывая географическое положение, экономику, миграционные потоки и ту же урановую проблему, стабильность в Центральной Азии равнозначна стабильности у себя дома.

Казалось бы, при таком сходстве целей и задач достаточно объединить усилия НАТО, Организации Договора по коллективной безопасности, Шанхайской организации сотрудничества и проблема будет решена. Но Афганистан еще никому и никогда не дал возможность осуществить простые решения. Да и неразрешимые противоречия в других сферах, на других территориях не допустят «простых» решений. И может так случиться, что действовать по нейтрализации этого «плохого» сценария России придется в одиночестве.

Саммит НАТО в Риге: БОЛЬШОЙ КОНТЕКСТ

Рад ван ден Аккер, Михаэль Рюле

В конце ноября 2006 года главы государств и правительств 26 стран — членов НАТО собрались в столице Латвии Риге на очередной саммит. За последние десять лет встречи в верхах Организации Североатлантического договора превратились во все более насыщенные двухдневные мероприятия, участие в которых принимают не только страны-члены, но и страны-партнеры. Однако, в отличие от предыдущих форумов, в Ригу партнеров не приглашали. Не проводились ни заседания Совета евро-атлантического сотрудничества, объединяющего членов альянса и 20 государств Европы и Центральной Азии, ни заседания комиссии НАТО — Украина и Совета НАТО — Россия. Встречу решили провести в узком кругу, и она заняла меньше суток.

Почему же саммит в Риге был организован, по выражению британского военного журнала, столь «интровертным» образом? И почему организаторы встречи, проходившей вблизи границ России, даже не попытались привлечь к участию в ней каких-либо высокопоставленных российских представителей? Ответ станет очевидным, если поместить Рижский саммит в контекст расширенной эволюции НАТО из альянса, изначально предназначенного для обеспечения территориальной обороны Западной Европы, в инструмент защиты трансатлантических интересов безопасности всюду, где они подвергаются риску.

ТРИ ФАЗЫ ЭВОЛЮЦИИ

Использование исторических категорий нередко ведет к упрощению сложных явлений. И все же полезно представить себе 58-летнюю

Рад ван ден Аккер, Михаэль Рюле — сотрудники подразделения политического планирования личной администрации генерального секретаря НАТО. Статья отражает личное мнение авторов.

историю Североатлантического блока в виде эволюции, которая прошла через три отдельные фазы: холодную войну, десятилетие после окончания холодной войны и период, который начался с терактов в Вашингтоне и Нью-Йорке 11 сентября 2001 года. Для каждой из этих фаз были характерны свои специфические вызовы безопасности, и каждый из них требовал особых способов реагирования. Соответственно менялся облик и самой НАТО.

Первая фаза, холодная война, растянулась на четыре с лишним десятилетия. Все это время роль Организации Североатлантического договора оставалась, по сути, статичной — предотвращение агрессии против стран-членов. Учитывая особые условия конфликта Восток — Запад, НАТО располагала только одним способом решения этой задачи — сдерживанием, то есть обычной угрозой применить силу в ответ на агрессию. Зная о последствиях, обе стороны проявляли значительную осторожность в отношениях друг с другом, и поэтому в Европе эпохи холодной войны использование силы в политических целях было практически исключено.

На **второй фазе**, в период между падением Берлинской стены и разрушением башен-близнецов в Нью-Йорке, роль НАТО претерпела фундаментальные изменения. Хотя некоторые наблюдатели, не в последнюю очередь в России, и ожидали, что организация прекратит свою деятельность, европейские реалии вдохнули в нее новую жизнь совершенно иного качества. Из трансатлантической рамочной структуры по сохранению стабильности блок превратился в важнейший фактор трансформации постбиполярной Европы.

В политическом отношении новой функции НАТО отвечала установка на создание партнерств буквально со всеми странами Старого Света и Южного Средиземноморья. С военной точки зрения новая роль наиболее отчетливо проявилась на Западных Балканах. Пытаясь остановить насилие и кровопролитие после распада Югославии, организация стала посвящать все больше времени и усилий кризисному менеджменту за пределами зоны своей компетенции.

Эволюция после холодной войны отражала меняющееся понятие безопасности. Поскольку угроза вторжения исчезла, необходимость сосредотачивать все усилия исключительно на территориальной обороне явным образом исчерпала себя. Однако нестабильность по соседству с «расширенной» Европой вполне могла повлиять на безопасность стран — членов НАТО. Подобная ситуация не могла быть исправлена путем одной лишь демонстрации военной силы. Поли-

тика безопасности должна была превратиться в стратегию широких политических обязательств, а в случае с Западными Балканами речь шла и о долгосрочном военном присутствии.

Как и предшествующий период, вторая фаза эволюции завершилась на определенной оптимистической ноте. В конце 1990-х Европа, казалось бы, совершила «мягкую посадку» после всех перипетий холодной войны. Успехи европейской интеграции, демократизация России и возникновение общего движения в направлении сотрудничества на континенте ясно обозначили конец последних пережитков идеологической конфронтации. Хотя процесс расширения Североатлантического блока и особенно военно-воздушная кампания в Косово вызвали серьезное неодобрение России, Брюссель получил возможность утверждать, что играет конструктивную и жизненно важную роль в качестве рамочной структуры по управлению послевоенной трансформацией Европы, а также по достижению мира в Западных Балканах.

ОТ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ К ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ

Теракты 11 сентября 2001 года обозначили начало **третьей фазы** эволюции НАТО. Стало ясно, что основные угрозы союзникам по Североатлантическому альянсу (как, кстати, и многим другим странам) больше не исходят из Европы, их источники расположены за пределами Старого Света. Перед лицом международного терроризма, несостоявшихся государств и распространения оружия массового уничтожения традиционный «евроцентризм» НАТО, преобладавший в течение двух предшествующих фаз, утратил актуальность. Дальнейшая консолидация Европы как единого демократического пространства по-прежнему занимала верхнюю строку в повестке дня. Однако глобальная природа новых угроз лишала смысла чисто географический подход. Если блок собирался и далее обеспечивать безопасность своих членов в мире «глобальной небезопасности», ему следовало взять на вооружение функциональный подход и быть готовым решать проблемы непосредственно на месте их возникновения.

Случай применить этот новый подход на практике представился, когда впервые в своей истории НАТО пришлось прибегнуть к необходимости выполнить обязательство по коллективной самообороне в ответ на теракты 11 сентября 2001 года. В период холодной войны считалось, что это обязательство в основном при-

менимо в случае военного нападения стран Организации Варшавского договора. Однако, распространив его на крупномасштабный теракт, совершенный негосударственными акторами, НАТО при молчаливой поддержке России стала организацией борьбы, глобальной по своей сути. В августе 2003-го Брюссель принял на себя командование Международными силами содействия безопасности (*ISAF*) в Афганистане, продемонстрировав полную готовность руководствоваться функциональным подходом к вопросам безопасности.

Эта третья фаза эволюции альянса, очевидно, является самой ответственной. Исправное следование логике обязательств означает теперь необходимость брать на себя еще более широкий спектр миссий, начиная с боевых операций и заканчивая гуманитарной помощью. Сегодня это – поддержание мира в Косово, содействие военной реформе в Боснии и Герцеговине, патрулирование Средиземного моря в ходе военно-морской антитеррористической операции, участие в боевых действиях и миротворческих миссиях в Афганистане и воздушная транспортировка войск Африканского союза в кризисный регион Дарфур в Судане. Кроме того, НАТО оказывала гуманитарную помощь Соединенным Штатам после урагана «Катрина» и Пакистану после землетрясения в октябре 2005-го, обучает силы безопасности Ирака как в самой стране, так и за ее пределами. Неудивительно, что многие эти миссии и операции, учитывая их важность для расширенных понятий безопасности и стабильности, пользуются поддержкой Российской Федерации либо через посредство Совета Безопасности ООН, либо путем реального вклада в виде воинских контингентов или материально-технической поддержки.

Расширяя свою повестку дня, Североатлантический альянс сталкивается с целым рядом политических, военных и финансовых проблем. Большинство миссий носят сегодня не просто долгосрочный характер, их успех в конечном итоге зависит скорее от перспектив политического и экономического развития, чем от военного превосходства. Поэтому более чем когда-либо раньше Брюсселю необходимо координировать свои военные усилия с деятельностью гражданских акторов. Долгосрочный характер обязательств также непосредственно связан с вопросом о способе финансирования этих операций, заслуживающем оценки союзников как справедливом и равноправном. Как показали ожесточенные бои на юге Афганистана в течение прошлого года, решение отдельных задач стало требо-

вать весьма значительных военных затрат. Более того, страны альянса ныне преследует призрак человеческих потерь, которые приходится нести при выполнении заграничных миссий, что является беспрецедентным вызовом для демократических обществ.

РОСТ ОПЕРАТИВНЫХ ТРЕБОВАНИЙ

В условиях роста оперативных требований возникла проблема военных, политических и финансовых средств, необходимых для надлежащего выполнения Североатлантическим альянсом своих обязательств. В Риге действительно достигнуты существенные результаты. Силы реагирования НАТО находятся в полной боевой готовности, в распоряжении альянса оказывается мощный, более чем двадцатитысячный резерв на случай новых рисков и угроз. Кроме того, союзники достигли договоренности об использовании американских, российских и украинских большегрузных транспортных самолетов для натовских миссий. Страны-члены пришли также к соглашению о новых инициативах в таких областях, как тактическая противоракетная оборона, воздушное наблюдение и сотрудничество между оперативными силами специального назначения. Крупные реформы в оборонном планировании, формировании воинских контингентов и организации обеспечат лучшую подготовку и финансирование миссий в будущем.

Рижский саммит стал серьезным шагом в направлении политического преобразования НАТО. Союзники договорились, например, об углублении сотрудничества со странами-партнерами, включая государства Ближнего Востока и Персидского залива. Начата работа по установлению новых отношений с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона, разделяющими с альянсом общие интересы безопасности, а в случае Австралии и Новой Зеландии — уже внесшими ценный вклад в возглавляемые им операции. В свете необходимости развить всесторонний подход к безопасности намечено более тесное сотрудничество с другими международными игроками, такими, как Организация Объединенных Наций, Европейский союз, «Большая восьмерка» и Всемирный банк, а также с неправительственными организациями.

Все эти решения помогут ускорить преобразование НАТО в организацию, более эффективно реагирующую на сегодняшние глобальные вызовы. Ориентируясь на третью фазу эволюции, участники саммита в Риге приняли также ряд решений по выполнению изначаль-

ной задачи альянса — способствовать созданию единой, свободной и мирной Европы. Одно из них — приглашение Боснии и Герцеговины, Черногории и Сербии присоединиться к программе «Партнерство ради мира». Главы государств и правительств стран-членов тоже недвусмысленно высказались в пользу того, чтобы на следующий саммит весной 2008-го пригласили государства, способные внести вклад в дело евро-атлантической безопасности и стабильности. Это явный сигнал в адрес таких стремящихся в НАТО стран, как Албания, Хорватия и бывшая югославская республика Македония (официальное название, под которым Македония получила международное признание. Турция признаёт Республику Македония под ее конституционным названием. — Авт.). Отношения альянса с Грузией и Украиной будут развиваться и далее в рамках так называемых индивидуальных диалогов, которые ведутся с этими государствами.

Оперативная направленность встречи в верхах в Риге во многом объясняет, почему она проходила с участием только стран — членов НАТО. Ведь изначально Рижский саммит не планировался как изолированное мероприятие. Еще перед тем как главы государств и правительств собрались в латвийской столице, на весну 2008 года был назначен следующий форум. Более того, 60-я годовщина евроатлантического альянса, которая будет широко отмечаться в апреле 2009-го, вероятно, предоставит очередную возможность встречи глав государств и правительств. Эти следующие друг за другом встречи на высшем уровне служат показателем ускоренных темпов трансформации, которая требует регулярного политического руководства и принятия решений на высшем уровне.

После саммита в Риге и в преддверии еще одного или даже двух саммитов в ближайшей перспективе Брюссель загружен работой как никогда. В дополнение к выполнению текущих оперативных обязательств, требующих больших затрат сил и средств, альянс продолжит долгосрочные структурные изменения как с точки зрения собственной политической и военной структуры, так и в отношениях с другими странами и организациями.

ВСЕСТОРОННИЙ ПОДХОД И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ

Одним из основных признаков третьей фазы эволюции НАТО является тесное взаимодействие с другими крупнейшими организациями. Развертывание сил в районах кризисных ситуаций — незамени-

мый инструмент в деле разрешения конфликтов и обеспечения безопасной среды для политического и экономического восстановления. Однако такое восстановление — «строительство нации» в самом широком смысле — может быть достигнуто только посредством сотрудничества с другими игроками, включая Европейский союз, Организацию Объединенных Наций и неправительственные организации. Императив сочетания «жесткой» и «мягкой» силы вызвал к жизни проблему установления новых институциональных связей НАТО с теми внешними акторами, которые смогут наилучшим образом обеспечить «мягкую» составляющую. Это осуществимо при условии достижения договоренностей о безопасности на случаи возникновения непредвиденных ситуаций в будущем.

Прежде всего, Североатлантическому альянсу необходимо установить подлинно стратегическое партнерство с Европейским союзом. Хотя сфера текущих отношений между НАТО и ЕС слишком ограничена, логика практической координации и кооперации в конечном счете должна возобладать над узкими представлениями об уникальности отдельных институтов. Такое объединение «жесткой» и «мягкой» безопасности резко расширит спектр политических, военных и экономических инструментов, находящихся в распоряжении международного сообщества. Более структурированные отношения между НАТО и ООН — это еще одна цель на ближайшее будущее. Обе организации действуют на одних и тех же территориях, однако необходимость изо дня в день сотрудничать на местах находится в вопиющем противоречии с отсутствием политических консультаций на стратегическом уровне.

По мере того как Североатлантический альянс все больше превращается для ООН в основной «инструмент реализации», становится труднее переоценить более согласованные стратегические отношения. В дополнение к непосредственным операционным преимуществам интенсивные контакты помогли бы альянсу организовать эффективную подготовку и наставничество ооновским миротворцам, а также консультации по вопросам планирования и оперативной совместимости. Такого рода содействие будет в значительной мере способствовать возрождению ООН, которая почти исчерпала свои ресурсы в качестве хранителя глобального мира и стабильности.

Еще одной отличительной чертой третьей фазы эволюции НАТО является расширенный и углубленный политический диалог. На-

личие постоянной опасности в эпоху холодной войны позволяло относительно легко достичь консенсуса в том, что касалось реагирования на различные угрозы. Но спектр вызовов уже не позволяет спокойно полагаться на неизменный консенсус союзников. Его достижение усложнилось и требует более регулярных и открытых дебатов.

Сейчас, когда традиционные постулаты национальной безопасности подвергаются пересмотру, Североатлантическому альянсу следует стремиться к разрешению спорных вопросов, а не уклоняться от них ради сохранения единства. По мере приобретения новыми игроками, такими, как, например, Евросоюз, собственной роли в сфере безопасности, по мере того как растет значимость других регионов (наподобие «Большого Ближнего Востока»), трансатлантическое сообщество может добиться реального прогресса только путем строгой верификации противоборствующих взглядов в ходе глубокого и откровенного обсуждения.

Более того, альянс должен принимать непосредственное участие в поиске политического решения везде, где его силы осуществляют операции. И это еще один повод для того, чтобы союзники каждый раз детально обсуждали свои политические установки — как между собой, так и со странами-партнерами и ключевыми региональными игроками, а также в рамках международных организаций.

ОТНОШЕНИЯ С РОССИЕЙ

За саммитом в Риге должно последовать углубление партнерства с Россией. Российская Федерация — крупнейший игрок в сфере безопасности евро-атлантической зоны, а после последнего раунда расширения в 2004 году шесть стран — членов блока имеют с Россией общие сухопутные и морские границы. Интересы НАТО и России совпадают в таких разнообразных сферах, как борьба с терроризмом или предотвращение распространения оружия массового уничтожения. Постоянное членство России в Совете Безопасности ООН придает ей вес в вопросах, непосредственно затрагивающих интересы безопасности союзников НАТО. Влияние Москвы в Центральной Азии и Северном Афганистане способно серьезно повлиять на успех возглавляемой Североатлантическим альянсом миссии *ISAF*. В то же время очевидно, что от этой миссии в значительной степени зависит общий уровень безопасности самой России и ее соседей.

За последние десять лет не раз отмечался вклад России в осуществление миссий НАТО на Балканах, в Средиземноморье и в Афганистане. Колебания, преобладавшие в течение большей части 1990-х, уступили место менее настороженному и более прагматическому подходу, особенно после терактов 11 сентября 2001 года. Значительным шагом вперед стала замена в мае 2002-го консервативного и ориентированного на внутренние вопросы Совместного постоянно-го совета более оперативным Советом НАТО – Россия.

Однако, несмотря на существенный прогресс, потенциал отношений далеко не исчерпан. Например, схема взаимодействия военных структур остается неотработанной: некоторые совместные проекты успешно продвигаются вперед, в то время как другие застопорились. Пятая годовщина Совета НАТО – Россия весной нынешнего года дает альянсу и Российской Федерации прекрасную возможность вновь подтвердить приверженность партнерству на самом высоком политическом уровне и подкрепить ее запуском новых совместных проектов, которые бы финансировались на достаточном уровне. Такие проекты могли бы предусматривать повышение оперативной военной совместимости между российскими и натовскими силами, совершенствование координации в борьбе с терроризмом и организованной преступностью в Афганистане, а также более тесное сотрудничество по ликвидации последствий стихийных бедствий.

Хотя ни Россия, ни другие партнеры НАТО не присутствовали в Риге, у них есть все основания приветствовать результаты саммита. Он явился крупным шагом на пути к превращению альянса в поставщика услуг по обеспечению безопасности внутри и за пределами евро-атлантической зоны. Развиваясь, Североатлантический альянс начнет еще теснее работать с другими странами и организациями над способами противостояния новым глобальным рискам и угрозам. У Москвы нет оснований для беспокойства, но она может многое приобрести в ходе этой эволюции. Залогом станет непосредственная заинтересованность России в том, чтобы сыграть более активную роль в данном процессе. Для этого у нее есть все возможности. И мы надеемся, что так и будет.

МИР ВОКРУГ РОССИИ: 2017

КОНТУРЫ НЕДАЛЕКОГО БУДУЩЕГО

МОСКВА
2007

Каким будет мир через десять лет и что ждать России? Предсказать ближайшее будущее пытаются составители сборника «Мир вокруг России: 2017». Данное издание, приуроченное к 15-летней годовщине Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), осуществлено в рамках проекта «Внешние условия развития Российской Федерации в 2007–2017 гг.», проводимого при поддержке РИО-Центра коллективом экспертов из СВОПа, ГУ – ВШЭ, Института стратегических оценок и анализа, Института

Европы РАН. Руководитель проекта, ответственный редактор и руководитель авторского коллектива – С.А. Караганов. Книга состоит из двух основных разделов. В первом анализируются глобальные тенденции в области экологии, энергетики, безопасности, а также в сфере мировой управляемости. Во втором рассматриваются перспективы различных регионов: постсоветского пространства, Европы, Восточной Азии, Латинской Америки, Соединенных Штатов, «расширенного» Ближнего Востока.

Полвека вместе

Первый «общеевропейский» металл, отлитый в Люксембурге после создания Европейского объединения угля и стали, 30 апреля 1953 года

“ В отличие от романтиков-федералистов, хитроумный Жан Монне, подлинный отец интеграционного проекта, понимал бесперспективность попыток лишить европейские государства даже незначительной части суверенных прав. Поэтому он предложил уникальный механизм объединения, позволяющий государствам, с одной стороны, сохранить за собой все без исключения полномочия, а с другой — извлекать дополнительные выгоды за счет сложения потенциалов ”

Свет и тени европейской интеграции

Юрий Борко

46

Не расширять ЕС в пику России

Диогу Фрейташ ду Амарал

60

Суверенитет и интеграция

Тимофей Бордачёв

65

Свобода торговли между Россией и ЕС: за и против

Владимир Паньков

78

Свет и тени европейской интеграции

Юрий Борко

В марте 2007 года исполняется 50 лет со дня подписания в Риме Договора об учреждении Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом) и Договора об учреждении Европейского экономического сообщества (ЕЭС). Последний сыграл ключевую роль в определении стратегического курса западноевропейской интеграции — того самого, которым на протяжении десятилетий настойчиво следователи «отцы» европейской интеграции и их преемники.

За прошедшие полвека Европейское сообщество, переименованное 15 лет назад в Европейский союз, добилось впечатляющих успехов. После расширений 2004 и 2007 годов ЕС включает в себя 27 государств, объединяя почти всю Европу от Атлантики до Содружества Независимых Государств. Сформирован Экономический и валютный союз (ЭВС) с единой валютой и достаточно жесткой координацией экономической политики его стран-членов. На мировой арене Евросоюз выступает в качестве второго по мощи экономического центра (83 % ВВП США) и одного из основных акторов в системе международных отношений.

На этом фоне неожиданными на первый взгляд выглядят дискуссии о кризисных явлениях в Европейском союзе и стратегии их преодоления, развернувшиеся с недавних пор в столицах государств-членов и брюссельских институтах. Жак Делор, бывший председатель Европейской комиссии (1985–1995), выдающийся архитектор европейской интеграции, инициатор и топ-менеджер двух самых масштабных проектов — завершения строительства единого внутрен-

---

Ю.А. Борко — д. э. н., проф., главный научный сотрудник Института Европы РАН, заведующий кафедрой Жана Монне, президент Ассоциации европейских исследований (Россия).

«Отцы» интеграции –
Вальтер Хальштайн, Конрад Аденауэр, Жан Монн е, Робер Шуман

него рынка (1985–1992) и создания ЭВС (1992–1999), – публично заявил, что ЕС переживает самый тяжелый кризис в своей истории, потерял ориентацию и не имеет общего видения единой Европы.

Неоспоримые достижения европейской интеграции и все более очевидный ее кризис – две ипостаси нынешнего Евросоюза. Осмыслить их взаимосвязь невозможно, не вернувшись к истокам.

ПУТЬ К ЕДИНСТВУ

В основе эволюции идеи «единой Европы» от мечты и утопических проектов, выношенных одиночками, к идейному движению и политическому проекту лежит многовековой опыт сосуществования нескольких десятков народов, которые разместились на пространстве, составляющем чуть больше 7 % заселенной территории Земли.

Два первых дошедших до нас трактата о необходимости создания единой христианской республики были написаны в первой декаде XIV века. Автором одного являлся парижский аббат Пьер Дю Буа, другой принадлежал перу великого итальянского поэта Данте Алигьери.

В начале 60-х годов XV столетия итальянский гуманист Энеа Сильвио Пикколомини, он же папа Пий II, призвал паству к миру «в Ев-

ропе — нашем отечестве, нашем собственном доме, у нашего святого очага». В течение XV—XVIII веков появились почти два десятка проектов «единой Европы». После знаменитой речи с призывом к созданию «Соединенных Штатов Европы», произнесенной Виктором Гюго с трибуны Парижского конгресса пацифистов в августе 1849 года, эта идея становится девизом ряда европейских организаций, включая 2-й Интернационал (1889—1919). Возродившееся после Первой мировой войны движение за единую Европу впервые было официально поддержано государством, когда в сентябре 1930-го министр иностранных дел Франции Аристид Бриан внес на рассмотрение Лиги Наций Меморандум об организации режима Европейского федерального союза.

Но, как известно, 30-е годы XX столетия остались в европейской истории как одна из самых отвратительных ее страниц, а Вторая мировая война — как самая кровавая. К середине века Европа, которая так долго определяла ход мировой истории, обнаружила себя на дымящихся руинах. Цепь потрясений, выпавших на ее долю менее чем за полсотни лет, воспринималась как плата за собственную слепоту, за игнорирование постепенно накапливавшихся противоречий экономического, социального и политического характера, за нескончаемое состязание воинствующих «национальных эгоизмов», действовавших вопреки здравому смыслу и не считавшихся с жертвами.

«Политические верхи» и мыслящие люди в западноевропейских странах, в первую очередь тех, что входили в «концерт европейских держав», начали постигать масштабы катастрофы и реальную опасность их превращения в задворки двух «центров силы» в послевоенном мире — США и СССР. Перед Западной Европой стоял гамлетовский вопрос «быть или не быть», и ответ зависел от того, сумеет ли она вырваться из порочного круга все более жестоких войн, в котором вращалась с конца XVIII до середины XX века.

Пожалуй, наиболее четко и убедительно ситуацию обрисовал Уинстон Черчилль. Его короткая речь — три странички печатного текста, — произнесенная 19 сентября 1946-го в Цюрихском университете, начиналась словами: «Я хочу говорить сегодня о трагедии Европы... оплота христианской веры и христианской этики, родины большинства творений культуры, искусства, философии и науки... Европы, извергшей из себя серию страшных националистических распрей». Черчилль напомнил, что в недавней войне Европе угрожало возвращение к «временам раннего Средневековья со всей его жестокостью и гнусностью», и предупредил, что «темные времена

еще могут вернуться». Единственное лекарство, заявил многоопытный политик, — это «воссоздать европейскую семью», «построить нечто вроде Соединенных Штатов Европы», и «первым шагом» к этому «должно быть партнерство Франции и Германии».

Речь Черчилля вдохновила множество людей, движение за создание Соединенных Штатов Европы к тому времени уже получило развитие в Западной Европе. Именно европейское единство оказалась той идеей, которая смогла мобилизовать и консолидировать все дееспособные силы общества, готовые принять участие в возрождении Западной Европы.

В мае 1948 года в Гааге состоялся европейский конгресс, собравший весь цвет западноевропейской политической и интеллектуальной элиты. Он завершился принятием документа «Послание европейцам» и нескольких политических резолюций. Но парадокс заключался в том, что, хотя форум и призвал к созданию европейской федерации, однако на деле все свелось к созданию Совета Европы — традиционной международной организации, не обладавшей ни полномочиями, ни инструментами строительства «единой Европы».

Между тем экономика стран Западной Европы по-прежнему крайне нуждалась в восстановлении и модернизации, в возвращении утраченных ведущих позиций на мировых рынках. Необходимо было консолидировать европейские демократии, над которыми нависла реальная «коммунистическая угроза», как внешняя — в лице милитаризованного Советского Союза, так и внутренняя — в виде коммунистического движения в самой Западной Европе. По воспоминаниям одного из инициаторов европейской интеграции Жана Монне, в Европе сгушалась атмосфера холодной войны. Народы и их лидеры были охвачены «психозом» неизбежного вооруженного противостояния. «Источником риска, — вспоминал он, — все еще была Германия, но не потому, что опасность исходила от нее, а потому, что она стала ставкой в игре других». Требовался концептуальный и политический «прорыв».

Как знать, возможно, интеграция не состоялась бы, во всяком случае в таком виде и с такими результатами, если бы «в нужное время и в нужном месте» не оказались три человека: Жан Монне, занимавший в 1947–1950 годах пост комиссара по планированию при правительстве Франции, автор и руководитель мероприятий по восстановлению ее экономики; Робер Шуман — министр иностранных дел (1948–1953), один из наиболее авторитетных политиков Франции; Конрад Аденауэр — первый канцлер созданной в

«Отцы» европейского объединения глазами советской пропаганды: Робер Шуман...

сентябре 1949-го Федеративной Республики Германия.

Первый из них стал автором интеграционной стратегии и проекта создания франко-германского сообщества угля и стали, наделенного функцией наднационального управления угольной и металлургической отраслями обеих стран, в том числе принятия решений, обязательных к исполнению национальными властями. Проект Монне противоречил всем устоявшимся правилам и представлениям, посягая на святая святых — неограниченный и неприкосновенный национально-государственный суверенитет. Этот проект расхотелся с

нормами и практикой межгосударственных отношений и деятельности международных организаций, предполагающих предоставление рекомендаций, никого и ни к чему не обязывавших. Он отвергал концепцию европейского федерализма, которая была поддержана европейским конгрессом в Гааге.

Однако, несмотря на все это, Шуман и Аденауэр поддержали проект. 9 мая 1950 года Робер Шуман обнародовал заранее согласованный с германским федеральным канцлером текст (вошедший в историю как Меморандум Шумана) официального предложения французского правительства правительству ФРГ учредить Европейское объединение угля и стали (ЕОУС). Договор об учреждении ЕОУС был подписан 18 апреля 1951-го в Париже представителями Франции, Федеративной Республики Германия, Италии, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. Это было событие, которое считается отправным пунктом объединения Европы.

История европейской интеграции совсем не походила на триумфальный марш-бросок. В частности, в середине 1970-х годов в СМИ одна за другой появлялись публикации под такими заголовками, как, например, «С единой Европой покончено», «У смертного одра Европы».... (Данная ситуация была обусловлена крахом Бреттон-Вудской валютной системы в 1971-м, а также двумя энер-

гетическими кризисами, которые вызвали застой в экономике Западной Европы. Многие правительства вводили количественные и технические ограничения на импорт продукции из других стран ЕЭС. — Ред.) Однако каждый раз, когда возникали препятствия и угроза возврата в прошлое, мощная инерция движения к «единой Европе», заданная в 1950-е годы, брала верх.

Послевоенный период характеризовался взрывом духовной, интеллектуальной и политической энергии. Переосмысливались старые общественные теории, формировались новая политическая идеология и новая стратегия развития. В конце 1940-х — начале 1970-х возникли известные концепции «социально ориентированной экономики» и «государства благосостояния». Они были положены в основу государственной политики и новых отношений между трудом и капиталом наряду с не востребованными ранее кейнсианской теорией государственного регулирования экономики и концепцией «социального партнерства». В итоге подавляющее большинство стран Западной Европы подошли к рубежу двух столетий, создав, по сути, новую культуру общественных и межгосударственных отношений и такую систему регулирования, которая позволяла «снимать» накопившиеся противоречия в обществе и государстве.

... и Конрад Аденауэр

РАЗМЫКАНИЕ РЯДОВ

За последние четыре года государства — члены Европейского союза трижды не смогли прийти к согласию по вопросам первостепенной важности. В 2003-м они раскололись на два лагеря, заняв противоположные позиции в отношении военной агрессии США в Ираке. В 2005 году французы и голландцы отвергли на национальных референдумах одобренный саммитом ЕС проект европейской Конституции, в результате чего он «заморожен» и поныне. А в 2006-м страны-члены так и не договорились о единой энергетической стратегии, и в част-

ности о согласованном подходе к энергетическому сотрудничеству с Россией. Кроме того, вето, наложенное Варшавой на переговоры с Москвой относительно нового соглашения взамен действующего Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Евросоюзом, показало, что одно-единственное государство способно заблокировать даже такие действия Европейского союза, которые получили одобрение всех остальных стран-членов.

Сейчас многие политики и эксперты объясняют разногласия и разброд расширением ЕС в 2004 году. В действительности же процесс эрозии единства начался гораздо раньше. Прежде всего потому, что с укреплением франко-германского альянса оставалось все меньше оснований опасаться серьезных конфликтов внутри региона. Изменилось и восприятие угроз извне: как следствие, значительно ослаб дисциплинирующий эффект холодной войны. Карибский кризис в начале 1960-х продемонстрировал, что две сверхдержавы находятся в состоянии «ядерного пата» и готовы к компромиссам на условиях сохранения геополитического статус-кво. В 1975 году на хельсинкском Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе был подписан Заключительный акт, представлявший собой своего рода пакт о мирном сосуществовании европейских государств, разделенных «железным занавесом». Завершение холодной войны и крах коммунизма в Восточной Европе и Советском Союзе окончательно развеяли у государств — членов Евросоюза ощущение внешней угрозы.

В постепенном увядании чувства единения свою роль сыграли время и неизбежная смена поколений. Новая генерация политиков, администраторов и специалистов, ведающих делами Европейского союза, родилась и выросла в благополучное время. Они профессионально делают свое дело, но там, где раньше царили энтузиазм и творческая инициатива, ныне утвердился дух казенного учреждения и бюрократической волокиты.

На самом деле последние расширения ЕС — это еще один шаг на пути к дифференциации интересов и позиций в Сообществе/Союзе. Начало данной тенденции было положено вступлением в ЕЭС Великобритании в 1973-м (В том же году членами этого объединения стали также Дания и Ирландия. — Ред.) «Шестерка» стран-основателей полагала, что положительный политический эффект членства Великобритании перевесит все минусы, связанные с ожидаемыми расхождениями с Лондоном как по вопросам экономической интеграции, так и в сфере международных отношений. Позже,

в 1980-е, «девятка», принимая в свои ряды Грецию, Испанию и Португалию, оценивала растущую неоднородность объединения как издержки, перекрываемые политическими выгодами расширения границ европейской демократии и «единой Европы».

Усиливавшиеся расхождения национальных интересов уже тогда поставили в повестку дня вопрос об изменении модели интеграции. Ответ был найден в таких, к примеру, концепциях, как «интеграция на разных скоростях», «интеграция с меняющейся геометрией» и др. Первая из них фактически стала официальной доктриной после того, как Договор о Европейском союзе (Маастрихтский договор), подписанный в феврале 1992 года, зафиксировал право Великобритании и Дании не входить в создаваемый ЭВС и согласился с тем, что любая группа государств-членов может развивать «продвинутое» сотрудничество, т. е. осуществлять программы углубления интеграции, не оглядываясь на других членов ЕС.

Почему же в таком случае именно недавнее расширение на Восток заставило всерьез усомниться в способности Евросоюза сохранить единство? Проблема не только и не столько в большом экономическом и социальном разрыве между «старожилами» и «новичками». Глубинная причина состоит в том, что членами Европейского союза стали государства с иной исторической судьбой и, стало быть, с иной ментальностью, с иной культурой общественных и отчасти человеческих отношений.

Для стран Центральной и Восточной Европы вступление в ЕС и НАТО явилось прежде всего бегством от прошлого и гарантированной защитой от возвращения в него, как бы эфемерна ни была эта угроза. Конечно, не последнюю роль сыграли и прагматические интересы. Но все это не может служить надежным фундаментом для подлинного единства.

Водораздел между двумя регионами Европы, почти совпадавший с восточной границей Евросоюза-15, перенесен теперь внутрь территории ЕС-27. Сегодняшний Европейский союз — это несколько неформальных группировок, различающихся по уровню и потенциалу развития, а также по географическому положению и размерам входящих в них государств.

До расширения проектам «продвинутого» сотрудничества отводилась подсобная роль — служить локомотивом, тянущим за собой весь состав. «Новички» (а это половина государств — членов Евросоюза) в данную схему не вписываются. Их стартовые позиции на-

ходятся далеко позади, развитие ЕС будет в течение многих будущих десятилетий определяться движением на разных скоростях. Разработка и осуществление общей внутренней и внешней политики становятся делом крайне затруднительным, а в ряде случаев, как мы успели убедиться, невозможным.

КАК СОЗДАТЬ «ФАКТИЧЕСКУЮ СОЛИДАРНОСТЬ»?

В настоящее время человечество (а с ним и вся Европа) вступает в сложный период, характеризующийся масштабными переменами. Налицо повышенная нестабильность и острые конфликты, чреватые кровавыми войнами и ставящие под угрозу мир и безопасность на всей планете, не исключая и Европу. Мощной силой вновь становятся национализм и религия, заполняющие идейный вакуум, возникший в результате дискредитации политических идеологий XX столетия. Ведущую роль в мире будет играть группа самых влиятельных государств, в которую, кроме США, войдут Китай, Россия, Индия, а возможно, Япония, Бразилия и одна из мусульманских стран умеренной ориентации. Европейский союз или войдет в этот «клуб» как единое целое, или останется за бортом.

Политические «верхи» ЕС и общественность его стран-членов должны в полной мере осознавать условия, в которых им придется существовать в грядущие десятилетия. Закончились времена тепличных условий, когда Западная Европа на протяжении более 40 лет имела возможность сосредоточиться на своем благоустройстве, находясь под защитой американского «ядерного щита» и оставив всю «черную работу» парням из Вашингтона. Теперь единой Европе придется самой заботиться о том, как себя обезопасить, в том числе путем наращивания своей экономической и военной мощи, приобретения новых политических союзников и, конечно, укрепления своего единства.

В уже упомянутом Меморандуме Шумана с поразительной четкостью была сформулирована суть интеграционной стратегии, ее главный метод: «Единая Европа не будет создана сразу или на основе общего проекта; она возникнет благодаря конкретным делам, которые создадут фактическую солидарность». О каких конкретных делах может идти речь на нынешнем этапе?

Во-первых, Евросоюзу необходимо полностью реализовать несколько начатых, но еще не завершенных проектов, а именно:

- довести до конца процесс ратификации европейской Конституции, а также реформу институтов Европейского союза, призванную поднять их политический статус и, главное, эффективность. Принятие европейской Конституции будет воспринято как победа духа единства и солидарности над разобщенностью в расширенном Евросоюзе. Неудача похоронит этот документ и поставит под удар остальные программы;

- завершить создание единого внутреннего рынка (ЕВР) и Экономического и валютного союза в рамках ЕС-27. Наибольшую трудность представляет строительство полномасштабного ЭВС. Ныне, после вступления Словении, в него входят 13 государств. Перспективы присоединения остальных государств-членов туманны. Но, не решив эту задачу, нельзя построить полностью интегрированную экономическую систему, равную или близкую по эффективности к американской экономике;

- выполнить принятую в 2000 году Лисабонскую программу создания новой «экономики, основанной на знаниях», превратить последнюю в «самую динамичную и конкурентоспособную экономику в мире, обеспечивающую устойчивый экономический рост, повышение занятости и укрепление социальной солидарности». После провального старта реализации программы ее амбициозная первоначальная цель — догнать и перегнать всех по динамике и конкурентоспособности экономики к 2010-му — исчезла из документа. Но в условиях возросшей конкуренции со стороны Китая и других динамично развивающихся азиатских и латиноамериканских стран задача модернизации экономик стран Европейского союза на основе новейших технологий, повышения темпов роста и конкурентоспособности стала еще более актуальной. Это вопрос места единой Европы в мировой экономике XXI века;

- перейти к более всеобъемлющей Общей внешней политике и политике безопасности, а также Общей европейской политике безопасности и обороны. Эта важнейшая задача была декларирована еще в Договоре о Европейском союзе (Маастрихт-1992 и Амстердам-1997), но после расширения Евросоюз почти потерял способность говорить на международной арене «единым голосом». У государств-членов явно усилилось стремление к проведению самостоятельной внешней политики. Баланс между Общей внешней политикой и политикой безопасности ЕС и действиями его государств-членов необходим для того, чтобы объединенная Европа могла успешно отстаивать свои интересы и позиции на международной арене;

- добиться заметного прогресса в экономическом и социальном сближении старых и новых государств-членов, а также в реальной интеграции «новичков» в ЕВР и систему институтов Европейского союза, используя, в частности, выделенные на эти цели ресурсы в рамках бюджетной программы ЕС на 2006–2013 годы;

- определить пределы возможного расширения Евросоюза. Пока более или менее ясна судьба только двух официальных кандидатов – Македонии и Хорватии. По поводу членства Турции консенсуса все еще нет. Остается сомнительной и перспектива вступления в объединение четырех балканских стран – Албании, Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины.

Во-вторых, требуются новые стратегические программы, позволяющие реагировать на новые вызовы. Речь в первую очередь идет о проблемах, связанных с энергетикой. По мнению большинства государств – членов Европейского союза, чрезмерная зависимость от импорта нефти и газа ставит под угрозу энергетическую безопасность. В последнее время это опасение значительно обострилось вследствие коротких перебоев в российских поставках из-за споров Москвы с Киевом и Минском по вопросам цен на энергоресурсы. Уже в этом году, 11 января, Еврокомиссия вынесла на рассмотрение государств-членов пакет документов по энергетике и изменению климата.

По сути, это долгосрочная программа диверсификации импорта энергоресурсов и уменьшения общей зависимости от него благодаря использованию возобновляемых ресурсов энергии и энергосбережению. Главной трудностью при выполнении данного проекта является выработка единого подхода к отношениям с основными поставщиками энергоресурсов, прежде всего с Россией. В компетенцию органов ЕС общая энергетическая политика не входит, а практика последних двух лет показала, что некоторые европейские государства, особенно крупные, предпочитают решать свои энергетические проблемы в рамках двусторонних отношений с Россией, а также с другими экспортерами нефти и газа.

Но самая серьезная и длительная угроза Евросоюзу и европейской цивилизации в целом связана с демографией и иммиграцией. Согласно прогнозам, к середине XXI столетия треть, если не больше, населения Западной Европы будет состоять из иммигрантов и их потомков. Со временем иммигранты будут всё больше оседать и в Центральной Европе. Найдёт ли коренное население общий язык с разноликими диаспорами, особенно мусульманскими? Станет ли

Европа подлинным сообществом людей, принадлежащих к разным этносам и культурам, сохранит ли она западные духовные ценности и принципы устройства общества и государства?

Незримая стена отчуждения и самоизоляции, которая опоясывает населенные иммигрантами пригороды крупных городов, если и не растет, то не снижается, а агрессивно-ксенофобские настроения среди коренного населения усиливаются. В Брюсселе предпринимаются попытки разработать общую иммиграционную политику, но реальностью является лишь шенгенский визовый режим, который, несмотря на жесткие нормы и усиливающийся пограничный контроль, не в состоянии перекрыть каналы нелегальной иммиграции. Если не переломить данную ситуацию, то этнонациональный и социальный мир в Европе будет взорван, что может стать концом европейской цивилизации.

У проблемы иммиграции есть и внешнеполитическое измерение. Европа гордится своей новой культурой межгосударственных отношений с характерной для нее терпимостью и склонностью к диалогу и компромиссу. Пока не понятно, принесет ли эта культура успех, соприкасаясь с народами и государствами, которые придерживаются иных правил поведения на международной арене.

Европейскому союзу необходимо гораздо более активно налаживать сотрудничество с мусульманскими государствами, особенно арабскими, откуда идет основной поток мигрантов и распространяются догматы и практика исламского фундаментализма.

ВПЕРЕД НА РАЗНЫХ СКОРОСТЯХ

Следующие 15–20 лет станут для Евросоюза трудным испытанием не только на прочность, но и на жизнеспособность самой идеи европейской интеграции, или, как теперь принято говорить, европейской идентичности. Грядущие достижения и неудачи ЕС будут зависеть главным образом от того, какую степень единства продемонстрируют 27 или, возможно, 30 участников этого объединения в разработке и осуществлении общей внутренней и внешней политики.

В состоянии ли Европейский союз справиться со своими проблемами и решить стоящие перед ним задачи? Его прошлые успехи могут стать точкой опоры. Но могут остаться и мертвым грузом. Проблема не только в недостатке солидарности. Европейской политике не хватает воображения и дерзости. Возможно, многое обусловлено тем, что страны — члены ЕС, прежде всего западноевропей-

ские, пока не выдвинули новых лидеров, способных мыслить и действовать на глобальном уровне.

«Еврооптимисты» по-прежнему считают возможным создание **европейской федерации** — мечты подавляющего большинства сторонников «единой Европы» в 1940–1950-е годы, в том числе Монне, Шумана и Аденауэра. Идея федерации незримо присутствует в европейской Конституции: здесь зафиксирован официальный статус «европейского гражданства», учреждена должность министра иностранных дел Евросоюза, значительно расширена сфера, в которой решения принимаются не консенсусом, а большинством голосов. Но при всем при том вероятность создания европейской федерации в обозримом будущем близка к нулю. А если она и будет создана, то в ее состав не войдут ни Великобритания, ни, скорее всего, Дания и Швеция, ни, вполне вероятно, некоторые другие.

«Европессимисты» и «евроскептики» не исключают **распада Европейского союза**. Но такое развитие событий возможно только в случае глобальной катастрофы, будь то экологический коллапс, мировая война с применением ядерного оружия либо глубокий экономический кризис, по крайней мере равный по масштабу кризису 1929–1933 годов. Деградация ЕС до уровня **зоны свободной торговли** также возможна лишь в условиях очень крупных потрясений в мировой экономике.

Не исключен и иной вариант. Перешагнув оптимальный предел своего расширения и соорудив огромный, но не эффективный бюрократический аппарат, Евросоюз под влиянием разных обстоятельств начнет обратное движение — в сторону сокращения регулирующих и контрольных функций на наднациональном уровне и демонтажа соответствующих механизмов бюрократической машины.

Бывший заместитель председателя Европейской комиссии Леон Бриттен несколько лет назад открыто заявил, что не верит в «миф европейской федерации» и надеется на эволюцию «в направлении свободных рынков и свободной торговли». Еще резче высказалась по этому поводу Маргарет Тэтчер: она назвала Европейский союз символом бюрократии, работающей на саму себя, и заявила: единственное, в чем Британия могла бы быть заинтересована, так это в едином внутреннем рынке. Да и то при условии, что он будет действительно свободен и не подвергнется каким-либо ограничениям и чрезмерному вмешательству Еврокомиссии.

Наконец, еще один сценарий подразумевает замену стратегии «интеграции на разных скоростях» политико-организационным

размежеванием участников расширенного ЕС на две группы. Авторство этой идеи принадлежит бывшему президенту Франции Валери Жискар д'Эстену и бывшему федеральному канцлеру ФРГ Гельмуту Шмидту. Они предложили создать внутри Евросоюза «центральную группу» в составе шести стран – инициаторов интеграции, а также других государств, близких к ним по уровню развития и готовых объединиться в федерацию с собственными законами и институтами. Тогда же Жак Делор выдвинул идею «европейского авангарда» примерно в таком же составе. Этот «авангард» создаст внутри Европейского союза «федерацию национальных государств», которая потянет за собой остальных участников. Реализация данных концепций означала бы разделение участников ЕС на тех, «кто равны», и тех, «кто равны больше других» (прямо-таки по Джорджу Оруэллу).

Предложения оказались категорически неприемлемы для большинства стран-членов и были сняты с обсуждения. Но гипотетически этот сценарий может всплыть, если в неблагоприятных экономических условиях разрыв в уровнях развития и дифференциация национальных интересов начнут возрастать и вызовут сильные центробежные тенденции.

Пока же наиболее вероятным выглядит самый спокойный сценарий развития Евросоюза: **оставить все, как есть**. Работать на основе действующей стратегии, которая предполагает «интеграцию на разных скоростях» и «продвинутое сотрудничество», выполнение принятых и разработку новых программ.

Чтобы мобилизовать общество, высвободить его энергию и побудить к действиям, необходима всеохватывающая объединительная идея. То, какой смысл Евросоюз будет вкладывать в понятие «единой Европы», также во многом повлияет на его судьбу. На рубеже 40–50-х годов прошлого века таким мощным импульсом стала идея объединения Западной Европы. Но «единая Европа» – это не ЕС-15 и не ЕС от Бреста французского до Бреста белорусского. Это Европа, включающая в себя страны, расположенные в ее восточной части, в первую очередь Россию с ее природными ресурсами, с ее экономическим, интеллектуальным и военным потенциалом. По своему интеллектуальному масштабу задача подлинного объединения всей Европы не уступает той, что стояла перед отцами-основателями Европейского сообщества более полувека назад. И на путях ее решения интеграция может обрести новое дыхание.

Не расширять ЕС в пику России

Диогу Фрейташ ду Амарал

Путь Лисабона в единую Европу был долгим и тернистым. Анализ трансформации, которую пережила Португалия, позволяет лучше понять, как интеграция повлияла на европейские народы.

Пятьдесят лет назад, когда подписывался Римский договор, Лисабон был далек от проблем, которыми жила шестерка стран — основателей Европейского экономического сообщества (ЕЭС). Все усилия авторитарно-корпоративного режима Антонио Салазара были направлены на то, чтобы любыми средствами сохранить «португальские заморские территории». (Так с конца 1950-х называли то, что ранее именовалось «Португальской колониальной империей»).

Убежденный националист Салазар и помыслить не мог о том, чтобы поступиться хотя бы толикой суверенитета. К тому же португальского диктатора не приглашали в новый «клуб» демократических государств, да он туда и не стремился — ведь членство в Сообществе предполагало приверженность определенным ценностям.

Правда перспектива стать «изгоем» в семье европейских наций Салазара смущала, и он принял единоличное решение о вступлении страны в Европейскую ассоциацию свободной торговли — неполитическую организацию, куда среди прочих входили также Великобритания и Скандинавские государства. Тем не менее Португалия, оказавшись в стороне от магистрального развития Европы, превращалась в политическое захолустье, особенно после того, как в 1973-м Великобритания, Ирландия и Дания стали членами ЕЭС.

Диогу Фрейташ ду Амарал — профессор права, занимал посты и. о. премьер-министра, министра обороны, министра иностранных дел (в последний раз в 2005–2006 годах) Португалии, был кандидатом в президенты страны, в 1995-м — председатель Генеральной ассамблеи ООН.

Демократическая революция апреля 1974 года смела авторитарную власть. Годом позже завершилась давно назревшая деколонизация, в 1976-м Учредительное собрание приняло новую демократическую Конституцию, а уже в начале 1977 года Лисабон подал заявку о вступлении в Европейское сообщество. Для португальских демократов членство в этой организации представлялось единственно возможной стратегической альтернативой. Причем не только с точки зрения внешнеполитической и внешнеэкономической ориентации, но и как средство гарантировать успех внутренних преобразований.

Присоединение Португалии к ЕЭС в 1986-м распахнуло перед португальцами новые перспективы – единые для всей Европы. Для национального самосознания это был принципиальный рубеж. В истории человечества Португалия сыграла роль глобального масштаба, открыв для европейской цивилизации почти половину земного шара. Но, по утверждению некоторых историков и политиков, она всегда была «обращена лицом к морю и спиной к Европе». Теперь же, после утраты заморских владений, нации было очень важно осознать свою принадлежность к иному общему пространству – Европейскому сообществу.

С того времени как страна сделала «европейский выбор», там были построены стабильная представительная демократия и правовое государство. А ведь в первые годы после падения диктатуры многие на Западе, наблюдая за острыми политическими конфликтами, не верили, что португальская демократия выстоит.

Если 20 лет тому назад национальный доход на душу населения составлял 50 % от средневропейского, то сейчас он уже превышает 75 %. Страна прошла половину расстояния, которое отделяет нас от наиболее развитых государств Евросоюза. Остается преодолеть вторую часть пути, что и является нашей великой общенациональной целью.

В год «революции гвоздик» (1974) в португальских вузах учились 35 тысяч студентов, сейчас – 400 тысяч. Протяженность автострад составляла восемь километров, ныне – более тысячи. Молодым людям, выросшим в условиях демократии, даже трудно вообразить, какой рывок сделала Португалия.

Наш пример вдохновлял и продолжает вдохновлять жителей стран, стремящихся присоединиться к «Большой Европе». 1 января 2007-го, когда в ЕС вступили Болгария и Румыния, произошло уже пятое по счету расширение. За полвека Европейское сообщество, переименованное в Европейский союз, превратилось в организацию,

открытую практически для всех европейских стран. Но пределы открытости, конечно, должны существовать, хотя их и трудно определить. Речь не может идти о непрерывном, бесконечном процессе, и его рамки — одна из главных тем, обсуждаемых сейчас в Брюсселе.

Формальным условием вступления в Евросоюз является соответствие стран-кандидатов Копенгагенским критериям. Имеется в виду прежде всего соблюдение принципов плюралистической демократии, уважение прав человека, наличие правового государства и эффективной рыночной экономики, приверженность свободе торговли и т. п. Во вторую очередь принимаются во внимание геополитические и социальные интересы Европы в целом: мир, процветание и благосостояние для всех и защита наиболее бедных слоев населения.

Уверен, что перечень критериев необходимо дополнить еще одним — дипломатическим. Согласно ему дальнейшее расширение объединенной Европы ни в коем случае не должно наносить вред хорошим отношениям с Российской Федерацией, в которых ЕС жизненно заинтересован.

Кое-кто в Брюсселе и некоторых других европейских столицах хотели бы видеть в рядах Евросоюза страны из числа бывших советских республик. Но я считаю, что Украину, Белоруссию, Молдавию, Грузию, Азербайджан и Армению, традиционно входивших в сферу интересов России, не следует принимать в ЕС. Это, конечно, не означает, что с ними не нужно развивать тесные плодотворные отношения.

Единой Европе предстоит выдерживать конкуренцию со стороны уже существующих или находящихся в фазе становления финансово-экономических держав-гигантов — США, России, Китая, Индии, а в будущем, возможно, Бразилии. Для укрепления позиций ЕС, наверное, требуется некое ограниченное расширение, которое будет способствовать обеспечению мира, демократии и прогресса во всей Европе.

В этой связи, полагаю, стоит вспомнить уроки истории. Древний Рим, будучи объединенным и внутренне консолидированным государством, взял верх над эллинами по той простой причине, что их более древняя и более развитая страна, превосходившая римлян по уровню культуры, оказалась разобщена и, по сути, раздроблена на десятки крошечных государств со своими собственными интересами. Подобная участь может постигнуть как отдельные страны — члены Евросоюза, так и всю организацию в целом, если она утратит внутреннее единство в результате непродуманного расширения. Допустить это мы не имеем права.

FOREIGN AFFAIRS

Before it becomes policy, it's in *FOREIGN AFFAIRS*

When you want to be the first to know what the experts in foreign policy and economics have to say about world events—turn to *FOREIGN AFFAIRS*. With contributions from distinguished authorities like Condoleezza Rice, Richard Holbrooke, Fouad Ajami, Donald Rumsfeld, Kenneth Pollack, and Samuel Huntington—this is the forum for leaders who shape the world.

SUBSCRIBE TODAY TO
**FOREIGN
AFFAIRS**

“The most influential periodical in print.” —*TIME*

“*FOREIGN AFFAIRS* is essential reading.” —*FORTUNE*

“*FOREIGN AFFAIRS* [is] the most prestigious of America’s many foreign policy journals.” —*FINANCIAL TIMES*

SPECIAL OFFER for readers of *Russia in Global Affairs*:
One year only US\$57.00!

You will receive 6 bimonthly issues delivered via air mail. Your satisfaction is guaranteed or you will receive a FULL REFUND on all unmailed issues.

To order, send payment to: FOREIGN AFFAIRS SUBSCRIPTION SERVICES,
P.O. Box 420190, Palm Coast, FL 32142-9970 U.S.A.
TEL: (386)445-4662 FAX: (386)446-5005 or EMAIL: ForAff@palmcoast.com

All international orders must be prepaid, therefore, please make checks or international money orders payable to Foreign Affairs in US\$ only. We also accept MasterCard, Visa, and American Express as payment. Please allow 6–8 weeks for the delivery of your first issue.

www.foreignaffairs.org/ordernow

Ежемесячная
международная газета
Le Monde diplomatique
теперь в России!

Выходит в последний четверг
каждого месяца вместе с
«Новой газетой».
Издается Центром исследований
постиндустриального общества

Тел. редакции:
(495) 621 4578

www.inozemtsev.net
www.novayagazeta.ru
www.postindustrial.net

Суверенитет и интеграция

Тимофей Бордачёв

Урок последних 50 лет европейской истории состоит в том, что активная вовлеченность в интеграционный процесс совсем не обязательно приводит к утрате национальным государством своих суверенных прав. Не исключено, что события следующих десятилетий покажут: не будучи формальным участником интеграции, а то и во все декларируя свою самостоятельность, страна, тем не менее, может лишиться этих прав.

СУВЕРЕННЫ ЛИ

СТРАНЫ – ЧЛЕНЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА?

Одним из устоявшихся мифов политической и околонучной дискуссии является утверждение о том, что условием и обязательным следствием присоединения к интеграционной группировке стран Старого Света является отказ от части национального суверенитета. Популярность данного заблуждения связана в первую очередь с тем, что это клише охотно используется в собственных интересах по обе стороны границ Европейского союза.

Сотрудники Европейской комиссии (исполнительный орган Евросоюза) ссылаются на якобы имеющее место делегирование части суверенитета в Брюссель как на основание для ведения переговоров с внешними партнерами, хотя зачастую у Комиссии соответст-

---

Т.В. Бордачёв – к. полит. н., директор по исследованиям Совета по внешней и оборонной политике, руководитель Центра комплексных европейских и международных исследований факультета мировой экономики и мировой политики Государственного университета – Высшей школы экономики, заместитель главного редактора журнала «Россия в глобальной политике».

вующие полномочия отсутствуют. Представители национальных правительств, в свою очередь, часто сетуют на мнимую потерю суверенных прав («Брюссель решил»), чтобы продемонстрировать избирателям свою непричастность к непопулярным мерам. Этот миф может также служить оправданием того, почему в особо деликатных вопросах та или иная европейская столица не может помочь внешнему «стратегическому партнеру». Для последнего же пугало якобы всемогущей евробюрократии, регулирующей диаметр огурцов и процентное содержание цинка в гвоздях, служит предлогом, позволяющим уклониться от обсуждения существенных аспектов взаимоотношений.

В реальности, однако, все гораздо сложнее. Анализ современной европейской политики свидетельствует: страны — члены Европейского союза сохраняют суверенные права во всех без исключения важнейших областях политической и экономической жизни. Охрана границ с соседями ЕС, национальная оборона, внешние энергетические связи, юстиция и внутренние дела, миграционная политика, образование — все эти вопросы остаются в исключительной компетенции национальных властей. Такие ключевые сферы экономики, как социальная политика и регулирование трудовых отношений (то есть весь социальный блок), также находятся в стопроцентном ведении национальных властей. Что, собственно, и является главным препятствием в проведении крайне необходимых, по мнению многих наблюдателей и политиков, реформ. Их отсутствие, в свою очередь, обусловило провал «Лисабонской стратегии» — плана превращения Евросоюза к 2010 году в самую динамичную экономику мира.

Даже в таких максимально «европеизированных» сферах, как внешняя торговля, пресловутый Брюссель шагу не может ступить без согласия стран-членов. Правительства хоть и клянутся, что полностью передали на наднациональный уровень права по регулированию внешнеторговых отношений, но сохраняют все возможности блокировать невыгодные для них шаги евробюрократии. Согласно статье 133 Договора о Европейском сообществе, переговорные полномочия Еврокомиссии по вопросам заключения внешнеторговых соглашений должны быть закреплены в мандате от Совета ЕС (орган, состоящий из представителей стран-членов. — Т.Б.), который подробно излагает параметры будущего документа. Но даже после этого брюссельские чиновники должны постоянно докладывать о ходе и содержании переговоров специальному межгосударственному «Комитету статьи 133», назначен-

ному странами-членами, и выполнять любые новые указания, сформулированные Советом ЕС.

Наиболее ярким примером может служить ситуация, сложившаяся в рамках Дохийского раунда переговоров по ВТО. Формально их от имени Европейского союза ведет исключительно Еврокомиссия в лице комиссара по торговле Питера Манделсона. Однако утверждение результатов переговоров и полномочия Еврокомиссии оставляются на усмотрение стран-членов, о чем было недвусмысленно заявлено президентом Франции весной 2005 года.

Как отмечает директор Института европейских исследований в Брюсселе Поль Магнетт, из четырех главных функций современного государства (защита границ, источник национальной идентичности, определение политического устройства общества, регулирование рынка) только последняя затрагивается условно наднациональным регулированием из Брюсселя. Но и в этом случае определение правил экономической деятельности — не воплощение некоей общеевропейской рациональности, а результат длительного и мучительного согласования национальных интересов, учета политических конъюнктур и позиций лобби. При этом перераспределение имеет место только в трех сферах деятельности наднациональных органов Евросоюза — сельскохозяйственной политике, выравнивании социально-экономического развития регионов и поддержке исследований. Впрочем, перераспределяется не более 3 % валового внутреннего продукта стран-реципиентов.

Более того, как справедливо считает британский исследователь Алан Милуорд, полноценное членство в ЕС оставалось до последнего времени наиболее прочной гарантией сохранения глобальной роли европейских государств и увеличивало возможности отдельных стран за счет веса всей группировки. Государства «шестерки» (Бельгия, Германия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Франция), подписавшие в 1957 году Римские договоры, вышли из Второй мировой войны в разгромленном состоянии. К концу 1950-х три страны — основательницы Европейского сообщества (Бельгия, Нидерланды и Франция) либо уже лишились своих заморских владений, либо под возмущенные протесты всего мира продолжали кровопролитные колониальные войны за остатки былого величия. А их партнеры, потерпевшие военное поражение (Германия и Италия), напротив, получили уникальную возможность реабилитации, приобрели благодаря институтам и политике Общего рынка международное влияние, несоизмеримое с их тогдашними возможностями.

Иницилируя интеграционный проект, народы Западной Европы никогда даже не рассматривали всерьез вопрос об отказе от части своего государственного суверенитета. Именно поэтому базовая теория европейской интеграции оперирует исключительно понятием объединения и сотрудничества суверенитетов, направленным на умножение сил и возможностей каждого из участников. Участие в интеграционном проекте также дает возможность влиять на экономические и финансовые процессы, выходящие за рамки национальных границ.

Однако практическая деятельность национальных бюрократий в рамках такого сотрудничества обеспечивает не только прямые материальные выгоды. Она стимулирует политическое взросление элит и совершенствование инструментов внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности каждого государства. Механизмы согласования внутри Европейского союза, кажущиеся со стороны сложными и запутанными, развивают у всех участников виртуозное мастерство в деле защиты собственных интересов. По степени напряженности дебатов и закрученности интриг Евросоюз уверенно лидирует среди национальных политических систем и международных организаций. При этом каждый из участников следует не только и не столько сложившейся общеевропейской практике, но и национальной специфике ведения дел.

Согласно данным «Евробарометра» — исследования общественного мнения в странах ЕС, регулярно проводимого социологической службой Еврокомиссии, осенью 2004 года 42 % жителей стран — членов Европейского союза утверждали, что никогда не ощущали своей принадлежности к Европе в целом и остаются гражданами исключительно своего государства. Еще 37 % лишь изредка испытывали чувство европейской идентичности, и только 7 % заявили, что являются в первую очередь европейцами, а уж затем — гражданами своих стран. Тот же опрос показал, что 53 % европейцев не сомневаются в том, что их странам выгодно членство в Евросоюзе.

Такое соотношение голосов, пожалуй, наиболее убедительно иллюстрирует цель интеграционного проекта — объединение ресурсов ради увеличения индивидуальной конкурентоспособности каждого из участников. Таким образом, европейские национальные государства являются основными бенифициарами интеграционного проекта ЕС, они остаются единственными источниками легитимности и обладателями суверенных прав. Однако их подход к использованию этих прав принципиально отличается от практики в других частях света.

АРХИТЕКТУРА МИНИМАЛИЗМА

Жак Делор, наиболее успешный председатель Европейской комиссии за всю историю европейской интеграции, однажды определил Европейский союз как «неопознанный политический объект». Действительно, любые попытки четко классифицировать институциональное выражение интеграционного процесса как протофедерацию, межгосударственное объединение или международный режим весьма уязвимы для критики.

С практической точки зрения такая «неопознанность» является скорее преимуществом, чем недостатком. Не случайно такую популярность приобрело сравнение Евросоюза со слонем, отсылающее к старинной индийской притче. Три слепых мудреца взялись описать данное животное, исходя из своих представлений об отдельных частях его тела. В результате у одного слон получился огромный, как колонна, у другого – тонкий, как змея, а третий заключил, что слон плоский, будто опахало. Согласно источнику, обязательным условием успешного исполнения роли слона является слепота окружающих. Возможно, именно поэтому сами творцы европейской интеграции никогда особенно не приветствовали попыток охарактеризовать свое детище с точки зрения теории международных отношений.

«Мне некому позвонить, для того чтобы поговорить с Европой», – жаловался в свое время государственный секретарь США Генри Киссинджер. Американских коллег можно поздравить: с октября 1999 года в ЕС существует должность генерального секретаря Совета Европейского союза и Высокого представителя ЕС по общей внешней политике и политике безопасности. На данный момент его занимает один из наиболее искушенных дипломатов современности, бывший генеральный секретарь НАТО Хавьер Солана. Вряд ли, однако, появление «мистера Европа» внесло существенные изменения в содержательную часть трансатлантического диалога. Что даже неплохо, поскольку не оставляет партнеру ничего иного, кроме как изучить хвостик интеграционного слона и на этой основе сравнивать его, например, с Венерой.

Современная система согласования интересов стран-членов и базирующийся на ней механизм принятия решений были закреплены в Договоре о Европейском союзе, подписанном главами государств и правительств 12 стран в феврале 1992-го в голландском городе Маастрихт. Этот акт увенчал этап ускорения европейского сотрудничества, инициированный в начале 1980-х годов представите-

лями бизнеса стран — членов ЕС и фактически возглавлявшийся Европейской комиссией во главе с Жаком Делором. Маастрихтский договор провозгласил создание Евросоюза, учредил сугубо межгосударственные Общую внешнюю политику и политику безопасности, а также Политику в сфере юстиции и внутренних дел.

Но в первую очередь этот документ привнес во внутреннее устройство ЕС новый важнейший элемент. Согласно статье 3б Договора, «в областях, которые не подпадают под его исключительную компетенцию, Сообщество действует в соответствии с *принципом субсидиарности*, если и поскольку цели действия не могут быть достигнуты в достаточной мере государствами-членами и поэтому, в силу масштабов и результатов предполагаемого действия, могут быть более успешно достигнуты Сообществом». В основу данного принципа положена идея о том, что принятие решений следует осуществлять на максимально возможном для этого нижнем уровне. Такой подход позволяет достаточно безболезненно решать вопрос о защите суверенных прав стран-членов применительно к каждому конкретному случаю. Он однозначно определяет национальные полномочия (суверенные права) как правило, а полномочия Сообщества — как исключение.

Любопытно, что идея субсидиарности пришла на ум Делору, когда он читал одну из энциклик папы римского Пия XI: «Должен оставаться непоколебимым следующий принцип социальной мудрости: как не дозволено, с целью передачи обществу, отнимать у отдельных лиц то, что последние могут выполнить собственными силами и мерами, так нельзя и передавать более значительному сообществу то, что может быть сделано меньшими и более слабыми людскими сообществами. Нарушение этого правила послужило бы во вред обществу и было бы вопиющим препятствием для правильного порядка, потому что оправданной целью всякого вмешательства в общественные дела является подкрепляющая помощь членам социального организма, а не разрушение и поглощение».

Однако и в сферах своих исключительных компетенций, таких, как правила конкурентной политики, денежная политика, внешняя торговля и сохранение биологических ресурсов моря, общеевропейская администрация в Брюсселе тоже не вольна самостоятельно принимать законодательные акты, обязательные к исполнению всеми странами — членами Европейского союза. Все решения в данных областях принимаются Советом ЕС, то есть опять-таки представителями стран-членов (если и не единогласно, то квалифицированным большинством), пос-

ле длительной процедуры согласования позиций. Известно, что 80 % законов, регулирующих экономическую деятельность в странах Евросоюза, отмечены штампом «Сделано в Брюсселе». По существу, это, однако, означает лишь то, что решение по ним было принято правительствами национальных государств за общеевропейским столом переговоров. Так что устрашающая рядового наблюдателя бюрократическая машина — это на самом деле во многом и ширма, и инструмент реализации национальных стратегий развития.

Такая минималистская архитектура интеграционного строения, а также и нормы взаимоотношений жильцов были спроектированы на волне популярности федералистской идеи задолго до 1991-го. 50 лет назад многие разделяли точку зрения итальянца Альтьеро Спинелли — одного из тех инициаторов европейской интеграции, которые пользовались особым моральным авторитетом. В событиях 1939–1945 годов он видел доказательство того, что государства не способны гарантировать экономическую и политическую безопасность граждан.

Тем не менее идея построения в Старом Свете супергосударства не встретила отклика у большей части населения и политических элит. Последние, даже будучи до предела ослаблены войной и получая прямую иностранную помощь в рамках плана Маршалла, не были готовы отказаться от монополии на управление своими странами.

В отличие от романтиков-федералистов, хитроумный Жан Монне, ставший подлинным отцом интеграционного проекта, прекрасно понимал бесперспективность попыток лишить европейские государства даже незначительной части суверенных прав. Поэтому он предложил уникальный механизм объединения, позволявший государствам, с одной стороны, сохранить за собой все без исключения полномочия, а с другой — извлекать дополнительные выгоды за счет сложения потенциалов. Многочисленные преимущества, которые получили страны от упорядоченной, последовательной координации своих экономических политик и делегирования Брюсселю задач по осуществлению наиболее непопулярных у избирателей мер, должны были стать своего рода анестетиком. Под его воздействием национальные правительства могли бы безболезненно и даже с удовольствием перенести такую процедуру, как потеря возможности проводить разрушительную для себя и соседей политику.

Дополнительная выгода, которую полвека назад объяснил Жан Монне, и твердые гарантии главенствующей роли национальных органов власти, сформулированные в конце 1980-х Жаком Делором,

стали главными несущими конструкциями единой Европы, и только события глобального масштаба смогли подорвать их устойчивость.

ПРЕДЕЛЫ ЕВРОПЕИЗАЦИИ

Исчезновение с политической карты мира Советского Союза и возглавляемой им социалистической системы обусловило более чем двукратное (с 12 до 25) увеличение в 1995–2004 годах числа стран — членов Европейского союза. В результате перестал работать механизм сдерживания национальных элит от политики, производившей деструктивное воздействие на всю группировку. Общие институты Евросоюза и инструментарий согласования национальных интересов стран-участниц начали терять эффективность. Сегодня некоторые действия отдельных государств-членов на внешнеэкономическом поле, особенно в сфере энергетики, воспринимаются их партнерами по союзу как почти откровенно враждебные.

Но расширение — не единственная причина кризиса. Значительную роль сыграл и произошедший в середине 1990-х резкий взлет требований к интеграционному образованию со стороны его участников. Успешная реализация проекта «Единый рынок», начатого 20 лет назад, сделала экономику Европы одной из наиболее процветающих в мире. В 2005 году, самом провальном по темпам роста в Европе, на страны ЕС-15 приходилось до 50 % всех прямых иностранных инвестиций в мире. ВВП на душу населения вырос с 2000-го по 2005-й на 20 %, что только на 1 % ниже, чем в США. Из 20 крупнейших нефинансовых компаний мира 13 являлись в 2003 году европейскими.

В конце концов страны — члены Европейского союза начали ждать от интеграционной группировки большего, чем она физически могла им дать. В марте 2000-го лидеры стран ЕС-15 приняли «Лисабонскую стратегию», в которой провозгласили основную цель: к 2010 году превратить Европу в наиболее конкурентоспособную экономику мира и достигнуть полной занятости. Обойденным, однако, остался вопрос о том, в состоянии ли форма сотрудничества, созданная в середине прошлого века, обеспечить успех в суровых условиях глобального соревнования? Особенно если учитывать, что за неспособностью стран Евросоюза конкурировать с США, Китаем или другими растущими игроками кроется европейский, а затем и наиболее опасный — национальный — протекционизм.

В сфере международных отношений отдельные государства Европейского союза уже не могли удовлетвориться тем, что членст-

во гарантировало им статус держав среднего уровня, к тому же во многом обусловленный «общеевропейским административным ресурсом». В начале нового столетия от единой Европы потребовали стать сверхдержавой, которая могла бы на равных конкурировать с Соединенными Штатами, одновременно обеспечивая отдельным странам-членам статус «морских владычиц». При этом европейские лидеры не приняли во внимание тот факт, что, прежде чем превратиться в глобальную сверхдержаву, Европе вначале нужно было стать державой в традиционном смысле этого слова, то есть единым государством с общим правительством, общей армией и полицией.

Довольно-таки серьезным толчком к сползанию ЕС в нынешнее сумбурное состояние стал провал зимой 2002–2003 годов попыток Франции, одной из ведущих европейских держав, мобилизовать партнеров на борьбу с иракскими планами Вашингтона. Отчаявшись найти применение любовно выстроенной под себя Общей (европейской) внешней политике и политике безопасности, Париж был вынужден серьезно сблизиться с Россией – силой внешней по отношению к Евросоюзу. Тем самым был нанесен ощутимый удар как по отношениям, и без того неважным, с большинством стран-новичков, так и по собственной уверенности в функциональной эффективности единой Европы.

Не менее ярким примером того, как страны-члены используют Европейский союз в качестве инструмента продвижения своих национальных интересов, стал его системный сбой, связанный с поведением Польши и государств Балтии. Вступая в ЕС, эти страны надеялись, что членство в нем не только обеспечит их дотациями из общеевропейского бюджета, но и поможет противостоять России. Не случайно президент Эстонии Тоомас Хенрик Ильвес в одной из своих работ, опубликованной в журнале «Россия в глобальной политике» (№ 6 за 2006 год), недвусмысленно указывает на то, что разлад между Западом и Востоком Евросоюза объясняется отказом большинства стран ЕС-15 включить в общеевропейскую повестку дня жесткий подход к России. Что, мол, подрывает смысл участия ряда «новичков» в проведении внешней политики интеграционного проекта. В свою очередь признательность европейским «грандам» за уступку по российскому вопросу, как намекает Ильвес, перевесила бы великое чувство благодарности, испытываемое поляками и прибалтами к Америке за поддержку в годы советской оккупации.

По мере провозглашения все более амбициозных экономических и политических задач европейское интеграционное объединение приобретало совершенно новый образ в глазах общественного мнения и значительной части элит. В результате 10-летнего применения к странам-кандидатам из числа посткоммунистических государств политики «кнута и пряника», основанной на строгом контроле за исполнением Копенгагенских критериев членства и материальном поощрении наиболее успешных, Европейский союз превратился в странное сочетание элитарного клуба и кассы товарищеской взаимопомощи.

Элитарность объяснялась строгими правилами приема и наглядно иллюстрировалась длинной очередью желающих проникнуть за заветную дверь. Размеры же очереди, признаёт многие, напрямую связаны с репутацией ЕС как некоего донора, выделяющего обладателям членских билетов регулярную, и немалую, материальную помощь.

Главной заботой органа, отвечающего за выдачу входных талонов, — Европейской комиссии — стал контроль за тем, чтобы внешний вид и поведение кандидатов хотя бы позволяли надеяться, что выданные средства не будут банально расхищены, а пойдут на обретение облика, соответствующего элитарному клубу. Так Еврокомиссия перестала быть политическим органом, координирующим сотрудничество стран-членов и технически обеспечивающим реализацию их интересов. Она превратилась в подобие главного бухгалтера на большом государственном предприятии — технического сотрудника, сильно переоценивающего собственную значимость и рвущегося решать политические вопросы с позиции ответственного за расстановку запятых.

Вместе с тем Евросоюз, как и предшествовавшие ему Европейские сообщества, — это не элитная касса взаимопомощи, а объединение государств, сплотившихся во имя достижения своих целей и защиты собственных национальных интересов. Трудности, с которыми столкнулась организация, обусловлены вовсе не нарушением гомогенности — в действительности ее никогда не существовало. Политическая культура, традиции и уровень социально-экономического развития Греции, Нидерландов или южных регионов Италии всегда оставались различными, но это не мешало им успешно сотрудничать в рамках единой, если смотреть извне, Европы.

Реальная проблема, стоящая сейчас перед европейскими государствами, — это снижение эффективности общеевропейских институтов и их неспособность решать задачи «акционеров». Как справедливо отмечает член бюро Союза европейских федералистов Ричард Ле-

минг, именно нереструктурированность общих институтов ЕС является основным препятствием при реализации предложенной Еврокомиссией политики конкретных действий на благо граждан.

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Европейский интеграционный процесс, политической и правовой упаковкой которого стал после 1992 года Европейский союз, вышел на важнейший рубеж своего развития. Системный кризис, разразившийся после провала проекта Конституционного договора для Европы на референдумах во Франции и Нидерландах (май – июнь 2005-го), в первую очередь свидетельствовал о неполадках в механизме согласования и защиты интересов суверенных стран-членов. Это в свою очередь породило у последних ощущение того, что прибыльность всего мероприятия снижается, а его смысл утрачивается. Преодолеть подобный кризис интеграционный проект сможет, только реформировав общие институты и способы принятия решений.

Поэтому главный вопрос, который необходимо решить в ходе приспособления ЕС к новым реалиям, – это реформа его институтов и подгонка механизма принятия решений, включающего процедуру согласования интересов, к значительно большему количеству заинтересованных участников. При этом недопустимо нарушать базовый принцип наднационального сотрудничества суверенных государств.

Весьма вероятно, что уже в среднесрочной перспективе единой Европе предстоит трансформация в сторону более гибкого торгово-экономического объединения с элементами политического сотрудничества между отдельными странами и группировками.

Но даже сугубо межгосударственная форма интеграции не отменит в будущем действенность уже существующих инструментов усиления позиций государств – членов Евросоюза в мире. Речь здесь идет в первую очередь об общей внешнеторговой политике и создании в ее рамках международных режимов, выгодных европейским экономикам.

Спору нет, в современных условиях согласование интересов стран-членов значительно усложнилось. Налицо серьезное снижение эффективности самого механизма согласования, о чем свидетельствует вето, наложенное Польшей в ноябре 2006 года на решение Совета Европейского союза о предоставлении Еврокомиссии полномочий для переговоров о новом соглашении ЕС – Россия.

Тем не менее гибкая система Евросоюза позволяет Брюсселю вести внешнеторговые переговоры (вплоть до вопросов о создании зо-

ны свободной торговли) и без всеобъемлющего политического мандата. При этом ориентироваться Еврокомиссия будет на согласованную всеми странами-членами (статья 133 Договора) стратегию внешнеэкономической деятельности Европейского союза.

Главным принципом Европейской политики соседства, в которую, как, например, указано в «Приоритетах германского председательства в Европейском союзе», включена и Россия, является экономическое сближение стран, расположенных по периметру границ ЕС, с общим рынком Евросоюза посредством открытия их рынков и распространения на их территорию европейского законодательства. Нормы этого законодательства утверждаются странами-членами через внутренние процедуры Европейского союза, исключая даже серьезную консультативную роль внешних партнеров.

С учетом любого из обсуждаемых сценариев развития европейской интеграции страны – соседи ЕС, включая Россию, Турцию и Украину, стоят перед необходимостью стратегического выбора между самостоятельным развитием внутри единой Европы и зависимым положением за ее пределами. Похоже, что в Анкаре и Киеве прекрасно осознают как реальность второй перспективы, так и тот факт, что именно она является наиболее предпочтительной для большинства стран Евросоюза.

Несмотря на это, основная часть и украинской, и турецкой элит пытается сохранить в повестке дня вопрос о членстве в Европейском союзе. Ведь в силу неизбежного преобладания европейского направления во внешнеэкономических и внешнеполитических связях сохранение государственного суверенитета и независимости возможно только при формальном участии в европейском процессе согласования интересов. В противном случае не исключена реализация формулы «соседи получают всё, кроме институтов ЕС» (то есть кроме возможности участвовать в принятии решений), предложенной бывшим председателем Еврокомиссии Романо Проди еще в 2003-м.

В России ситуация несколько иная. Москва, судя по большинству политических заявлений, исходит из твердого намерения формально оставаться вне европейского интеграционного проекта. Вместе с тем совместная «дорожная карта» «Общего экономического пространства России и Европейского союза», одобренная на Московском саммите 10 мая 2005 года, почти в каждом втором абзаце содержит пункт о сближении законодательства.

Весьма вероятно, что именно «дорожная карта» ляжет в основу экономического раздела будущего договора о стратегическом партнерстве между РФ и Евросоюзом, который должен будет заменить действующее Соглашение о партнерстве и сотрудничестве от 1997-го. Значительная часть российского политического истеблишмента и экспертного сообщества считает перспективной идею о постепенной экономической интеграции Европы и России без формального вступления последней в ЕС. Отечественные деловые круги ошутимо поддерживают и эти планы, и предложения о создании зоны свободной торговли.

Такая позиция во многом оправданна. По сравнению с далекими США и непонятым Китаем исторически и культурно близкая Европа — это наиболее органичный для России партнер. При всех заявленных намерениях расширять экономическое сотрудничество со странами Азии доля Европейского союза в российском внешнеторговом обороте, уже превысившая 50 %, не показывает тенденцию к снижению. С точки зрения прибыльности инвестиций и защиты прав иностранных компаний европейский рынок остается самым притягательным.

Вместе с тем действующая в Евросоюзе установка на интеграцию соседей без предоставления им права участия в принятии решений (а ничего другого ЕС сегодня предложить России не может) заставляет подходить к планам взаимного открытия рынков с известной долей осторожности.

Гораздо более целесообразным было бы для России восстановить баланс между политической и экономико-правовой составляющими отношений на уровне равноправного сотрудничества самостоятельных субъектов международных отношений. Отношения между Европейским союзом и Соединенными Штатами, избавленные от псевдоинтеграционных намерений, свидетельствуют о том, что сближение законодательств и открытие рынков — это отнюдь не неперемное условие конструктивного сотрудничества в политике и экономике.

В будущем Россия могла бы рассмотреть вопрос о формальном присоединении к тому интеграционному объединению, которое придет на смену Евросоюзу после преодоления нынешней стагнации. Тем более что выход из застоя будет, вероятнее всего, найден на традиционном (функционализм Монне и субсидиарность Делора) пути — предоставления государствам дополнительных гарантий суверенных прав и внедрения новых механизмов сотрудничества.

Свобода торговли между Россией и ЕС: за и против

Владимир Паньков

Логика Общего экономического пространства (ОЭП) Российской Федерации и Европейского союза, контуры которого намечены в одной из четырех известных «дорожных карт», предполагает формирование в более или менее отдаленной перспективе зоны свободной торговли (ЗСТ) с участием обоих партнеров. К совместному изучению этого вопроса стороны приступили в 1998 году в соответствии с Соглашением о партнерстве и сотрудничестве (СПС) между РФ и ЕС, действующим до 1 декабря 2007-го. Однако дальше изучения дело так и не продвинулось.

До официального вступления России во Всемирную торговую организацию (ВТО) вопрос о начале переговоров о зоне свободной торговли не может быть непосредственно включен в повестку дня политического диалога России и Евросоюза. Между тем мировой опыт создания ЗСТ после Второй мировой войны, например Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ), Южноамериканского общего рынка (МЕРКОСУР), Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА) и др., говорит в пользу такого включения: все эти зоны учреждались странами — членами Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ), позже переименованного в ВТО.

19 ноября 2006 года Москва и Вашингтон подписали протокол о поддержке Соединенными Штатами присоединения России к ВТО.

В.С. Паньков — д. э. н., профессор, заведующий кафедрой международных экономических отношений Государственного университета — Высшей школы экономики, заведующий Центром мирохозяйственных связей Всероссийского научно-исследовательского института внешнеэкономических связей.

При наиболее благоприятном развитии событий формальные процедуры по оформлению членства нашей страны в этой организации могут быть завершены к концу 2007-го. А официальные переговоры по ЗСТ между Россией и Европейским союзом могут стартовать не раньше 2008 года, даже если стороны проявят политическую волю.

Вместе с тем экономически Российская Федерация пока не готова к первым масштабным шагам на пути создания с ЕС зоны свободной торговли. А если принять во внимание фактический провал последнего саммита Россия – Евросоюз в ноябре 2006 года, когда Польша заблокировала начало переговоров о новом долгосрочном соглашении сторон, вопрос о ЗСТ на первый взгляд не актуален.

Между тем на восьмом заседании «круглого стола» промышленников России и Европейского союза, состоявшемся в Хельсинки параллельно с саммитом, была принята, по словам вице-президента Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) Игоря Юргенса, «довольно смелая прорывная концепция», разработанная РСПП и Союзом промышленных и предпринимательских конфедераций Европы (ЮНИСЕ). Ее первый принцип – «широкое и всеобъемлющее соглашение о свободной торговле между ЕС и Россией». Как сообщали западные СМИ, проблему ЗСТ обсуждали и в кулуарах саммита официальные лица из обеих делегаций, причем на достаточно высоком уровне.

Изложенная Юргенсом позиция РСПП стала для автора настоящей статьи неожиданной, если не сказать ошеломляющей. Даже к нашему членству во Всемирной торговой организации большая, а возможно, и преобладающая часть российского бизнеса (по меньшей мере хозяйствующие субъекты во всей обрабатывающей промышленности, не говоря уже о сельском хозяйстве и сфере услуг) относится настороженно либо с явным неприятием. А ведь членство в ВТО предполагает гораздо более умеренную либерализацию российской внешней торговли, особенно импорта, чем та, что ожидается в рамках ЗСТ с Евросоюзом.

ИНТЕРЕСЫ И ПОЗИЦИИ СТОРОН

Можно со всей определенностью сказать, что Европейскому союзу, как более сильному экономическому субъекту, создание зоны свободной торговли принесет только выгоды. Для России же все не так однозначно, поскольку ее конкурентные позиции по отношению к гипотетическим будущим партнерам по ЗСТ весьма уязвимы. Поло-

жительных результатов Москве можно ожидать разве что в среднесрочной перспективе, а отрицательных — немедленно, тогда как ЕС сразу же и без какого-либо предварительного ущерба извлечет значительную пользу от образования ЗСТ с Российской Федерацией.

Освобождение на короткий период времени взаимной торговли промышленными товарами от различных тарифных и нетарифных ограничений даст Евросоюзу асимметричные конкурентные преимущества. Баланс ожидаемых последствий будет для нас, по всей вероятности, отрицательным.

Поскольку экспорт Европейского союза в Россию состоит главным образом из машинотехнической и другой готовой продукции высоких стадий переработки, снижение тарифных и нетарифных барьеров вызовет его резкое увеличение по физическому объему и стоимости. Это усилит конкурентное давление на отечественную обрабатывающую промышленность. В итоге российский актив в товарообороте с ЕС сократится, а при особенно неблагоприятных обстоятельствах может даже обернуться дефицитом (наблюдаемое в последние годы превышение темпов прироста импорта РФ из Евросоюза по сравнению с ее экспортом и без того способствует развитию данной тенденции). Такое развитие событий нанесет тяжелый удар по платежеспособности, бюджетной системе и валютным резервам России.

В этом же негативном направлении будет действовать и отмена несовместимых с режимом ЗСТ экспортных пошлин на вывозимые из Российской Федерации на европейский рынок товары топливно-сырьевой группы, особенно нефть и газ. Вкупе со снижением таможенных пошлин это заметно уменьшит совокупные доходы таможни, на которые сегодня приходится около 40 % поступлений в госбюджет.

В нашем экспорте в Европейский союз доминируют товары топливно-сырьевой группы и готовые изделия низких стадий переработки (наподобие удобрений и других продуктов крупнотоннажной химии). В результате около 80 % российского экспорта поступает в ЕС беспошлинно или на льготных условиях. При такой структуре товарооборота мы не нуждаемся в зоне свободной торговли.

Постепенное формирование ЗСТ могло бы способствовать созданию более благоприятных условий для решения одной из стратегических внешнеэкономических задач — диверсификации российского экспорта путем резкого повышения удельного веса готовых изделий, прежде всего машинотехнической и особенно высокотех-

нологичной продукции. Вместе с тем зона свободной торговли предоставит российскому бизнесу не гарантии, а только дополнительные возможности продвижения в этом направлении.

Наибольшим потенциалом наращивания экспорта такой готовой продукции для России обладает не европейский рынок, а рынки других регионов, прежде всего Азиатско-Тихоокеанского (АТР). Например, Германия — ведущая экономическая держава Евросоюза — для нас почти бесперспективна в этом отношении (можно надеяться только на точечные прорывы в отдельные мелкие ниши).

Эта страна с 2002 года неизменно выступает как главный мировой экспортер товаров в форме материального продукта, что обусловлено ее лидерством в таких областях, как общее машиностроение, электротехника и химия, а также ролью одного из немногих мировых грандов автомобилестроения. Прогресс общего машиностроения отмечается здесь уже на протяжении четырех лет — впервые за последние четверть века, и на 2007-й эксперты прогнозируют дальнейший рост. Загрузка производственных мощностей достигает 86 %. С фирмами, работающими в данной отрасли, сложно конкурировать внешним контрагентам даже из стран Европейского союза и из других государств — членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Тем более это относится к российским машиностроителям. Правда, условия для расширения экспорта российской машинотехнической продукции в другие страны ЕС, особенно постсоциалистические, более благоприятны, но все же за пределами Евросоюза они еще лучше.

Диверсификации российского экспорта в целом, и на европейский рынок в частности, видимо, будет способствовать вступление нашей страны в ВТО. В АТР же эту роль — похоже, в неменьшей мере — сыграет зона свободной торговли, которую намечено создать к 2020 году в рамках форума Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Для развитых стран, входящих в эту организацию, полная либерализация взаимной торговли предусматривается с 2010-го, а для развивающихся — с 2020-го. Россия как член АТЭС могла бы этим воспользоваться.

Нынешняя доля Европейского союза во внешнеторговом обороте нашей страны (около половины) в ближайшие 10–15 лет будет постепенно снижаться (возможно, до 40 %). Напротив, доля Северо-Восточной Азии, одного из субрегионов АТР (Китай, Южная Корея, Япония), может удвоиться по сравнению с нынешними 12,5 %.

Азиатско-Тихоокеанский регион характеризуют не только более благоприятные условия для наращивания экспорта готовой продукции. Энергопотребление и спрос на импортные энергоресурсы в таких странах Азиатско-Тихоокеанского региона, как Индия, Китай, США, а также в ряде других в ближайшее десятилетие будут расти значительно быстрее, чем в ЕС, что во многом обусловлено сравнительно невысокой экономической динамикой Евросоюза, ожидаемой практически всеми экспертами. По прогнозу Центра мирохозяйственных связей Всероссийского научно-исследовательского института внешнеэкономических связей (ВНИИВС), руководимого автором данной статьи, в 2006–2017 годах среднегодовые темпы прироста мирового ВВП составят 3,1–3,3 %, российского – 6,6–6,8 %, американского – 2,9–3,1 %, тогда как Европейского союза – только 2,3–2,5 %.

Более того, например, в Германии, которая является одним из крупнейших покупателей российских энергоносителей, объем потребления нефтепродуктов к 2010-му уменьшится по сравнению с 2006 годом на 1,7 % (прогноз роста потребления нефтепродуктов в ФРГ, разработанный экспертами Германского союза предпринимателей нефтяной и нефтеперерабатывающей отрасли и опубликованный в августе 2006-го). В результате потребности в сырой нефти для производства нефтепродуктов также останутся на уровне 2005–2006 годов, что найдет отражение в снижении спроса (по физическому объему) на импортную нефть.

Следует также иметь в виду, что страны АТР придают проблеме диверсификации энергопоставок меньшее значение, нежели ЕС, который, постоянно подчеркивая свою якобы чрезмерную энергетическую зависимость от России, вновь и вновь заявляет о намерении переориентироваться на других поставщиков. С учетом этих обстоятельств РФ считает целесообразным постепенно повышать долю АТР в своем экспорте энергоносителей с нынешних 3 % до 30 %. Правда, и экономически, и технически это будет возможно только после 2017-го, поскольку потребует «перебросить» на восток не менее 60 млн т нефти и 65 млрд куб. м газа в год.

«ДОРОЖНАЯ КАРТА»

К ЗОНЕ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ

После вступления в ВТО Россия в первую очередь должна позаботиться о выполнении своих обязательств на переходный (адаптаци-

онный) период. Что касается гипотетической зоны свободной торговли с Евросоюзом, то, если в течение 2008–2010 годов соответствующее соглашение будет разработано, подписано и ратифицировано, ее формирование завершится к концу следующего десятилетия. То есть ЗСТ Российская Федерация – Европейский союз появится одновременно с созданием ее аналога в рамках АТЭС.

При анализе перспектив особый интерес представляет история развития Европейской ассоциации свободной торговли в 1961–1970 годах. Стокгольмская конвенция о создании ЕАСТ, вступившая в силу в 1961-м, наряду с важными, но относительно «периферийными» статьями содержит в себе четыре основных, ключевых положения:

Первое. Полная отмена (кроме специально оговоренных исключений) импортных пошлин в течение 10 лет, что потребует их ежегодного снижения на 10 % (ст. 3).

Второе. Повышение импортных квот до 100 % к 1970 году, что означает отмену контингентирования импорта (т. е. количественных или стоимостных ограничений импорта, введенных на определенный период времени. – Ред.) во взаимной торговле.

Третье. Установление единых правил определения страны происхождения товаров. Эта мера нужна, чтобы не допускать распространения внутри ЕАСТ взаимных льгот на изделия, произведенные за ее пределами (так называемые «внезональные» товары, четко отделяемые от «зональных»). При этом «зональными» товарами, согласно сформулированным планам, являются:

- изделия, которые полностью, начиная с исходного, переработанного затем материала, произведены в ЕАСТ;
- определенные продукты, прошедшие точно описанный процесс переработки;
- товары со стоимостью переработанных «внезональных» материалов, не превышающей 50 % экспортной цены готового изделия (ст. 4).

Тем самым ЕАСТ отказалась от единого внешнеторгового тарифа в отношении третьих стран – от того элемента таможенной политики Европейского союза, который и превращает его в таможенный союз. ЕАСТ не выходит за рамки ЗСТ, ее страны-члены сохранили полную таможенную автономию.

Четвертое. Если вследствие предусмотренного в Стокгольмской конвенции снижения ввозных пошлин или сравнительно низкого исходного уровня обложения импорта возникают торго-

вые диспропорции, которые выражаются в чрезмерном увеличении импорта определенного товара какой-либо страной и наносят последней ущерб, они подвергаются мониторингу и при необходимости устраняются (ст. 5).

Другие заслуживающие внимания положения этой конвенции касаются таких вопросов, как уменьшение аграрных субсидий (ст. 24); взаимное предоставление (согласно ст. 16) государствами — членами ЕАСТ полной свободы выбора места жительства своим гражданам (подданным); устранение таможенных пошлин и сборов чисто фискального характера, а также элементов таможенной защиты тех или иных товаров, содержащихся во внутренних налогах и сборах, и экспортных пошлин во взаимной торговле (ст. 6, 8); уменьшение ограничений конкуренции (ст. 15).

Если понижение ввозных пошлин и количественных ограничений импорта вызывают в какой-либо стране — члене ЕАСТ существенные проблемы с платежным балансом либо резкий рост безработицы, она может вновь ввести количественные ограничения, но только временно (ст. 19, 20). Для сельского хозяйства конвенция предусматривала разработку особых правил (ст. 21–28).

Следование позитивному опыту ЕАСТ способно привести к тому, что уже в первые годы после вступления в силу соглашения о зоне свободной торговли между РФ и ЕС сложится зона преференциальной торговли как «предтеча» ЗСТ. Все это было бы необходимо увязать с обязательствами России как по Договору о создании Союзного государства с Белоруссией, так и в рамках Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), где дело идет к формированию таможенного союза.

Все международно-правовые документы, принятые после Второй мировой войны и определившие статус вышеуказанных ЗСТ, предусматривали поэтапный переход к свободной торговле только промышленными товарами в форме материального продукта, устанавливая особые правила либерализации взаимной торговли «чувствительными» товарами (текстиль, черные металлы и др.). На торговлю сельскохозяйственной продукцией эти документы не распространялись. Думается, что Москва и Брюссель в процессе создания ЗСТ неизбежно двинутся тем же путем. Максимум, на что Россия могла бы пойти в аграрной области, — это преференциальная торговля при надлежащем согласовании вопросов государственной поддержки сельского хозяйства.

ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЕРОЯТНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
Тарифное «разоружение» в процессе создания ЗСТ Российская Федерация – Европейский союз, вероятно, продлится 7–10 лет и будет происходить, как в свое время в ЕАСТ, в форме ежегодных линейных снижений тарифов на готовые изделия. Так же, как в ЕАСТ в 1960-е, в соглашении о создании ЗСТ должна быть предусмотрена возможность временного замораживания либо даже повышения тех или иных тарифов, если на отдельных товарных рынках возникнут дисбалансы, угрожающие национальному производству и занятости, а также тяжелые диспропорции в платежном балансе.

Если формирование зоны свободной торговли по промышленным товарам принесет существенные позитивные результаты, то рано или поздно встанет вопрос о взаимной либерализации в сфере движения услуг. Можно с уверенностью предположить, что это займет уже значительно больше времени и потребует поэтапного заключения соответствующих соглашений по каждому конкретному виду услуг (транспорт, страхование, туризм и т. д.).

При оценке таможенной стоимости товара и определении страны его происхождения ЕС придерживается общепринятых правил Всемирной торговой организации и до сих пор не вводил в этой связи каких-то специфических регламентаций. Видимо, в будущей зоне свободной торговли Российская Федерация – Европейский союз также должны действовать соответствующие правила ВТО. Для России задача состоит в безусловном выполнении этих правил, в чем ей пока не удалось преуспеть. Было бы целесообразно использовать опыт ЕАСТ по применению единых правил определения страны происхождения товаров.

Если в процессе формирования ЗСТ между Россией и Евросоюзом в области тарифного регулирования будут предприняты масштабные шаги по либерализации взаимной торговли, то у сторон во многих случаях не будет иного способа защиты национального производства, рынка, занятости и социальной стабильности, кроме как прибегнуть к тем или иным мерам нетарифного регулирования. Поэтому будущее соглашение должно включать в себя обширный раздел, согласовывающий правила применения обоими партнерами мер нетарифного регулирования в духе последовательной либерализации торговли между ними.

В области нетарифного регулирования ЕС, как правило, тоже придерживается международно-правовых норм Всемирной торго-

вой организации. Если соглашение о создании ЗСТ Российская Федерация – Европейский союз будет иметь в этой области ссылки на соответствующие документы ВТО, этого окажется вполне достаточно.

Однако по некоторым нетарифным ограничениям, в отношении которых Евросоюз применяет собственные нормы и правила, соглашение должно содержать специальные предписания и регламентации. Это касается антидемпинговых мер, технических и экологических стандартов и норм, а также мер (норм) санитарного и фитосанитарного контроля.

В случае создания и успешного функционирования ЗСТ ЕС рано или поздно включит в повестку дня вопрос о предоставлении его фирмам равных с российскими компаниями конкурентных условий участия в торгах (конкурсах) на получение российских государственных заказов на поставки товаров и услуг, а также строительство объектов на нашей территории. Если такой вопрос встанет (вероятнее всего, в достаточно отдаленной перспективе), России следует конструктивно подойти к его решению на основе принципов обоюдности и взаимной выгоды.

Мировой опыт зон свободной торговли, прежде всего ЕАСТ, свидетельствует о следующем: либерализация торговли готовой продукцией, особенно машинотехническими изделиями, в процессе формирования ЗСТ способствует развитию специализации и научно-производственной кооперации между хозяйствующими субъектами обоих партнеров, а на этой основе – активизации инвестиционного сотрудничества, прежде всего в форме взаимных прямых капиталовложений. Либерализация торговли приведет также к удешевлению прямых инвестиций в РФ при создании филиалов европейских компаний и совместных предприятий на российской территории и снизит их производственно-сбытовые издержки (в том числе по линии поставок комплектующих изделий).

Вместе с тем шаги по открытию российского рынка сделают возможным его освоение европейскими фирмами за счет прямых экспортных продаж продукции, произведенной в других странах, что ослабит интерес к инвестированию в России как к средству проникновения на ее внутренний рынок. Но в целом формирование ЗСТ все же окажет позитивное воздействие на приток прямых инвестиций из Европейского союза, прежде всего в отрасли обрабатывающей промышленности.

Для того чтобы обеспечить такой положительный эффект, Москве понадобятся активные переговоры с Евросоюзом. При этом необходимо ссылаться на то, что учреждение зоны свободной торговли принесет ЕС выгоду с самого начала переходного периода, в то время как Россия столкнется со значительными трудностями по структурной перестройке ее народного хозяйства и не сразу сможет в полной мере вкусить плоды свободы торговли. Поэтому Москва имеет все основания ожидать от Брюсселя соразмерных уступок и льгот в области инвестиционного сотрудничества, а также введения безвизового режима, упорядочения и облегчения доступа российской рабочей силы на основе временных контрактов на рынки труда в странах — членах Евросоюза.

Следует особо подчеркнуть, что иммиграционные рестрикции и жесткий шенгенский режим в полной мере распространяются на граждан России. Дежурные ссылки ведущих европейских политиков и высокопоставленных чиновников из Брюсселя и Страсбурга на то, что причиной отказа от безвизового режима является нестабильность в России, абсолютно неубедительны на фоне реальной ситуации в нашей стране. Тем более что безвизовый режим предоставлен примерно шести десяткам стран, среди которых немало государств гораздо менее стабильных, чем Россия (например, государства Латинской Америки). Такая дифференциация несовместима с самой идеей создания ЗСТ Российская Федерация — Европейский союз, и особенно Общего экономического пространства.

России нужно было бы с самого начала переговоров о зоне свободной торговли добиваться подготовки и заключения рамочного соглашения по регулированию миграции рабочей силы в рамках будущего ОЭП. Основываясь на таком документе, Москва могла бы заключать соответствующие двухсторонние договоренности со странами-участницами. Подобные соглашения должны обеспечивать равные права российских трудовых мигрантов по крайней мере с их «коллегами» из третьих стран (Турция и др.), регулировать с учетом интересов России их привлечение и найм, соответствующие квоты, а также такие вопросы, как оплата труда, медицинское и пенсионное обеспечение, страхование по безработице, а также сроки действия трудовых контрактов.

Формирование ЗСТ между Россией и Евросоюзом невозможно без обеспечения свободы движения российских граждан и грузов транзитом по «европейской» суше — между эксклавной Калинин-

градской областью и основной территорией России. Важно, чтобы существенное облегчение режима передвижения произошло уже на начальном этапе будущих переговоров о ЗСТ.

В мировой практике правила подобного рода транзита определяются международно-правовыми прецедентами. Например, такими, как маршрут *Alaskan Highway* протяженностью 2 394 км, открытый согласно двухстороннему соглашению между США и Канадой от 25 октября 1942 года и обеспечивающий свободный транзит между Америкой и ее эксклавом Аляской. РФ обладает таким же правом на доступ к своему калининградскому эксклаву.

* * *

На протяжении всего постсоветского периода Европейский союз оставался нашим торгово-экономическим партнером номер один; эту роль он сохранит по меньшей мере до 2015–2020 годов. Дальнейшее расширение торговли с ЕС необходимо России, поскольку способствует поддержанию сложившейся базы для последующего развития всего комплекса внешнеэкономических связей Российской Федерации (за счет него уже сегодня формируется не менее 35–40 % ВВП нашей страны).

Россия готова гарантированно удовлетворить все имеющиеся энергетические потребности Евросоюза, она заинтересована в укреплении взаимоотношений стратегического партнерства. В свою очередь Европейский союз разделяет эти интересы.

Вместе с тем в силу отмеченных выше обстоятельств создание зоны свободной торговли между РФ и ЕС не может относиться к первоочередным, а тем более неотложным задачам в области совершенствования внешнеэкономической деятельности России, реализации ее внешней политики.

При разработке соглашения о ЗСТ Российская Федерация – Европейский союз и соответствующей программы ее формирования оба партнера должны избегать как неоправданного пессимизма, так и чрезмерных ожиданий, а тем более эйфории. Речь здесь идет о долгосрочном процессе, в который России целесообразно вступить только после тщательной и интенсивной подготовки.

Разговор по существу

“ Было бы преувеличением считать, что Европа никуда не денется от России. В политике, как и в ходе коммерческих переговоров, иногда можно наблюдать просто-таки театральное действие, где есть и трагизм, и фарс. Зачастую бывает, что одни играют в высокомерие, — и тогда другая сторона отвечает тем же. Диалог между президентом Путиным и европейскими руководителями далек от завершения ”

«Многие страны скатываются к национализму»

Жак Делор

«Многие страны скатываются к национализму»

Жак Делор

*История современной Европы знает нескольких человек, сыгравших поистине выдающуюся роль в объединении народов Старого Света. Один из них – французский финансист и политик **Жак Делор**. С его именем связан последний по времени мощный прорыв в интеграционном процессе. В бытность Делора председателем Европейской комиссии (он единственный занимал эту должность два срока – с 1985 по 1995 год) Европейское сообщество было преобразовано в Европейский союз, появился единый внутренний рынок, были заложены основы для будущего введения общеевропейской валюты и сформулированы критерии расширения ЕС. Жак Делор внес значительный вклад и в теорию интеграции, обогатив ее принципом субсидиарности: принятие решений следует осуществлять на максимально возможном для этого нижнем уровне (подробнее см. статью Тимофея Бордачёва в этом номере). В последние годы патриарх единой Европы (ему скоро исполнится 82 года) критически высказывается о том, что происходит в Евросоюзе. О прошлом и будущем европейской интеграции с Жаком Делором беседовала в Париже **Вера Медведева**.*

– Двадцать лет назад вам приходилось убеждать скептиков в необходимости европейской интеграции. Если бы пришлось это делать сейчас, изменились ли бы ваши прежние аргументы?

– Нет, в том, что касается конкретных задач и способов европейского объединения, не было бы никаких коррективов, поскольку уже тогда глобализационные процессы проявляли себя в полной мере. Единственно по-настоящему крупными переменами, произошедшими за это время, стали падение Берлинской стены и крах коммунистической системы. Но данные события только усилили необходимость создания единой Европы.

— Европа объединилась, но это никак не отразилось на традиционных предсказаниях ее «заката» и «конца», которые мы слышим с начала XX века. Первоначальная эйфория прошла, и евроинтеграция иногда сама начала давать поводы для неуверенности и сомнений.

— В определенной степени вы правы. У людей, как правило, короткая память и отсутствует глобальное видение ситуации. Не каждый помнит, что период между началом Первой и окончанием Второй мировой войны характеризовался тяжелейшими человеческими трагедиями в самом сердце Европы, гражданскими войнами и многочисленными конфликтами. Повсеместно наблюдались рост национализма и отказ от уважения прав других.

Здравый смысл подсказывал европейцам, что такое поведение чревато тяжелейшими последствиями. Было очевидно, что пора положить конец эпохе внутренних европейских конфликтов. Не случайно среди создателей единой Европы оказалось немало тех, кто пережил этот чрезвычайно сложный период европейской истории.

Объединение Европы являлось не только политическим и экономическим предприятием, но и в меньшей степени — духовным и философским движением. Требовалось, чтобы люди, которые пережили диктатуру, в частности нацистскую, смогли примириться со своим прошлым и посмотреть в будущее. Разумеется, прощение не означает забвения. Это актуально и для сегодняшней России: ничего не забывать, но суметь принять свою историю.

Кроме того, нужно было дать понять немецкой молодежи, что она — часть единого европейского сообщества, несмотря на все ужасы, за которые Германия несет ответственность. Это и означало бы установить настоящий мир в Европе.

В задачу политиков входило способствовать тому, чтобы этот духовный европейский настрой трансформировался в реальные политические действия. Мир и взаимное уважение между народами, формирование солидарных европейских связей и, наконец, система законодательства, с которой европейские страны могли бы соизмерять свои действия (разумеется, в границах, установленных для компетенции органов Европейского союза), — все эти цели остаются насущными и сегодня.

Было время, когда взаимная интеграция шла очень быстро, — например, в период моего председательства в Европейской комиссии. Мы начали создавать единый внутренний рынок, увеличили помощь бедным европейским государствам со стороны более бога-

тых, определили основные принципы социальной политики, наладили техническое сотрудничество. В конце концов добились формирования единого экономического пространства и заложили основы валютного союза.

На нынешнем этапе темпы интеграции замедлились. Те, кто всегда выступал против европейской интеграции, стали активно повторять свои прежние аргументы. Но что они предлагают взамен? Ничего! Вернуться к традиционной игре национальных суверенитетов и потом постоянно опасаться локальных договоренностей между крупными государствами? Вряд ли это принесет мир и процветание, тем более что у таких компромиссных соглашений обычно короткий век, они совершенно не принимают во внимание роль и историческую судьбу более мелких наций.

Посмотрите на страны Восточной Европы. В течение столетий они раз за разом становились жертвами предательства, пешками в большой игре. Евросоюз дает всем им надежду на мир и признание, помогает приобщиться к тем политическим и социальным ценностям, которые важны для многих и за пределами ЕС, например в бывшей Югославии. Да, сейчас нам непросто, но это отнюдь не первый сложный период в развитии Европы.

— Многие полагают, что Европейскому союзу следует притормозить на пути расширения и «перевести дух», прежде чем думать о присоединении новых стран-членов. Согласны ли вы с этим мнением?

— Само по себе расширение Европы не создает проблему. Сложности возникают при попытке ответить на некоторые важные вопросы. Что именно мы можем делать в объединенной Европе? Каким образом должны взаимодействовать пятнадцать или тридцать членов, дабы избежать забюрократизированности европейских институтов и их чрезмерной концентрации на юридических аспектах? Чтобы получить ответы, нужно иметь ясное, разделяемое всеми странами-членами представление о целях объединенной Европы.

В послевоенные годы идея никогда больше не допустить вооруженного противостояния между европейскими странами глубоко вдохновила молодых людей, множество юношей и девушек активно поддерживали усилия политиков по воплощению ее в жизнь. Сегодня мы имеем ту Европу, в которую они верили. Оправдала ли она их надежды? Я считаю, что да.

Нынешнему европейскому устройству пришлось пережить три сложных испытания, в которых оно проявило себя как вполне жиз-

неспособное. Во-первых, в начале 1970-х годов, когда к единой Европе присоединилась Великобритания. Несмотря на особую позицию Лондона по многим вопросам и его тесную связь с Соединенными Штатами, в целом мы справились с непростой задачей интеграции Соединенного Королевства.

Во-вторых, нужно упомянуть о том моменте, когда три европейские страны, которые пережили диктатуру, — Греция, Португалия и Испания, которые пережили диктатуру, — вернулись к

демократическому правлению и также стали частью единой Европы. Мне как раз пришлось завершать переговорный процесс о вступлении Испании и Португалии. Должны ли мы были отказать им только в силу того, что их интеграция представлялась сложным делом и могла создать нам самим внутренние проблемы? Несмотря ни на что, мы протянули этим странам руку помощи — и взгляните, каких значительных успехов они добились сегодня!

В-третьих, была разрушена Берлинская стена, а вместе с ней распалась коммунистическая система в странах Восточной Европы. Неужели надо было им сказать, что, мол, поскольку их экономики чересчур слабы, а менталитет слишком отличается от нашего, необходимо подождать лет двадцать? Мы посчитали, что такое отношение противоречило бы европейским ценностям, и поэтому приняли их в свой союз. Думаю, следовало более основательно подойти к организации их вступления, но в любом случае оно было необходимо.

— **Вы сказали о необходимости определиться с целями. А вы представляете себе, что за цели могут быть сегодня у Европы?**

— Лично я вижу только три глобальные цели. Первая состоит в том, чтобы всячески поддерживать мир и согласие между народами. Вторая — сделать все возможное для развития взаимной европейской солидарности, которая должна помочь выровнять уровни раз-

Дания жертвует суверенитетом в пользу ЕЭС.
Херлуф Бидstrup, 1975 г.

вития стран и регионов. И третья заключается в сохранении культурных различий европейских народов.

– Сохранение различий? Разве цель интеграции не противоположная?

– Для меня объединенная Европа есть единство в различиях. Каждый язык является отражением души той или иной нации. Вступая в единую Европу, народы не отбрасывают свою собственную историю. Это – принципиальное условие истинного величия Европы.

Если ограниченное число стран – членов Евросоюза хотят продвигаться по пути интеграции, развивая экономические либо монетарные связи, создавая совместные технологические зоны или действуя заодно в сферах внешней политики либо обороны, они, безусловно, могут это делать. Количество стран здесь роли не играет. Другие, если захотят, могут впоследствии к ним присоединиться.

Но нужно различать два момента. В чем я действительно упрекаю нынешнее поколение политиков и руководителей, так это в том, что они путают два понятия: объединенную Европу, как таковую, и различные коллективные акции. Подобное смешение тем более неверно, если говорить о совместных действиях стран европейского авангарда. Разрыв в движении и скорости всегда существует и, конечно же, не может не проявляться в различных коллективных действиях.

Скажем, нужно ли было дожидаться согласия пятнадцати государств – членов тогдашнего ЕС для того, чтобы ввести в обращение евро? Тогда, как, впрочем, и сейчас, только двенадцать стран были согласны на единую валюту. Что же, нам следовало ждать, пока остальные три наконец согласятся? В таком случае единая валюта могла бы вообще никогда не появиться. Необходимо примириться с тем фактом, что некоторые государства осуществляют какие-то совместные акции, а другие не принимают в них участия.

К сожалению, мне так и не удалось убедить моих оппонентов в том, что Европу по-настоящему объединяют только три перечисленные мною цели. Может быть, они выглядят не очень соблазнительно с политической точки зрения. Ставить перед собой только три цели – это пусть и упрощенный, но реалистичный подход.

– Вы красиво ответили на вопрос о расширении, но хотелось бы уточнить: как вы все-таки относитесь к нынешнему расширению Европейского союза?

– А разве красивый ответ не может быть точным?

– Ваш ответ отличался таким изяществом, что за ним было очень удобно спрятать вашу личную позицию. Пока я не поняла – вы за дальнейшее расширение Евросоюза или против?

– Могу сказать, что лично я отказываюсь фиксировать какие-то определенные границы европейского сообщества. Я исхожу из тех важных проблем, с которыми столкнулась Европа и о которых я вам рассказывал.

– Думаю, вы не удивитесь, если сразу после такого ответа последует вопрос о Турции, Украине и – с определенными оговорками – о России. Как быть с ними?

– Хотя я и не очерчиваю окончательных границ объединенной Европы, три случая стоят особняком. Это бывшие республики Югославии, Россия и Турция. Украину и Белоруссию пока оставим в стороне. Государствам, образовавшимся на территории бывшей Югославии, должно найтись место в объединенной Европе. Это единственное, что сможет противодействовать этническим конфликтам между ними. Речь не о том, чтобы заставить их жителей все забыть, а о том, чтобы прекратить конфликты и оттеснить на второй план взаимные претензии, разделявшие эти страны в прошлом. Это позволит избежать в дальнейшем таких драм, как, например, в Косово.

Если же говорить о России, то она слишком большая нация, которая, собственно, этим и гордится. Слишком большая, чтобы интегрироваться с ней так же, как с Польшей или Чехией. С Россией нужно подписывать соглашения о партнерстве, проясняя предварительно вопрос о том, насколько мы едины во мнениях относительно целей сосуществования и форм сотрудничества. Работа в данном направлении уже ведется. Но это непростой процесс, причем одинаково трудный для обеих сторон.

Что же касается Турции, то тут чрезвычайно символический случай. Символы играют немалую роль в становлении обществ, и в частности европейского сообщества. Турция – мусульманская страна, а рост исламистского экстремизма угрожает всему миру. Более того, появляются исламские фанатики, которые отрицают наше право на существование только потому, что мы, как они считают, отличаемся от них. Данные тенденции могут легко привести к локальным религиозным войнам, если не сказать – к войне цивилизаций. На этом фоне я говорю «да» переговорам с Турцией, чтобы продемонстрировать, что Европа не является «католическим гетто», «католической империей», чтобы подчеркнуть:

несмотря на исламский фундаментализм, мы протягиваем руку другим, пытаемся понять друг друга. Но, естественно, я не могу сказать, увенчаются ли эти переговоры успехом.

Ссылаясь на отмеченные мною факторы, некоторые европейские политики категорически высказываются против вступления Турции в Евросоюз. Думаю, они не правы. Мы должны выступить сообществом людей, которые, не будучи ни наивными, ни беспредельно доверчивыми, все-таки хотят вести диалог с другими — с теми, кто отказывается от узости и ограниченности своих взглядов, отправляя сектаризм на свалку истории. Надеюсь, я ответил на ваш вопрос, может быть, не так красиво, но зато искренне.

— **Ответили конкретно, нечего сказать. Но ведь «исламский фактор» представляет огромную опасность для современного мира. Если абстрагироваться от ваших политических воззрений, то разве вас, как верующего человека, простого европейца, воспитанного в католической семье, не настораживает нынешний подъем исламизма в Европе?**

— Мы смогли «переварить» сосуществование с мусульманами внутри каждого европейского государства. Живя бок о бок с людьми, у которых другая вера и зачастую другая жизненная философия, мы стараемся следовать принципу взаимного уважения и соблюдения законов каждой страны. Это, разумеется, не так-то и просто. Но трудности не являются достаточным аргументом для того, чтобы сказать окончательное «нет» Турции только по причине нашей взаимной несхожести.

Сосуществование проявляется в разных формах, и регулирующие его законы далеко не одинаковы в разных странах. Оно сопряжено с целым рядом проблем, многие из которых пока еще далеки от разрешения. Тем не менее нельзя отвечать отрицанием на отрицание, ненавистью на ненависть, силой на силу. Если мы войдем в этот порочный круг, то уже не сможем жить вместе. Если же мы окажемся не в состоянии поддерживать мир с иноверцами внутри европейского сообщества, то что же делать во всем остальном мире? Какой знак мы подадим другим странам?

— **Абстрактно все очень правильно. Но если вспомнить события в парижских пригородах в 2005-м, то невольно напрашивается вопрос: почему мусульмане всегда создают столько проблем и всегда требуют особого к себе отношения? Ведь никто не слышал, чтобы подобные беспорядки происходили, например, в китайских районах Парижа.**

— Корни и менталитет этих двух этносов действительно различны. Но даже про китайцев вы не можете сказать: вот, мол, мы их пустим во Францию, и через некоторое время они непременно превратятся в идеальных французских граждан. Это тем более трудно сделать по отношению к некоторым мусульманам. Такого рода упрощенные воззрения встречаются у ряда политиков, по милости которых в обществе складывается иллюзорное впечатление, будто существует некая машина по формированию законопослушных граждан. Как, например, машина по изготовлению колбас: на одном конце фарш, а на другом — уже сосиски. Но в реальности все гораздо сложнее. И этот факт нужно осознать и принять.

Да, у нас есть проблемные пригороды, но непростая обстановка там обусловлена не только национальными особенностями их жителей, но и социальными факторами. И чем активнее мы будем решать социальные вопросы, тем больше будет спадать этническая напряженность.

— В 1996 году, когда Россия вступала в Совет Европы, в Москве не исключали, что долгосрочной целью может быть и ее членство в Европейском союзе. Про это давно забыли, более того, может показаться, будто Россия не приближается к Европе, а все больше от нее отдаляется.

— История сотрудничества ЕС с Россией мне хорошо известна. На этапе подготовки договоров с Москвой я возглавлял Европейскую комиссию и у меня было множество контактов с Михаилом Горбачёвым, а потом и с Борисом Ельциным. Это были впечатляющие времена — прежде всего потому, что при всем огромном масштабе событий 1985–1994 годов удалось избежать трагедий, что не так часто случается в истории. Тот период продемонстрировал, что мы можем доверять человечеству, — ведь бывали моменты, когда очень серьезные трения между государствами устранялись бла-

Переговоры в «Общем рынке», 1980-е гг.

годаря мудрости их руководителей. Тогда мы подписали первый договор с Россией.

Главное отличие сегодняшней ситуации от прежней заключается в том, что Россия опять начала воспринимать себя как великую нацию. Желание быть таковой она демонстрировала довольно часто, особенно если брать за точку отсчета трагедию в Югославии. Я неоднократно повторял, что мы, европейцы, пытались закрыть дверь для России, но она вошла через окно. Тогда я это говорил, исходя из событий в Югославии.

Но даже если Россия и хочет быть великой нацией, зачем отрицать ее право на это или чинить ей препятствия? Тем более что она уже не действует по указке Международного валютного фонда. Нам хорошо известно, что Москва стремится принимать весомое участие в международных делах и проявлять солидарность со своими союзниками.

Налаживание взаимоотношений с Россией напоминает процесс создания объединенной Европы. Мы начали с того, что сформировали единые связи — прежде всего в рамках Европейского объединения угля и стали, потом — Европейского сообщества; сейчас мы продолжаем развивать европейскую солидарность и интеграцию. Если завтра появится хороший договор между Россией и ЕС, устраивающий обе стороны с точки зрения поставок нефти и газа, то это заставит поверить в их обоюдное желание искать формы сотрудничества и солидарной ответственности.

А что касается всего остального, то, полагаю, диалог Европейский союз — Россия может принимать совершенно различные формы (с известными допущениями, конечно). Возможно, для достижения договоренностей достаточно будет переговоров двух руководителей на высшем уровне, а не многочисленных заседаний больших комитетов с их непрерывными дискуссиями.

Но поскольку мы пока не определились со многими базовыми принципами, то сейчас, как мне представляется, трудно решать какие-то конкретные вопросы. Это классические взаимоотношения между двумя великими державами. Другие народы только выигрывают от наших разногласий. Поэтому наша важнейшая задача сегодня — продемонстрировать взаимную способность решать с помощью переговоров и соглашений те проблемы, которые стоят перед нами и всем миром. Но нужно дать отношениям возможность развиваться своим чередом. Нельзя ставить телегу впереди лошади, как говорил мой дедушка-крестьянин.

— В российской прессе часто встречаются утверждения, будто Европа не может обойтись без России, тогда как Россия в принципе проживет и без Европы. Вы с этим согласны?

— Было бы преувеличением считать, что Европа никуда не денется от России. В политике, как и в ходе коммерческих переговоров, иногда можно наблюдать просто-таки театральное действие, где есть и трагизм, и фарс. Зачастую бывает, что одни играют высокомерие, — и тогда другая сторона отвечает тем же.

Диалог между президентом Путиным и европейскими руководителями далек от завершения. Это значит, что еще окончательно не прояснен ряд важных вопросов. Что именно мы можем делать совместно и не потеряем ли мы часть нашей независимости, свободы маневра, если будем действовать сообща? Каким мы видим мир через двадцать лет? Способна ли наша нынешняя линия поведения привести к позитивным результатам?

— Политики не любят вопросов о том, что нас ждет в перспективе. Но поскольку вы сами коснулись того, что у различных стран может быть разное видение будущего, то хочется поинтересоваться и вашим собственным мнением на этот счет.

— Прежде всего я хотел бы подчеркнуть, что не верю в грядущие катастрофы, которые приведут к концу мира. Конечно, глобализация несет с собой немало проблем. Мы должны стремиться более эффективно регулировать глобализационные процессы, что в целом означает лучшее мировое управление. Например, необходимо обязать такие страны, как Китай, Индия, Бразилия, экономика которых развивается чрезвычайно быстрыми темпами, уважать и соблюдать хотя бы минимум правил по защите окружающей среды. Кроме того, им следует ввести у себя определенные социальные нормы, а не ориентироваться только на получение коммерческой выгоды.

Несомненно, мир движется в направлении большей взаимозависимости и более внимательного отношения к социальным и природным факторам, хотя не избежать и отклонений от генеральной линии. Чтобы экономическое развитие не погубило нашу «старушку Землю», недостаточно стараний одних европейцев. Необходимо, чтобы тот же Китай да и Россия прикладывали больше усилий с целью противостоять этой угрозе.

В политическом же плане имеется достаточно большое число тревожных факторов. В первую очередь это так называемая война религий и различные экстремистские проявления. Многие страны

скатываются к национализму либо стремятся играть некую особую роль на международной арене. Все это мы уже видели. Вспомним, например, историю Ближнего Востока до Второй мировой войны, когда крупные державы, в частности Великобритания, выступали в роли миротворцев. Но какой ценой! Налицо был постоянный конфликт между суннитами и шиитами, между национальными интересами различных арабских государств — все это приносило нестабильность в мир, который не мог больше прогрессировать, если не брать только чисто экономический аспект.

Мне кажется, что будущее развитие должно привести к достижению действительно всеобъемлющей договоренности между Россией, Евросоюзом и Соединенными Штатами. Договоренности, которая определит общие цели и продемонстрирует единое стремление к установлению диалога и поиску компромиссов. Это не означает, что именно данная тройка будет доминировать в мире, — ведь нужно все больше принимать в расчет Китай, Индию и страны Латинской Америки, особенно Бразилию.

Тем не менее Россия, ЕС и Америка — три политические силы, которые привыкли дискутировать друг с другом, — в любом случае будут играть очень важную роль. И каждый раз, когда их разделяют разногласия, когда каждая сторона играет в свою собственную игру, значительно возрастает риск общемировой нестабильности. Наши конфликты питают почву национализма и служат оправданием интегризма (интегризмом во Франции называют идеологию исламского экстремизма. — Ред.).

— Все боятся поступиться своей независимостью. Ведь и в самой Европе постоянно обсуждается вопрос о том, что страны отдали слишком много суверенитета Европейской комиссии. И теперь эта достаточно бюрократическая структура не способна увидеть реальные проблемы простых европейцев. С позиции человека, который почти десять лет возглавлял Еврокомиссию, что вы скажете по этому поводу?

— Во-первых, я бы хотел подчеркнуть, что Европейская комиссия только вносит предложения, но окончательные решения принимают Совет министров ЕС и Европарламент. Не нужно это путать. Вы просто попали под влияние сомнительных европейских настроений, захвативших и Францию. Еврокомиссия имеет те права, которые ей дали. В соответствии с базовым принципом у нее есть право инициативы, право вносить предложения. Но принимают их ли-

бо на основе взаимного согласия Совета министров и Европарламента, либо решением только Совета министров.

Если единая Европа представляется далекой от насущных нужд европейцев, то только потому, что национальные правительства не объясняют в достаточной мере своим гражданам причины принятия тех или иных решений. А это, к сожалению, происходит постоянно! Зачастую национальные правительства избегают того, чтобы отстаивать общеевропейские решения непосредственно перед общественным мнением своей страны. Но они обязаны это делать! И не надо превращать Европейскую комиссию в козла отпущения. Чтобы европейские институты лучше функционировали, следует вернуться к их изначальной природе. Еврокомиссия вовсе не тот орган, который должен растолковывать жителям разных стран необходимость принятия определенных директив, и не тот, что навязывает свою волю остальным политикам. Это просто место, где представители стран — членов ЕС встречаются и намечают решения. Разъяснять гражданам, насколько оправданы принятые решения, надлежит каждой стране (вернее, ее национальному парламенту) в отдельности.

— Вы экономист по образованию. Согласны ли вы с теми, кто считает, что высокий курс евро способствует подрыву европейской конкурентоспособности?

— Абсолютно нет! Это — ложное представление. Что действительно сегодня не ставится под сомнение, так это тот факт, что слабость китайской и отчасти японской валют трансформировалась в серьезную монетарную проблему. Честно говоря, мы бы предпочли иметь курс евро 1,20, но даже нынешний курс 1,30 отнюдь не катастрофичен для европейской экономики. Лучшим доказательством этого может служить мировое первенство Германии как экспортера.

Так что разговоры о том, что именно сильный евро препятствует экономическому развитию, не более чем маленькая ложь, которая сопровождает нынешнюю французскую президентскую кампанию. И если мы не откажемся от нее, нам предстоит болезненное пробуждение. Как будто вы спите на шелковых простынях и вам говорят, что завтра вы разбогатеете, встретите любовь на всю жизнь. На следующий день вы просыпаетесь и обнаруживаете, что ничего этого нет и в помине. И тогда вам объясняют, почему обещанное не осуществилось...

— Многие предвыборные лозунги просто пугают своей нереалистичностью. Не кажется ли вам, что Франция постепенно теряет главное, что ее всегда отличало, а именно свой динамизм?

– Во Франции дела идут значительно лучше, чем представляется на первый взгляд. Возьмем хотя бы такой немаловажный фактор, как демографическая ситуация. В стране рождается много детей, и даже с этой точки зрения она находится гораздо в более выигрышной позиции, чем большинство европейских государств. Уровень рождаемости всегда является индикатором динамичности. Но, безусловно, положение может быть еще лучше.

Что же касается президентской кампании, то в такое время всегда услышишь множество посулов. Неоправдавшиеся надежды списуют на «злой» евро. До первого тура президентских выборов пока еще остается достаточно времени, чтобы вернуться к реальному состоянию вещей.

– **А в чем, по вашему мнению, действительно нуждается Франция?**

– Необходимо, чтобы к Франции, которая сегодня выглядит излишне беспокойной и зачастую недовольной, вернулась уверенность в самой себе. Для этого нашей стране надо лучше осознать, что именно и почему у нее сейчас не получается; ей также требуется более оптимистичное восприятие своих сильных сторон. Преуспей мы на этом пути – и Франция восстановит свой былой динамизм.

– **Начался период председательства Германии в Европейском союзе. Что вы ожидаете в этой связи?**

– Я испытываю большое доверие к председательству Германии. Это государство аккумулирует в себе черты и западноевропейских, и восточноевропейских стран, в силу чего ему свойственно особое стремление к достижению взаимопонимания на основе диалога. Германская экономика сегодня прекрасно развивается. Кроме того, коалиционное правительство Германии – это, по сути, сосуществование двух партий – христианских демократов и социал-демократов, с которых началось объединение Европы. И, конечно же, нельзя сбрасывать со счетов личные качества госпожи Меркель.

Границы под вопросом

Загадочная картина.

(Изъ газета: „Сербія уличаетъ Болгарію въ зверствахъ, Болгарія упрекаетъ въ томъ же Албанію, Албанія — Турцію, Турція — Сербію“).

— Кто изъ нихъ истинный виновникъ?
(„Р. У.“)

“ Никакие конфликты нельзя урегулировать исходя из того, как тот или иной народ понимает историческую справедливость: ведь у каждой нации свое видение истории. Интересы живого человека важнее, чем какие бы то ни было исторические изыскания, статистика и геополитические интересы ”

Косово как тест для России

Ян Чарногурский

104

«Откуда такая жестокость?»

Лев Троцкий

115

Признание «непризнанных» и международное право

Георгий Вельяминов

120

Сепаратизм или автономия? Владимир Швейцер

130

Косово как тест для России

Ян Чарногурский

Автономный край Косово, формально входящий в состав Сербии, но фактически находящийся под управлением ООН, вот уже почти десятилетие остается одним из наиболее опасных очагов противостояния в Европе. Судьба этой небольшой территории (всего 11 тыс. кв. км) с населением около двух миллионов человек способна серьезно сказаться на развитии событий не только на Балканах, но и далеко за их пределами. Великим державам, которым вскоре предстоит голосовать в Совете Безопасности ООН по вопросу о статусе Косово, следует иметь это в виду и подойти к решению проблемы предельно осмотрительно. Голосование будет длиться лишь несколько секунд. Но в нем сконцентрируется едва ли не все прошлое и будущее Европы. Для России же косовское урегулирование станет своего рода моментом истины, поскольку до конца выявит ее позиции и окажется показателем степени ее влияния в мире.

У ИСТОКОВ ТРЕХ ГОСУДАРСТВЕННОСТЕЙ

Ситуация вокруг Косово — последняя из территориальных проблем, оставшихся в наследство от бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославия. Борьба за судьбу края между албанцами и сербами, стремление первых обрести независимость и отчаянные попытки вторых удержать откальвающуюся «провинцию» обернулись ожесточенной войной, жертвами и разрушениями, неутихающей напряженностью между двумя этим народами.

Хотя распад Югославии и сопровождался несколькими кровопролитными конфликтами, но ни в одном из них, пожалуй, уст-

---

Ян Чарногурский — премьер-министр Словацкой Республики в 1991–1992 годах.

ремления противостоящих сторон не были столь далеки друг от друга, как в косовском случае. Спор о принадлежности края выходит за рамки территориального и политического конфликта, поскольку в его основе лежит эмоциональное восприятие противоборствующими сторонами своих национальных и культурно-исторических идентичностей.

Для сербов Косово — источник и неотъемлемая часть национальной мифологии. Именно там и на прилегающих территориях зародилась и расцвела (соответственно в IX–X веках и в середине XIV столетия) сербская государственность. Туда же уходит корнями сербское православие: многие косовские монастыри были основаны в начале XIII века еще святым Саввой, наиболее почитаемым в Сербии.

Но главное событие, связанное с историей края, произошло в 1389 году. Сербское войско во главе с князем Лазарем дало бой превосходящим силам Османской империи, которые всё глубже продвигались в Европу. В ожесточенном сражении на Косовом поле пали правители обеих стран. Ни одна из сторон не одержала победу, а вскоре турецкая армия вернулась и оккупировала державу Лазаря. Тем не менее для сербов битва на Косовом поле служит символом национального героизма, способности пожертвовать всем ради защиты Родины от завоевателей, христианства от нашествия ислама, Европы от турок. Хотя за этой батальей последовали четыре столетия османского ига и дискриминации сербов, оставшихся верными православию, она до сих пор вдохновляет сербский патриотизм.

Западная историография, правда, часто ставит под сомнение сербскую интерпретацию событий. Мол, в действительности сербы битву вчистую проиграли, а никакого единоборства христианства и ислама, по сути, и не было: в те времена на стороне турок сражались немало представителей христианских держав, да и вообще противостояние носило не столько религиозный, сколько геополитический характер.

Подобная трактовка представляется некорректной. Действительно, столкновения между христианством и исламом не носили исключительно религиозного характера ни в Европе, ни на Ближнем Востоке. В эпоху Крестовых походов как Византия, так и западные христиане не чурались привлекать на свою сторону магометан. Византийские военачальники даже вступали в альянсы с мусульманами против западноевропейцев. Точно так же во времена испанской Реконквисты ни конкистадоры, ни мавры не стреми-

лись соблюдать религиозную «чистоту рядов»: даже герою испанского эпоса Сиду доводилось воевать рука об руку с маврами против своих недругов-единоверцев.

Однако общая тенденция исторического развития не подлежит сомнению. Во времена позднего Средневековья на Балканах вспыхнула борьба между христианством и исламом как системами, представляющими различные религии, образ жизни, культуры и, наконец, геополитические устремления. Одолев сербов, Османская империя почти два столетия продолжала экспансию в центр Европы, пока в 1683-м объединенные австрийские и польские войска не нанесли ее армии поражение под Веной. Но и после этого европейцам понадобилось еще почти 200 лет, чтобы оттеснить турок обратно в Малую Азию.

Кстати, если где-либо в Европе нужно было воевать с османами, сербы всегда были наготове. В 1557 году Габсбурги построили на левобережье Дуная, возле города Комарно (нынешняя Словакия), мощную крепость, которая должна была служить им форпостом в борьбе с турками. Когда встал вопрос о том, кто будет самым стойким защитником, никто не сомневался: конечно сербы. И действительно, взять Комарно турецким войскам так и не удалось.

На протяжении столетий турецкого владычества сербы никогда в массовом порядке не изменяли своей религии и не выступали союзниками завоевателей. Из-за отказа принять мусульманство они жили как граждане второго сорта и облагались специальным налогом. Говоря языком сегодняшних либералов, сербы все это время отстаивали европейские ценности. Чего нельзя сказать о предках современных албанцев. (После того как в XV столетии Албания была захвачена турками-османами, началась исламизация этой страны. — **Ред.**)

История повторилась в XIX веке. Тогда Европа (и особенно православные балканские народы) приобрела нового важного союзника — Российскую империю. После двух героических восстаний в начале столетия сербы завоевали ограниченную независимость в рамках Османской империи. В русско-турецкой войне (1877—1878) сербы, естественно, выступили на стороне русских. В начале 1878-го они заняли северную часть Косово, но их дальнейшее продвижение было остановлено перемирием между Россией и Турцией. По условиям Сан-Стефанского мира (март 1878 г.) оккупированная часть Косово должна была отойти к Сербии. Однако для западноевропейских держав подобное расширение российско-

го влияния на Балканах было неприемлемо, и на Берлинском конгрессе Сербия получила независимость, но без Косово, которое осталось в составе Османской империи.

Политический подъем Сербии и кратковременное присутствие ее войск в Косово пробудили албанцев, бывших до тех пор примерными подданными султана. После Берлинского конгресса представители албанских родов и общин собрались на так называемую Призненскую Лигу (июнь 1878 г.). Заверив султана в своей лояльности, албанцы подняли вопрос о национальной самостоятельности хотя бы и в рамках Османской империи. Это стало началом событий, которые привели к возникновению албанского государства накануне Первой мировой войны. Тем самым Косово имеет символическое значение и для албанцев.

Важную роль Косово сыграло и в истории современной Турции. В июле 1908 года тысячи косовских албанцев съехались в город Феризай, чтобы выступить против планов Австро-Венгрии проложить железную дорогу по территории провинции. Кто-то пустил слух, что этот проект служит лишь предлогом для австрийского вторжения.

В тот период в ветшавшей Османской империи набирало силу движение офицеров, называвших себя младотурками, среди которых был и Мустафа Кемаль-паша — будущий основатель Турецкой республики Кемаль Ататюрк. Сторонники перемен безуспешно требовали восстановить действие отмененной султаном Конституции 1876-го.

Когда в Феризае начались брожения, туда отправились агитаторы из числа младотурок, которые убедили албанцев направить в Стамбул телеграмму с требованием вернуть Конституцию. До приезда турецких эмиссаров местные жители о проблемах с Конституцией и ведать не ведали. Однако выдержанное в решительных выражениях послание от имени 30 тысяч подданных произвело на султана (не знавшего об обстоятельствах появления на свет письма) впечатление, и Конституция была восстановлена. С этого события фактически началось победное шествие младотурок.

ДРАМЫ XX СТОЛЕТИЯ

Во время 1-й Балканской войны (1912–1913) сербская армия оккупировала край Косово и присоединила его к Сербии. Это столкновение в «мягком подбрюшьи» Европы, ставшее предвестником скорого мирового пожара, вызывало всеобщее беспокойство. Корреспондентом газеты «Киевская мысль» в зоне боевых действий

был Лейба Бронштейн (который спустя несколько лет станет известен как Лев Троцкий, один из вождей русской революции). Он с возмущением описывал этнические чистки, которым подвергались албанцы. Итогом конфликта стало провозглашение независимости Албании. Однако западные державы быстро навязали ей протекторат. В ходе Первой мировой войны Косово заняли австро-венгерские и болгарские части, и местные албанцы приветствовали их как освободителей.

С 1918 года Косово входило в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Югославия). В 1941-м провинцию поделили «на троих». Южная часть досталась Болгарии, северная — Германии, а самый солидный «кусочек» получила Италия, присоединившая его к подконтрольной Риму Албании. Этнические чистки продолжились, только на этот раз их жертвами стали сербы, которых изгоняли из Косово. В начале 1944-го немцы сформировали из косоваров дивизию СС «Скандербег» (по имени албанского национального героя. — **Ред.**). Это не отличавшееся высокой боеспособностью соединение до самого конца осталось верным германской армии.

После войны Косово вернули в состав Югославии, но Иосип Броз Тито во избежание столкновений на национальной почве запретил изгнанным сербам возвращаться. В последующие 30 лет скрытое противостояние двух общин приобрело хроническую форму. Сербы считают, что и в мирное время албанское большинство выдавливало их из края, сознательно создавая условия, подталкивавшие к эмиграции.

Если перед Второй мировой войной в Косово проживало примерно одинаковое число сербов и албанцев, то в начале 1990-х, согласно переписи населения, албанцы составляли около 82 % всех жителей края, а сербы — 15 %. Подобное соотношение было обусловлено отнюдь не этническими чистками первой половины XX века — от них в равной степени страдали обе стороны. Решающую роль играет тот факт, что в албанских семьях, придерживающихся традиционных устоев, рождаемость гораздо выше, чем у сербов.

Соотношение данных по этническому составу населения невозможно игнорировать при решении косовской проблемы. Интересы живого человека важнее, чем какие бы то ни было исторические изыскания, статистика и геополитические интересы. Никакие конфликты нельзя урегулировать исходя из того, как тот или иной на-

род понимает историческую справедливость, — ведь у каждой нации есть свое видение истории.

КАК ОТДЕЛЯЛИ КОСОВО

«Запал» современного конфликта был подожен в 1987 году, когда сербский лидер Слободан Милошевич отменил расширенные права, предоставленные Автономному краю Косово Конституцией СФРЮ (1974). В период углублявшегося кризиса коммунистических режимов было ясно, что федеративное устройство страны нуждается в обновлении. Но вместо того чтобы осторожно и продуманно взяться за дело, Милошевич сделал ставку на национализм.

«В этой стране никто не будет бить сербов!» Эта фраза, произнесенная перед многотысячной аудиторией не где-нибудь, а на Косовом поле 15 июня 1989-го, в день 600-летия легендарной битвы, стала началом стремительного политического взлета Милошевича. Но она же обрекла сербов на череду военных поражений.

Несмотря на напряженные отношения между косовскими сербами и албанцами в 90-е годы прошлого столетия, до этнических чисток дело не доходило. Ни неправительственная организация *International Crisis Group*, осуществлявшая в марте 1998 года мониторинг ситуации в крае, ни Управление верховного комиссара ООН по делам беженцев ни о чем подобном не сообщали.

Однако события развивались в соответствии с политической логикой, обусловившей и тот факт, что от многонациональной Югославии уже почти ничего не осталось. Демократическая лига Косово во главе с Ибрагимом Руговой требовала независимости и соглашалась вести переговоры только о технических деталях переходного периода. Для Белграда это было неприемлемо, тем более что в независимом Косово тамошних сербов ожидала, скорее всего, незавидная судьба.

Начиная с 1996-го в крае действует Освободительная армия Косово (ОАК), представляющая собой вооруженное крыло партии Руговы. В ее руководство входили нынешние косовские лидеры Хашим Тачи и Агим Чеку. Деньги и оружие поступали от достаточно многочисленной албанской диаспоры на Западе.

Поначалу включенная Соединенными Штатами в перечень террористических организаций, ОАК была впоследствии вычеркнута из этого списка. Между тем командующий Освободительной армией Косово в 1998–1999 годах Рамуш Харадинай (он возглавлял прави-

тельство края в 2000–2006 гг.) обвинен Гаагским трибуналом в военных преступлениях. В 1996–1998 годах организация взяла на себя ответственность за убийство, как минимум, 25 югославских полицейских, местных сербов и «албанских коллаборационистов».

В июне – июле 1998-го Освободительная армия Косово при поддержке местного населения развязала полномасштабную войну, захватив часть территории края. В конечном итоге она потерпела поражение от Югославской народной армии, но в ходе боевых действий без крова осталось около 250 тысяч жителей Косово. Часть беженцев блуждала по территории региона, часть – нашла приют в Албании и Македонии. В Косово, безусловно, творились жестокости, однако они носили обоюдный характер. Обвинения же были выдвинуты главным образом против югославской армии.

Одно из них (массовое убийство гражданских лиц в селе Рачак осенью 1998 года), собственно, и спровоцировало включение в натовскую повестку дня вопроса о силовом урегулировании противостояния. Ссылка на рачакские события содержалась в одном из пунктов обвинительного заключения Гаагского трибунала в отношении Милошевича, но после смерти подсудимого остается только гадать, признали бы судьи его вину или нет. Во всяком случае, уже после фактического отторжения Косово от Сербии кое-кто на Западе выражал сомнения, действительно ли сербы ответственны за жертвы Рачака.

Справедливости ради надо сказать, что великие державы прилагали немало усилий, чтобы найти и дипломатическое решение конфликта. В феврале 1999-го по предложению Соединенных Штатов в замке Рамбуе под Парижем прошла мирная конференция. Проект соглашения, подготовленный в основном под давлением Вашингтона, предусматривал, что сербская армия покидает Косово, войска НАТО получают свободу передвижения по всей территории Югославии, а окончательный статус края будет определен через три года. Но то, что решающее слово в решении судьбы края останется за Белградом, не было четко оговорено в проекте.

Сербия была готова вывести свою армию из Косово и не препятствовать размещению там международных сил, но отказывалась предоставлять чужим войскам свободу передвижения по ее территории. Сербы также настаивали на том, что окончательный статус Косово должен быть согласован с Белградом.

Конференция завершилась безрезультатно, и 24 марта 1999 года самолеты НАТО начали бомбардировки Югославии. ОАК открыто

выступила на стороне Североатлантического альянса, помогая определять цели и пользуясь американской поддержкой при проведении собственных операций против югославской армии. В ответ Белград санкционировал изгнание из албанских селений всех их жителей.

Вопреки надеждам западных лидеров на то, что война будет короткой и Югославия быстро капитулирует, боевые действия затянулись. Население мужественно противостояло атакам, а оборона осуществлялась достаточно умело и эффективно. По окончании кампании оказалось, например, что югославская армия, в том числе размещенные в Косово части, понесла минимальные потери. Тем не менее противостоять в одиночку объединенным силам Запада Белград, конечно, не мог, и в конце концов было достигнуто (при дипломатическом содействии России) соглашение о прекращении конфликта. Авианалеты НАТО прекратились, и 10 июня 1999-го Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1244.

Белград завоевал то, чего и добивался на конференции в Рамбуйе. Резолюция подтвердила территориальную целостность страны, включая Косово; положения о вступлении войск НАТО на территорию Югославии за пределами края в документе отсутствовали. Предусматривалось, что голос Белграда станет решающим при определении статуса провинции. Если бы подобный документ рассматривался в Рамбуйе, Сербия приняла бы его, а войны и жертв можно было бы избежать.

Государства, которые участвовали в бомбардировках Югославии, взяли на себя моральное и юридическое обязательство создать в крае более благоприятные условия, чем те, что были там раньше. В Косово разместили военные формирования НАТО, а гражданское администрирование осуществляла Миссия ООН в Косово (*UNMIK*).

Но почти все обязательства, содержащиеся в резолюции № 1244, остались на бумаге. Как только из Косово ушла югославская армия, там вспыхнули этнические чистки. Албанские боевики убивали и изгоняли сербов. Православные церкви и монастыри подвергались разграблению и разрушению.

Последняя крупная волна антисербских бесчинств, убийств и уничтожения памятников культуры прокатилась по краю в марте 2004 года, спустя почти пять лет после размещения там миротворцев, то есть тогда, когда обстановка оценивалась как относительно стабильная. Силы НАТО и администрация ООН оказались не в состоянии обеспечить безопасность, а нестабильность выплескивалась

и за границы провинции. В соседней Македонии в 2001-м дело дошло до вооруженных столкновений между славянским населением и албанским меньшинством, причем последнее применяло оружие, доставленное из Косово.

По данным Белграда, к началу 2007 года 230 тысяч сербов, изгнанных из Косово, так и не смогли вернуться в свои дома. Оставшееся в крае сербское население может жить лишь в анклавах, находящихся под вооруженной охраной НАТО. На местные силы безопасности сербам лучше не полагаться: косовская полиция состоит в основном из бывших боевиков ОАК.

МОРАЛЬ ВМЕСТО ГЕОПОЛИТИКИ

Контактная группа по бывшей Югославии (США, Великобритания, Германия, Франция, Италия и Россия) в свое время согласовала принципы косовского урегулирования. Главный из них гласил: «Сначала гуманитарные стандарты — потом статус». Но с подачи западных участников этот подход сменился на практически противоположный: «Сначала статус — потом стандарты».

Желание как можно скорее предоставить краю независимость вызвано нарастающей озабоченностью тем, что, если международное сообщество быстро не признает государственность косоваров, те способны спровоцировать новую вспышку насилия. Считается также, что определение статуса содействовало бы притоку в Косово как помощи международных финансовых организаций, так и частных инвестиций. И хотя план Мартти Ахтисаари, специального представителя Генерального секретаря ООН в Косово, закрепляет режим международного протектората над краем, фактически он означает подготовку к предоставлению ему полноценной независимости.

В этой ситуации все взоры обращены в сторону России. Москва никогда не одобряла политику Запада в отношении Косово и бывшей Югославии в целом. Несмотря на то что Россия сыграла важную роль в прекращении войны-1999, ей единственной из стран — членов Контактной группы не был выделен собственный сектор ответственности в крае. А ведь появление российских десантников в Приштине в июне 1999 года было встречено настоящим ликованием сербского населения, видевшего в присутствии россиян наиболее надежную гарантию своих прав.

Формально вопрос состоит в следующем: воспользуется ли Россия правом вето в Совете Безопасности ООН, если туда поступит

проект резолюции, который, с одной стороны, предоставит Косово независимость, а с другой — не будет базироваться на согласованных Контактной группой по бывшей Югославии принципах, прежде всего таких, как возвращение изгнанных в ходе конфликта сербов и обеспечение их безопасности? Однако значение того, какую позицию Москва займет по Косово, выходит далеко за рамки частного эпизода. Фактически речь идет о том, готова ли Россия отставить свои традиционные связи с дружественными народами на Балканах (в первую очередь с сербами — народом, близким ей в религиозном, культурном, историческом и этническом плане), либо она предпочтет отказаться от них. Но и это лишь часть проблемы. Случай Косово станет лакмусовой бумажкой того, насколько Москва, заявляющая о своем возвращении на глобальную арену, способна на деле защищать свои традиционные сферы интересов и моральные принципы.

Какова сегодняшняя позиция России по косовскому вопросу? Москва требует, чтобы возможная резолюция отвечала универсальным принципам международного права и была поддержана заинтересованными сторонами, то есть и Сербией тоже. Россия подчеркивает, что к Косово нельзя подходить с иными мерками, чем те, что применяются в аналогичных случаях: например, в Абхазии, Южной Осетии или Приднестровье.

Отторжение Косово от Сербии без согласия Белграда действительно создаст прецедент для указанных конфликтных областей на постсоветском пространстве. Однако провести параллель между Косово, Абхазией и другими непризнанными государствами можно будет лишь при следующем сценарии. Россия накладывает в Совете Безопасности ООН вето на резолюцию о предоставлении Косово суверенитета. Тем не менее край провозглашает независимость, а какая-нибудь из великих держав ее признаёт. Такое развитие событий дало бы Москве полное моральное право на признание независимости постсоветских образований.

А что, если Россия поддержит косовскую резолюцию, допускающую независимость края от Белграда, или даже просто воздержится при голосовании в СБ ООН? Тогда аналогии с территориями в Грузии и Молдавии уже не будет.

Представим себе зеркальную ситуацию: Россия не воспрепятствовала отделению Косово, и спустя некоторое время ставится вопрос о независимости, например, Абхазии либо Южной Ос-

тии. В Совет Безопасности ООН вносится соответствующая резолюция. Как поведут себя западные страны? Они решительно выступают за территориальную целостность Грузии. И если затем Сухуми или Цхинвали заявят о своей независимости, то она будет нелегитимна, как и ее признание со стороны России. Косово же между тем уже суверенно, причем в полном соответствии с международным правом, поскольку отделение края санкционировано Советом Безопасности ООН.

В большой политике часто приходится поступаться моральными соображениями ради достижения конкретных целей либо соблюдения государственных интересов. Однако в случае с Косово ситуация такова, что именно отстаивание моральных принципов – жесткое и последовательное, вплоть до угрозы применения вето, – полностью отвечает интересам России.

На этом пути, **во-первых**, Российской Федерации следует выступить гарантом права меньшинства на возвращение к своим очагам.

Во-вторых, если благодаря российским усилиям Косово останется в рамках сербского государства, Москве придется взять на себя обязательство гарантировать в будущем права и косовских албанцев.

В-третьих, Россия не должна допустить ревизию Заключительного акта Сопровождающего соглашения по безопасности и сотрудничеству в Европе, в соответствии с которым изменение границ возможно лишь с согласия соответствующих стран.

Претворение подобной политики в жизнь требует мужества и твердости, может осложнить отношения с важными международными партнерами, стремящимися найти быстрое решение косовской проблемы в пользу албанцев. Но в конечном итоге приверженность принципам морали и права всегда оказывается более выгодной позицией, чем попытки обойти их в угоду сиюминутным интересам.

«Откуда такая жестокость?»

Лев Троцкий

В конце 1912 – начале 1913 годов в русских газетах «Киевская мысль» и «День» была опубликована серия ярких репортажей с Балканской войны, подписанных вымышленными именами Антид Ото и Янов. Под псевдонимами скрывался будущий вождь русской революции Лев Троцкий, в ту пору – свободный журналист. Приведенный ниже отрывок, посвященный взаимоотношениям сербов и албанцев на территории нынешнего края Косово, был опубликован в газете «День» 25 декабря 1912 года.

Корреспонденты видели и много, и мало; они наблюдали все то, что предшествует войне, они видели «продукты» войны: раненых, пленных, зарево пожаров; слышали гул пушечной пальбы. Но им не дали возможности проделать поход вместе с армией и поглядеть на военные операции изнутри. Приходится путем допросов, и притом с пристрастием, со слов участников восстанавливать картину жизни и смерти армии на полях сражений.

* * *

«Наша бригада называлась летучей, потому что предназначалась для поддержания постоянной связи между 1-й и 3-й армиями. За сутки с лишним до объявления войны мы стояли на сербской границе, между селами Свирци и Новакова Чука. В войну, признаться, не верили. Совершенно не верили ни солдаты, ни мы, офицеры, что будут сражения, и что каждый из нас – вот так, как есть – пойдет в огонь. Статочное ли дело? Думали, что все сведется к военной демонстрации: попугаем Турцию и вынудим к уступкам. Оказалось – не так. Еще накануне объявления войны, часов около 12-ти дня, получилось известие, что арнауты (турецкое название албанцев. – **Ред.**) напали на наши пограничные посты, и нашему полку отдано было приказание немедленно броситься в атаку.

На пограничных постах у нас стояли ополченцы, вооруженные негодными русскими берданками. Арнаутов было около тысячи человек, под командой Идрис-Сефера, одного из перваков Иссы Болетинаца (влиятельный вождь албанцев. Руководил восстанием 1909 г. против турок. – **Ред.**) У них были мартинки и сербские скорострелки, которыми мы же их вооружили во время албанского восстания. И денег они тогда от нас получили. Хотели, чтоб в случае войны они шли с нами совместно. Вышло наоборот. С нашими ружьями в руках арнауты первыми напали на наши караулы и без труда завладели ими. Почему так? Сказалась, конечно, религиозная связь с Турцией, а главное, албанцы поняли, что дело идет о разделе Албании между Сербией

Отряд албанских повстанцев

и Грецией, и что нужно защищать свои поля, избы и стада. Обманутые надежды – как? из наших ружей, на наши деньги, да против нас же? – крайне ожесточили нашу армию. Отсюда, главным образом, и пошли, жестокости. Но о жестокостях позже... <...>

Я командовал «водом» (взводом), это человек 70, когда добежал, вокруг меня оказались сплошь чужие солдаты из других рот. Не все прибежали: пользуясь беспорядком, трусы отстали. Албанцы стояли меж своими караулами и нашими и стреляли. Шагов за двести мы с криком, «ура» стали наступать, открыв беспорядочную стрельбу. Албанцы отступили к своим ближним караулам. В это время комитаджи (четники), находившиеся на границе вместе с ополченцами, при помощи ручных бомб овладели первым турецким караулом.

Арнаулы отступили назад на Новакову Чуку, все время отстреливаясь, и заняли караул приблизительно в 2 тысячах шагах расстояния от нас. Тут подспела наша батарея. Дали три выстрела, очень метких, – крыша дальнего караула обвалилась на наших глазах. Арнаулы покинули позицию и бежали. Нагнать их нам не удалось. Мы потеряли 40 человек убитыми и 80 ранеными, в том числе 4 офицеров. Арнаулы большую часть своих убитых и раненых увезли с собой. Они считают это священным долгом. <...>

Албанцы, говорят, очень храбры. Пожалуй, и так, только эта храбрость совсем особенная, непригодная для нынешних войн. Они бросаются в стремительную атаку, не отдавая себе полного отчета в последствиях, сокрушают все, что могут сокрушить, беспощадны в натиске и в истреблении побежденных. Но в случае неудачи легко теряются и, раз отбитые, уже не собираются для нового наступления. Их бегство принимает такой же стремительный и безотчетный характер, как и наступление. Это не армия, а вооружен-

ные роды, племена. Старики с могучими седыми бородами и рядом – мальчики 17–18 лет...

Пленные, оторванные от своих, очень жалки. Не раз бывало, что приведенный моими солдатами арнаут падал на землю, униженно извивался и жалобно молил: «Аман, аман»... Я строго запрещал убивать их, но скажу прямо: не помогало. Прикажешь отвести пленника к командиру, солдат отведет его шагов на пятьдесят, потом слышишь выстрел. Дело сделано. Откуда такая жестокость? Я сперва думал, что солдаты-крестьяне лелеют мысль переселиться на новые земли и заблаговременно стремятся очистить их от старых хозяев. Нарочито заговаривал с ними: вот, мол, теперь

Черногорский солдат, свалившийся от усталости на дороге

много земли у вас будет. Нет, не хотят переселяться сюда даже те, кто из этих же мест недавно переселился в Сербию, а в моем полку, как пограничном, таких было не мало. Места здесь дикие, хозяйство плохое, обработка земли варварская, ни дорог, ни школ, ни врачебной помощи.

Истребление пленных объясняется отчасти мстостью за обманутые надежды: об этом я уже говорил; но, главным образом, расчетом: одним врагом меньше – одной опасностью меньше. Первые дни мы просто обезоруживали албанцев и отпускали: тут опасность явная. Стали брать в плен. Но это значит охранять, т. е. тратить силы и кормить, а солдатам самим есть нечего. Храбрые, интеллигентные солдаты никогда не убивали пленных. Зато трусы вдоволь вымещали на обезоруженных пережитый в сражении страх. Многое зависело, разумеется, от командиров. Наш бригадный, Стоян Милованович, строго запрещал расправу над пленными. Но в других частях сами офицеры расстреливали беспощадно.

Не примите этого за национальную похвальбу, только я должен вам сказать, что сербская армия показала себя несравненно более гуманной, – если только это слово тут уместно, — чем болгарская и греческая. Те проходили по местности огненным смерчем. Один мой приятель, недавно оперировавший со своим полком у озера Доеране, над Салониками, рассказывал, что все те места, где ступила нога болгарской армии, превращены в пустыню. Ни человека, ни жилья человеческого, — все уничтожено, сожжено, стерто с лица земли. Так же действовали и греки, городок Серевич, на-

пример, совершенно уничтожен ими, как не бывало. Правда, греки говорят: турки сожгли. Только в Серевиче, наряду с жилыми домами, уничтожены и мечети, святыни турецкие, а уж это – верный признак... В окрестностях Битоля (Монастыря), где действовали наши войска, почти все села сохранились, кроме чисто турецких. Да что говорить, война есть война, и с нашей стороны тоже было сделано достаточно...

Ответственность за жестокости падает, однако, лишь меньшей своей частью на регулярные войска. По общему правилу, они уничтожали только дома кочаков, арнаутских бандитов. Потом проходили войска резерва и вносили свою лепту. А дальше шли ополченцы и комитаджи, – эти уж доделывали работу. Комитаджи – худшее, что можно себе представить. Были среди них интеллигентные, идейные люди, национальные энтузиасты, но это – единицы. А остальные – просто громилы, грабители, примыкавшие к армии ради грабежа. Они иногда оказывались полезны, ибо жизнью не дорожат – ни чужой, ни своей. У села Нагорийни, под Кумановым, их погибло не меньше двухсот душ, храбро дрались. Но в промежутке между двумя сражениями это просто отъявленные разбойники.

Комитаджи были организованы еще до войны, очень различно в разных местах: были четы (отряды. – **Ред.**) в 20, 50 и даже в 100 человек, под командой своих воевод. На время войны они были причислены к известным войсковым частям, для форпостной и рекогносцировочной службы, и для командования ими было назначено несколько регулярных офицеров. Пока чета находилась при войсковой части, дело еще шло туда-сюда. Но когда операция завершалась, армия двигалась дальше, а чета оставлялась для разрушения населения, без надзора, – тут и начинались ужасы.

Недалеко от Прилепа они так бесчинствовали и зверствовали, притом не только над турками, но и над сербами, что пришлось направить против них регулярные войска и уничтожить целую чету, прежде чем они угомонились.

И насилия над женщинами если вообще были, – я этого не знаю, но вполне допускаю, – то совершались четниками, а никак не солдатами. Этого мы абсолютно не допускали. Контроль был строгий. Когда остаемся в селе на ночевку, патруль во главе с офицером заранее переводит всех турецких женщин в одну часть села. Солдаты идут в дома, где остаются одни мужчины. А если в гареме и остаются бабы, то доступ туда солдатам преграждается унтером под страхом самой тяжелой кары. Солдаты не раз роптали: «Если бы турки проходили по нашей земле, у них был бы другой порядок». В Битоле одного солдата строго наказали за то, что шутя поднял чадру у турчанки. Нельзя иначе. Если бы давать на этот счет потачку, растеряли бы войско: разыскивай потом солдат по утрам!

Старались мы не допускать и воровства. С хозяевами дома солдаты могли сноситься не иначе как через унтер-офицера, при чем позволялось требовать только пищу. Но это не всегда соблюдалось, прежде всего, самими офицерами. Под предлогом вещественных «воспоминаний» о походе, они сплошь да рядом собирали у богатых албанцев и турок дорогое оружие, ков-

ры, шелка, серебро и золото. Иные таким путем недурно пополнили свой хозяйственный инвентарь. Солдаты, где могли, забирали только монеты, потому что вещи им пришлось бы нести на себе... <...>

В Приштину мы не входили, она была взята уже накануне, 3-й армией, а ночевали в Грачанице. Это – историческое место со знаменитым монастырем имени короля Милутина. Когда солдаты вышли на Косово поле, очень воодушевились. Я удивился даже. Косово, Грачаница – эти имена переходили из поколения в поколение, повторялись несчетно в песнях народных. Солдаты стали все спрашивать, скоро ли придем в Бакарно. Гувно – это под Прилепом. Оказывается, там была некогда крайняя граница старого сербского королевства; я, признаться, и не знал этого. А солдаты твердо решили, что, как дойдем до Гувна, тут и работе нашей конец. Мне не раз приходилось устыжаться перед солдатами своей малой осведомленности по части национальной истории. В качестве образованных людей, мы не прислушиваемся к народным песням, а историю свою тоже не очень прилежно читаем.

Села по дороге были то чисто албанские, то смешанные, то чисто сербские. Но все албанцы на Косовом говорят по-сербски, сербы – по-албански, а есть села, где установился какой-то средний сербо-албанский язык. Албанские деревни гораздо лучше, богаче сербских, много скота. У иных по 50, по 80 лошадей, тысячи овец. У одного турецкого чивчия нашли мы 10 тысяч овец, полмиллиона килограммов пшеницы в амбарах. Их дома красивее, в два этажа, у иных, в Бадровцах, например, под Скопле, новые сельско-хозяйственные орудия. Сербы не решаются держать много скота, чтоб не отобрали качаки (албанские бандиты). Домов красивых сербы тоже не строят, даже богатые, в тех селах, где есть албанцы. Если у серба два этажа, тогда он дома не красит, чтоб не оказался его дом лучше албанских. Позже, уже после взятия Битоля, мне пришлось в Ресне провести ночь у одного греческого врача. Прекрасный, с полным комфортом, но снаружи не штукатуренный.

Почему? – спрашиваю. Не решается: иначе его дом будет одним из лучших в городе, из которого, к слову сказать, родом Наизибей, герой турецкой революции.»

Признание «непризнанных» и международное право

Георгий Вельяминов

Политико-юридическая коллизия вокруг автономного края Косово, а также события, связанные с так называемыми «непризнанными» республиками на постсоветском пространстве, сделали актуальным вопрос о современной трактовке права наций на самоопределение. В журнале «Россия в глобальной политике» (№ 5 за 2006 год) опубликована статья Чрезвычайного и Полномочного Посла РФ Александра Аксенёнка на точно сформулированную тему «Самоопределение: между правом и политикой». В этом материале резонно говорится о том, что одним из факторов проблемы «непризнанных» республик являются такие принципы, подлежащие соблюдению международным сообществом, как территориальная целостность и право на самоопределение.

Налицо противостояние между обоими этими принципами, с одной стороны, и реальной политикой – с другой. А вот противоречия между самими принципами нет. Согласно Заключительному акту Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ, Хельсинки, 1975 г.), все зафиксированные в нем принципы (в том числе упомянутые выше) должны «одинаково и неукоснительно применяться при интерпретации каждого из них с учетом других». Для более четкого понимания политической и правовой ситуации стоит вернуться к истокам современной международно-правовой системы.

Г.М. Вельяминов – д. ю. н., профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН; арбитр Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРИНЦИПА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Принцип самоопределения народов был включен в проект, а затем и в текст Устава ООН в 1945 году на Конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско. Это событие знаменовало собой победу советской дипломатии: придание принципу самоопределения столь высокого статуса инициировал именно Советский Союз, и его делегации пришлось немало потрудиться, чтобы преодолеть жесткое сопротивление со стороны западных держав.

СССР боролся за деколонизацию и становление новых государственных режимов, которые, как он резонно предполагал, будут проводить антиимпериалистический курс и соответственно станут союзниками Москвы в противостоянии с Западом. Последний же — точнее, Великобритания, Франция, Бельгия, Нидерланды и другие страны, владевшие обширными колониями, — естественно, не был заинтересован в утверждении права народов на самоопределение.

Принцип самоопределения закреплен в статьях 1.2 и 55 Устава ООН. Кроме того в статье 76.8 (глава «Международная система опеки») (тоже по настоянию СССР), говорится о прогрессивном развитии населения территорий под опекой в направлении к самоуправлению и *независимости*.

Говоря точнее, в Уставе ООН фигурирует «принцип равноправия и самоопределения народов». Данная формулировка объединяет, по сути, два принципа, которые могут трактоваться и как самостоятельные. Такая увязка отнюдь не случайна. Нет равноправия между народами, если одни из них обладают государственностью, независимы и суверенны, а другие — нет. То же касается и самоопределения: поскольку все нации имеют на него равные права, любой самоопределившийся, вплоть до обретения государственной независимости, народ вправе, равно с другими народами, рассчитывать на признание своей государственности.

Между тем в Декларации принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях, содержащейся в Заключительном акте СБСЕ, с принципом самоопределения произошла некая метаморфоза.

Вместо привычной ооновской формулы «равноправие и самоопределение народов» находим иную: «равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой» (принцип VIII Декларации). Правда, здесь же указывается, что, «исходя из принципа равноправия и пра-

ва народов распоряжаться своей судьбой, все народы всегда имеют право в условиях полной свободы определять, когда и как они желают, свой внутренний и *внешний политический статус* (курсив мой. — Г.В.) без вмешательства извне...» Словосочетание «определять внешний политический статус», которое, очевидно, может пониматься и как определение суверенно-независимого государственного статуса, подменило собой, причем не вполне точно, слово «самоопределение».

Хельсинкское «право народов распоряжаться своей судьбой» может, казалось бы, интерпретироваться в качестве некой специальной нормы (*lex specialis*) по отношению к записанной в Уставе ООН общей формуле (*lex generalis*) «самоопределение народов». Причем юридически «специальный» закон перекрывает «общий» закон. Но, во-первых, уровень Устава ООН предполагает общепризнанный правовой принцип (*jus cogens*), не подлежащий произвольным изменениям отдельными (и даже многими) государствами. Посему формулировка в Заключительном акте может толковаться лишь как некий парафраз уставной формулы, но не ее изменение, а тем более отмена. Во-вторых, в широком смысле слова «право распоряжаться своей судьбой» не может исключать право и на самоопределение (разновидность «внешнего политического статуса»).

Кроме того, надо иметь в виду, что страны — участницы СБСЕ, подписавшие хельсинкский Заключительный акт, придавая ему статус официального документа ООН «с высоким политическим значением», постановили, что он не подлежит регистрации на основании статьи 102 Устава ООН, в силу чего не рассматривается как международный договор. Таким образом, изложенный в нем принцип самоопределения народов и соответствующие положения Устава ООН (который, напротив, является международным договором) далеко не равнозначны с точки зрения их обязательной силы.

Отсутствие в Заключительном акте формулы «самоопределение народов» — это своего рода реванш западной дипломатии. Охранительный, легитимистский крен документа особенно проявляется в четком установлении обязанности государств уважать территориальную целостность друг друга и воздерживаться от любых действий «против территориальной целостности, политической независимости и *единства* (курсив мой. — Г.В.) любого государства-участника». «Никакая оккупация или приобретение» не будут признаваться законными.

Невольно вспоминается легитимистский Священный союз первой половины XIX века с его аналогичным стремлением утвердить международный *status quo*. Вообще, в истории накопилось немало свидетельств тщеты и непрочности попыток законсервировать политическое равновесие. Так, николаевская Россия, выступая в роли «европейского жандарма», подавила (правда, по просьбе Австрийской империи) венгерскую национально-освободительную революцию 1847–1849 годов. В наши дни роль глобального жандарма (но уже без всяких приглашений) взяли на себя США. Результаты их вмешательства, например, в урегулирование ситуаций в Палестине, Югославии, Ираке представляются столь же бесперспективными и, по сути, антинародными, сколь и международная политика позапрошлого столетия.

Трансформация уставной формулы самоопределения народов, как и тот факт, что формально действие Заключительного акта распространяется только на страны – участницы СБСЕ (и на их государства-правопреемники), не умаляет значения этого документа, содержащего наиболее развернутое и авторитетное толкование записанных в этом акте основных десяти общепризнанных принципов международного права. Главное же для нас то, что Россия как страна – участница СБСЕ привержена соблюдению Заключительного акта; этого, впрочем, придерживаются и другие государства-участники.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НА ПЕРЕЛОМЕ ВЕКОВ

Прошло более шестидесяти лет со дня принятия Устава ООН, более тридцати после Хельсинки – и политические декорации в мире, и в частности в Европе, к концу XX столетия резко изменились. В 1945 году принцип самоопределения задумывался и мыслился (прежде всего Советским Союзом) в категориях деколонизации, а в 1975-м на передний план выдвигается (уже Западом) идеологема защиты прав и свобод человека. В начале же 1990-х годов мир неожиданно столкнулся с быстрым распадом и всего социалистического блока, и таких государств, как Советский Союз, Чехословакия, Югославия. Но и в новой ситуации вопросы самоопределения народов регулируются тем же самым нормативно-правовым инструментарием, что применялся в послевоенное время.

Как и прежде, стабильность в таких взрывоопасных европейских регионах, требующих независимости, как Ольстер, Страна Басков и

Корсика, более или менее успешно поддерживается на основе соблюдения принципа территориальной целостности государств (Великобритании, Испании, Франции). Менее эффективно решаются проблемы с разделом Кипра и отделением Тайваня от Китайской Народной Республики. В последних случаях хотя вроде бы и можно говорить о некоем «самоопределении», но оно вряд ли правомерно. Причем не столько ввиду того, что идет вразрез с принципом территориальной целостности и Республики Кипр, и КНР, сколько потому, что оно было скорее не «само»определением, а привнесением нового статуса извне.

Развал Югославии сопровождался вопиющим внешним вмешательством – вплоть до прямой вооруженной агрессии. По отношению к Сербии Соединенные Штаты, НАТО, Европейский союз откровенно придерживаются политики двойных стандартов. С одной стороны, когда речь идет о сужении территории Сербии, Запад демонстрирует ранее нетрадиционную для него приверженность идеологии «самоопределения» (Косово, отчасти Черногория). С другой – право Республики Сербской (в составе Боснии и Герцеговины) на присоединение к Сербии (точнее, к тогда еще сохранявшемуся остатку Югославии) было решительно отвергнуто.

Не менее острые проблемы возникли и при распаде СССР. После развала страны минуло более пятнадцати лет, а вопросы, связанные со статусом Абхазии, Нагорного Карабаха, Приднестровья, Южной Осетии, по-прежнему не урегулированы. Проблемы, возникшие вокруг принадлежности Крыма к Украине, были формально решены лишь благодаря российскому традиционному миролюбию.

Наверное, будь Россия столь же слаба в военном плане, сколь злосчастная Сербия, известные силы вряд ли упустили бы шанс применить и к нашей стране югославские схемы. У многих недругов России «чесались руки» признать «независимость» Ичкерии. Они не погнушались бы злоупотребить и формулой «самоопределения», несмотря на массивную интервенцию и боевиков-террористов, а также зарубежные финансовые вливания в котел сепаратизма.

Между тем Абхазия, Приднестровье, Южная Осетия открыто и настойчиво стремятся быть с Россией и даже в России, что выражается как в красноречивых результатах референдумов, так и в том факте, что значительная часть местного населения предпочитает иметь российское гражданство.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ

«Территориальная целостность государств» является одной из ипостасей главного международно-правового принципа уважения государственного суверенитета наряду с такими его составляющими, как принципы суверенного равенства, уважения прав, присущих суверенитету, нерушимости границ, невмешательства во внутренние дела. Все эти положения сводятся, по сути, к генеральной обязанности государства не вмешиваться в осуществление другими суверенными государствами их властных функций. Иначе говоря, речь идет о сугубо межгосударственных отношениях.

Напротив, проблема самоопределения решается прежде всего *внутри* того или иного государства. Его бенефициаром в реальности являются не сами государства, как таковые, а их народ, причем не обязательно *весь*, а, возможно, лишь один либо несколько из его «самоопределяющихся» этносов. Высшее проявление самоопределения — образование нового самостоятельного *государства*, то есть особой социальной общности людей, которая функционирует на отдельной территории и контролируется независимыми властями.

Как из Устава Организации Объединенных Наций (статьи 1.2 и 55), так и из Заключительного акта (принцип VIII Декларации) аналогично вытекает обязанность государств уважать равноправие и самоопределение народов (право распоряжаться своей судьбой), то есть обязанность проводить не только внутреннюю, но и внешнюю политику для обеспечения данного принципа. Более того, равноправие и самоопределение являются, согласно Уставу ООН, важнейшей основой всеобщего мира. Разумеется, каждая страна может суверенно определять условия, порядок и методы самоопределения внутри своей подвластной территории. Но это вовсе не значит, что такие условия и порядки могут нарушать принципиальные международно-правовые обязательства по уважению прав человека, основных свобод и права на самоопределение.

Наряду с этим международное право в силу принципа территориальной целостности запрещает любые действия, направленные на нарушение данного принципа в межгосударственных взаимоотношениях. Однако действие этой нормы отнюдь не распространяется на внутрисоциальные пертурбации, влекущие за собой распад целостности и единства того или иного государства. Так, например, внутренние разделы бывших СССР и Чехословакии происходили

без силового вмешательства извне, а поэтому не имели места и какие-либо нарушения международно-правовых обязательств в части территориальной целостности. Иное дело — развал Югославии под прямым воздействием иностранной интервенции.

Нельзя вмешиваться извне в процессы самоопределения, превращать территорию, связанную с этими процессами в объект оккупации, аннексии в любых формах. В этом, и только в этом — смысл принципа территориальной целостности применительно к ситуациям самоопределения. Иначе говоря, нет никаких правовых противоречий между принципами самоопределения народов и территориальной целостности государств.

ПРИЗНАНИЕ САМООПРЕДЕЛИВШИХСЯ ГОСУДАРСТВ

Международное право не содержит норм, которые ограничивали бы суверенное право любого государства признавать другое государство, возникшее в результате самоопределения. Не содержит оно и норм, препятствующих признанию нового государственного образования в случае, если последнее отделяется от другого государства невзирая на его несогласие. А вот любое вмешательство одного государства в процесс самоопределения в другой стране, тем более оккупация или приобретение (полностью либо частично) самоопределяющейся территории, является, как уже говорилось выше, несомненным нарушением международного права.

Например, Турция признала так называемую Турецкую республику Северного Кипра, отколовшуюся от единой Республики Кипр. Само по себе признание являлось бы законным, но противоправным было введение на Кипр турецких войск, обеспечивших возникновение в 1983 году сепаратистского государственного новообразования, что подрывало и правомерность самого самоопределения, как такового. Другой схожий пример — признание *de facto* Тайваня Вашингтоном, увязываемое с его активной военной поддержкой этого образования. Также и отделение Косово от Сербии не вполне самостоятельная акция, поскольку сопровождается военным вмешательством извне, в том числе прямой агрессией.

Но коль скоро и когда самоопределение фактически и правомерно свершилось в рамках того либо другого государства, другие страны вольны определять для себя, признают ли они (в том числе, возможно, дипломатическим путем) новое возникшее государство.

Признание имеет свои градации: различаются признание *de jure* или *de facto*, признание с оговорками, признание нации, борющейся за свою независимость, признание воюющей стороны и т. д. При этом признание *de facto* может быть не только формальным, но и подразумеваемым – в частности, выражаться в заключении крупного двустороннего договора, например, о торгово-экономических связях, всесторонне определяющего отношения между двумя государствами.

Формы и степени признания определяются требованиями *реальной политики*, что отчетливо проявилось, к примеру, в признании разными странами арабского государства Палестины.

В настоящее время немало говорится о возможном признании (со стороны Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, ЕС, НАТО и пр.) независимости «албанизованного» Косово вопреки воле Белграда. Такое признание может оказаться важным прецедентом, но не правовым, а лишь политическим.

Во-первых, прецедент не является в международном праве источником нормотворчества, то есть не создает формально (*ipso jure*) новую универсальную правовую норму. Во-вторых, признание новых самоопределяющихся государств имело место и ранее, в том числе наперекор государствам, от которых отделялись их части. Так, еще в 1777 году Франция, а затем в 1779-м и Испания признали отколовшиеся от Англии Соединенные Штаты Америки, заключив с ними торговый и политический договоры. Наконец, касательно «казуса Косово» нельзя сбрасывать со счетов и то, что строго юридически, как уже отмечалось выше, дефектна правомерность самого самоопределения края.

РОССИЯ И ПРОБЛЕМА НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ

Непризнанные государства иногда несколько пренебрежительно именуют самопровозглашенными. Но ведь любая страна – это изначально самопровозглашенное государственное образование, даже когда оно возникает вследствие «внешних» решений (резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 1947 года о создании Государства Израиль и Палестины или Дейтонские соглашения 1995-го о создании конфедерации Босния и Герцеговина).

«Непризнанные», «самопровозглашенные»... В самих этих определениях звучат нотки несправедливости, высокомерного презрения к «несанкционированному» (со стороны неких международных органи-

заций либо могущественных государств), но одновременно «просматривается» стремление к ясно выраженному и свободному волеизъявлению целого народа, желающего жить в собственном независимом государстве. Тем более когда речь идет о государстве, существующем и успешно функционирующем уже на протяжении многих лет.

Как же должна вести себя любая страна в отношении непризнанных государственных новообразований, если она стремится оставаться в рамках международного права?

Во-первых, она должна исходить из того, что в данном случае у нее есть полное право признавать или не признавать такое образование. Строго говоря, юридически с точки зрения равноправия народов — это не только *право*, но и *обязанность*, однако не безусловная обязанность. Государство само анализирует реальные параметры государственности самоопределившегося новообразования, определяет обоснованность, разновидности, формы признания и т. д. На практике это происходит с учетом собственных интересов, задач и требований реальной политики.

Во-вторых, недопустимо вмешиваться в процесс самоопределения. Тем более нельзя прибегать к оккупации нового государства, к присоединению его либо к объединению с ним (в том числе в форматах федерации, конфедерации, ассоциации, протектората и т. п.). Вместе с тем подписание с ним международного договора (о ненападении, сотрудничестве, взаимной помощи и пр.) не будет являться нарушением норм международного права. Сотрудничество, с одной стороны, и территориальная целостность, с другой, — это совершенно разные вещи.

Что же касается конкретно России, то изначально признание ею «непризнанных» республик предпочтительнее могло бы произойти в «мягкой» форме *de facto* — возможно, в виде заключения широкоформатных межгосударственных договоров об экономических и торговых отношениях, о гуманитарной помощи и т. п. В целом, как четко определено президентом РФ в его телевизионном выступлении 25 октября 2006 года, политика России, в частности, в отношении Абхазии и Южной Осетии основывается на двух постулатах: во-первых, мы «не можем допустить кровопролитие в этом регионе», во-вторых, мы отнюдь «не стремимся к тому, чтобы расширять нашу территорию».

Признание Россией «непризнанных» вполне вписывается в эту политику. Для подобного подхода к «непризнанным» республикам у Москвы помимо формального права имеются и веские политические

основания. Прежде всего следует обеспечить гуманитарные права и потребности населения, в том числе значительного числа тамошних жителей, имеющих российское гражданство. Кроме того, необходимо не допускать у наших границ нестабильности и тем более военных действий и кровопролития, а для этого требуются сотрудничество и контакты с правящими режимами республик. К тому же их правительства в известной мере уже фактически легитимированы на международной арене и, по крайней мере отчасти, признаны в качестве сторон международных переговоров по вопросу своего статуса.

Практически заключение Россией международных договоров с «непризнанными» республиками, по сути, лишь оформляло бы уже реально сложившиеся взаимоотношения, то есть подводило бы более цивилизованные основы под существующее состояние, *status praesens*, не затрагивая при этом возможностей продолжения урегулирования отношений «непризнанных» республик с государствами, из которых они самоопределяются.

Другое дело — признание этих республик *de jure*. В нынешних условиях такое признание может принести им действительные выгоды только в том случае, если оно будет достаточно многосторонним.

Московская школа политических исследований

Sapere aude!

Имей мужество мыслить!

Вам помогут

Наши книги в сериях

• **Библиотека Московской школы политических исследований**

• **Культура. Политика. Философия**

• **Своевременная мысль**

Наш журнал

Общая тетрадь

Вестник Московской школы политических исследований

Наши координаты:

123104, Москва, Б. Козихинский пер., д. 7, стр. 2, оф. 21, 22

тел./факс: (495)202-85-01, 299-99-04

Получить информацию о книгах вы можете на сайте www.msps.ru

Сепаратизм или автономия?

Владимир Швейцер

Когда поднимается вопрос о будущем статусе края Косово, чаще всего рассуждают о том, как его грядущая независимость повлияет на судьбу непризнанных территорий в Азербайджане, Грузии и Молдавии. Между тем внутри Европейского союза достаточно очагов напряжения, в основе которого — проблемы национализма, сепаратизма и региональной политики. Причем с каждым новым раундом расширения этого объединения такого рода сложностей становится больше. Примечательно, что после вступления в ЕС Болгарии и Румынии собственную депутатскую группу в Европарламенте смогли сформировать радикальные националисты, а более 30 депутатов представляют партии этнорегионального типа.

ИСПАНСКИЕ МОДЕЛИ

Весьма напряженная ситуация складывается в исторических областях Испании — Каталонии и Стране Басков. Во времена франкистского режима их лишили национальной автономии, а местные политические партии и общественные организации оказались под запретом. В период демократических реформ конца 1970-х утраченные привилегии были возвращены, а полномочия соответствующих региональных органов законодательной и исполнительной власти — расширены. Более того, на сегодняшний день в местных парламентах большинство составляют члены региональных, а не общеиспанских партий.

Однако местные политические элиты не удовлетворены нынешним положением; правда, требования выдвигаются различ-

---

В.Я. Швейцер — д. и. н., главный научный сотрудник Института Европы РАН.

ные. Если программа-максимум Баскской национальной партии — референдум о статусе «свободно объединенного с Испанией» региона, то радикалы из партии «Эрри Батасуна» настаивают на полной независимости и создании единого баскского государства по обе стороны Пиренеев. Переход этой партии к активным действиям и ее тесные связи с террористической группировкой ЭТА переполнили чашу терпения Мадрида, и «Эрри Батасуна» была запрещена.

На последних выборах в каталонский парламент с большим отрывом победила партия Левые республиканцы Каталонии. Вместе с другими местными политическими силами ей удалось добиться признания за каталонцами права считаться, наряду с испанцами, государствообразующей нацией. Сделав Каталонию «более равной» среди других регионов Испании, местные политики, по существу, способствовали нагнетанию напряженности вокруг взрывоопасной темы. Все более настойчивыми становятся попытки включить в повестку дня жизни современной Испании вопрос об изменении Конституции в направлении федерализации страны, а часть региональных политиков даже склоняются к возможности смены монархической формы правления на республиканскую.

В этой сложной ситуации многое зависело от позиции Мадрида. В конце 1990-х — начале 2000-х годов правительство консерваторов из Народной партии проводило политику давления на власти Каталонии и Басконии, какие-либо переговоры с ультрарадикалами из ЭТА были исключены. «Эрри Батасуна» не признавалась в качестве возможного посредника и до своего запрета.

Иную позицию заняла правящая ныне Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП). Именно в процессе диалога с ней каталонцы получили статус титульной нации. Социалисты пошли и на прямые контакты с группировкой ЭТА, заручившись обещанием ее руководства отказаться от террора. ИСРП получила поддержку Европарламента, который благословил диалог Мадрида с ЭТА. Благо в Страсбурге председательствовал в тот период социалист-каталонец Хосеп Боррель. Но взрыв в столичном аэропорту в конце 2006-го поставил под угрозу миротворческие усилия правительства Хосе Луиса Родригеса Сапатеро.

Оппозиционные «народники» воспрянули духом, организовав по всей Испании многочисленные демонстрации с призывами отказаться от «диалога с убийцами». Неудача миролюбивой политики

ИСРП может существенно осложнить начатый поиск консенсуса с другими региональными силами Испании, балансирующими между автономистскими и сепаратистскими позициями.

БРИТАНСКИЕ СЮЖЕТЫ

Лейбористы, пришедшие к власти в конце 1990-х годов, приступили к реализации непростого процесса деволюции — укрепления автономных начал в административно-политических частях, составляющих Соединенное Королевство (деволюция в узком смысле — частичная передача власти центральным правительством на региональный или иной нижестоящий уровень. — **Ред.**). Одна из этих частей — Шотландия — по роли и месту в британском государстве вполне сопоставима с Каталонией. Другая — Северная Ирландия — по степени напряженности конфликта весьма схожа с Басконией. Близки по духу баскским сепаратистам и требования местной политической элиты, представленной влиятельными партийными объединениями.

В британском политическом пространстве уже более 70 лет действует Шотландская национальная партия (ШНП). Идеологически она опирается на богатое историческое прошлое региона, который вот уже 300 лет служит государствообразующей силой монархии. Популярности партии способствуют и сугубо экономические причины — разработка в последние десятилетия запасов нефти и газа на шотландском шельфе Северного моря. В глазах местных националистов их «малая родина» — это не только равнозначная Англии часть королевства, но и источник ее энергетической независимости, что особенно важно, учитывая крайнюю актуальность данной темы для всего Евросоюза.

В процессе деволюции лейбористы пошли на значительное расширение шотландской автономии. В мае 1999-го, впервые за последние 300 лет, прошли выборы в Шотландский парламент. Эдинбург получил суверенные права в том, что касается многих вопросов внутренней, а также социально-экономической политики. При этом лейбористы численно обошли ШНП в местном парламенте, что не только снизило накал исконно присущего этой партии сепаратизма, но и стимулировало в ней центробежные тенденции. Одновременно в Шотландской национальной партии окрепли позиции тех, кто готов к диалогу с центральной властью.

Нелегко даются Лондону попытки совладать с ситуацией в наиболее взрывоопасном регионе — Северной Ирландии. Ирландская республиканская армия (ИРА) продолжает настаивать на воссоединении с Ирландской Республикой. Как и в Стране Басков, налицо решимость радикалов достичь своей цели путем вооруженной, террористической борьбы. При этом, в отличие от Шотландии, религиозно-общинный конфликт католиков и протестантов делает партийно-политическую палитру Северной Ирландии гораздо более мозаичной. Поэтому главный вопрос, стоящий перед североирландскими сепаратистами, — достижение консенсуса в собственных рядах, не говоря уже о согласовании позиций с властями Ирландии.

При участии официального Дублина ключевой игрок на этом поле — сепаратистская партия Шин Фейн — договорилась с более умеренной местной Социал-демократической партией о поэтапном решении проблемы Ольстера. Важнейшим элементом в соглашении 1998 года явилось предоставление представителям католической и протестантской общин паритетных прав во властных структурах. Одновременно на неопределенное будущее отодвигалась тема воссоединения с Ирландией.

Лейбористы включили Северную Ирландию в процесс деволуции, предоставив местной Законодательной ассамблее широкие полномочия самоуправления. В то же время ИРА, на совести которой сотни жертв среди мирных жителей Ольстера и британских солдат, заявила о самороспуске. Наконец, прогресс наметился и со стороны руководства протестантской общины. Ее радикальный лидер Иан Пейсли неожиданно выразил готовность войти в коалицию с руководством Шин Фейн. Тем самым было остановлено доходившее до вооруженных столкновений противоборство членов обеих религиозных общин.

Британский сценарий решения региональных проблем выглядит более продвинутым по сравнению с испанским. Лондону удастся удерживать ситуацию под контролем, ведя продуктивный диалог не только с местными политиками, но и с широкой общественностью регионов, в которых развитие автономных начал ослабило сепаратистские тенденции. В то же время ставить окончательный диагноз рано, ибо подчас в ходе самоопределения национальных идентичностей подспудно получают стимул центробежные тенденции. Во всяком случае, в Великобритании просматривается начало скрытой эволюции в сторону федерализма.

ДВУХСПОЛОВИННАЯ БЕЛЬГИЯ

Современное Королевство Бельгия – пример того, как в процессе деволюции возникает потенциальная угроза распада, казалось бы, давно сложившегося государства. Если в Испании сепаратизм носит в основном этнический характер, в Шотландии его корни уходят в историю, а в Северной Ирландии он возник на конфессиональной почве, то бельгийский сепаратизм можно определить как экономико-лингвистический.

Некогда унитарное государство, состоявшее из франкоязычной Валлонии и нидерландскоязычной Фландрии, постепенно эволюционирует к системе, которую можно определить как неустойчивый федерализм. В результате конституционной реформы рубежа 1980–1990-х создано три автономных региона: Валлония, Фландрия и столичный Брюссель. Последний, находясь на территории Фландрии, на 80 % состоит из франкоязычного населения, поэтому его автономия носит половинчатый характер.

Причиной перемен является структурная перестройка национальной экономики, которая осуществляется в последние десятилетия. Хозяйственным мотором становится Фландрия, что ведет к укреплению позиций фламандцев и в политической жизни. Премьер-министрами вне зависимости от их партийной ориентации становятся исключительно фламандцы. В реформированных структурах исполнительной и законодательной власти им также принадлежит абсолютное большинство. Камнем преткновения в конфликте обеих общин является бюджет, в котором доля экономически процветающей Фландрии значительно превышает вклад Валлонии, живущей от кризиса к кризису. Последним обстоятельством пользуются фламандские политики правого и ультраправого толка, требуя прекратить финансирование «валлонских нахлебников».

Традиционное двуязычие и экономические диспропорции создали благоприятную почву для появления во Фландрии партии радикального националистического толка Фламандский блок. Его успехи (порядка 12–15 % голосов на общенациональных парламентских выборах последнего десятилетия) привели к тому, что за четверть века эта партия превратилась из политического маргинала в важную часть бельгийского истеблишмента. Еще прочнее позиции партии в парламенте Фландрии и в муниципальных советах крупных городов этой части Бельгии.

Антиваллонизм – не единственная особенность радикального крыла фламандских сепаратистов, в числе требований которых есть

и образование независимого фламандского государства-республики. В свое время они настойчиво выдвигали тезис об упразднении монархии, чего не позволяли себе другие политики фламандской общины. Однако поводом для судебного запрета Фламандского блока в 2004 году явилась отнюдь не развернутая им, по существу, антигосударственная пропаганда, а его расистские выпады. Именно ксенофобский сепаратизм превратился в политический бренд Фламандского блока, требовавшего пресечь приток в Бельгию зарубежной рабочей силы. Иммиграция, полагали сепаратисты, не только лишала коренных бельгийцев рабочих мест, но и порождает рост преступности в стране, способствовала насаждению чуждых европейцам обычаев и нравов.

Отметим, что бельгийская юстиция, формально разрушив бастион радикал-сепаратизма, не смогла воспрепятствовать его благополучному возвращению с появлением партии Фламандский интерес, приверженной той же риторике и возглавляемой теми же лидерами. В результате бельгийское общество подвергается постоянному идеологическому воздействию ксенофобов-сепаратистов и внутренне готово к дальнейшей дезинтеграции государства. Последним свидетельством тому — появившийся в конце 2006-го на одном из каналов бельгийского телевидения сюжет о якобы уже свершившемся распаде Бельгии. В эту «утку» поверили не только многие из простых граждан, но и некоторые представители бельгийского истеблишмента. Есть ли доля истины в такой злой шутке, пока определить трудно.

«Фашизм не пройдет! Остановим Фламандский блок.»

ИТАЛИЯ: ИСКУШЕНИЕ ЛИГИЗМОМ

Сходный вариант регионального сепаратизма наблюдается в последние полтора десятилетия в Италии. Здесь главным застрельщиком выступают партия Лига Севера и ее амбициозный лидер Умберто Босси. Уже в конце 1980-х годов в северной части Италии возникает движение лиг, вначале как институтов гражданского общества по типу фольклорных объединений — носителей особой североитальянской региональной идентичности. Однако в начале 1990-х, в период краха партийно-политической системы Италии, сложившейся после Второй мировой войны, лиги всё более ориентируются на политику. Объединив их в партию Лига Севера, Босси сделал ее девизом тезис о необходимости коренным образом перестроить всю государственную систему, добиться федерализации Италии с закреплением преференций в пользу северных областей.

Наиболее радикальная часть Лиги Севера вообще была готова поставить вопрос о выделении из итальянского государства соответствующих регионов и провозглашении их независимой «Паданской республикой». Лигистская аргументация отчасти отражала культурно-исторический раздел Италии на тяготевших к кельто-германской традиции северян и южан-романцев. Но в то же время лигисты озвучивали и вполне прагматический тезис о нежелании трудолюбивых жителей Севера содержать лентяев Юга и коррумпированных римских бюрократов.

Другая излюбленная тема сепаратистской пропаганды северян, роднившая их, например, с фламандскими националистами, касалась проблемы иммиграции. Лигисты говорили о тлетворном влиянии «чужаков» и ставили вопрос об ужесточении иммиграционного законодательства и принудительной высылке нежелательных элементов. В этом вопросе Лига Севера нашла понимание у партнеров по коалиции 1990-х — начала 2000-х годов правого популиста Сильвио Берлускони и бывшего неонациста, лидера Национального альянса Джанфранко Фини. Последние, отмежевываясь от ультра-сепаратизма Лиги Севера, солидаризировались с ней в вопросе об иммиграции. Соответствующие законодательные акты были приняты в период правления правой коалиции.

Проиграв лобовую атаку на устои итальянского государства, лигисты, заручившись поддержкой единомышленников, предложили амбициозную программу девальвации. Суть проекта закона, вынесенного на общеитальянский референдум в 2006-м, заключалась в пе-

Деньги несуществующей «Паданской республики»

редаче регионам основных функций законодательной власти, в развитии местного самоуправления, лишившего центральные власти важных государственных рычагов. Однако две трети участников референдума отвергли новацию, нанеся удар по «ползучему сепаратизму». Хотя и здесь еще рано ставить точку.

ОТ АДРИАТИКИ ДО БАЛТИКИ

Помимо комплекса внутренних причин, усиливающих сепаратистские тенденции в ряде западноевропейских государств, есть и внешний фактор. Распад СССР, крах федеративной Югославии и, наконец, цивилизованный «развод» Чехии и Словакии — все эти события не остались незамеченными в среде европейцев, недовольных существующей государственностью.

В самих же странах Восточной и Юго-Восточной Европы зерна этнорегионализма упали на благодатную почву еще при формировании «социалистических» государственных устоев. Переселение Сталиным в глубину России части коренных жителей Прибалтики и приток туда русскоязычного населения создали предпосылки для конфликта между этническими общинами. В 1970–1980-е годы этническую ситуацию в тогдашнем социалистическом лагере усугубили попытки болгаризации турок при Тодоре Живкове в Болгарии и ограничения прав трансильванских венгров при Николае Чаушеску в Румынии. Никак не назовешь примером «братской дружбы наро-

дов» ситуацию, сложившуюся накануне кровавых событий 1990-х в Югославии. Свое печальное продолжение «титоизм в национальном вопросе» нашел в действиях Слободана Милошевича, фактически упразднившего косовскую автономию, что навлекло на два коренных народа края — албанцев и сербов — неисчислимы бедствия.

Однако в целом сегодня ситуация в странах Восточной и Юго-Восточной Европы улучшается. Свою роль играет зарождающаяся партийная система, которая охватывает широкие слои национальных меньшинств. Партии босняков (в Боснии и Герцеговине) и албанцев (в Македонии) готовы конструктивно сотрудничать во властных структурах соответствующих государств. Объединение болгарских турок «Движение за права и свободы» вписалось в партийно-политическую систему Болгарии. Партии венгерского национального меньшинства в Румынии и Словакии уже приобрели опыт участия в местных правительствах. Ни одну из упомянутых этнических партий нельзя упрекнуть в каких-либо сепаратистских тенденциях, наносящих ущерб государству с миллионами граждан нетитульной нации.

Более сложная ситуация сложилась в странах Балтии. В Литве, где местные власти предоставили гражданство и политические права всем проживавшим на постоянной основе, вне зависимости от национальности, Союз русских Литвы решает лишь частные вопросы, связанные с проблемами русскоязычного населения. Иначе дело обстоит в соседних Эстонии и, особенно, Латвии. Значительная часть русскоязычного населения не имеет там гражданства, лишена гражданских прав и культурно-языковой самобытности, что затрудняет ее интеграцию в местное общество. В результате возникло такое, например, политическое объединение, как «За права человека в единой Латвии», название которого достаточно емко выражает его идеологию.

Наглядным примером для властей Латвии могли бы послужить решение вопросов нацменьшинств их литовскими соседями и считающийся десятки лет опыт отношения к шведскому национальному меньшинству в соседней Финляндии. В стране, где шведы составляют всего 6 % населения, шведский язык является вторым государственным. Во всех населенных пунктах страны Суоми, даже там, где нет ни одного шведа, соответствующие обозначения двуязычны, а финские шведы никак не ограничены в вопросах развития национальной культуры. Почетное место в политической жизни Финляндии занимает Шведская народная партия, регулярно входящая в различные правительственные коалиции.

ЗАГЛЯДЫВАЯ В ЗАВТРА

В споре сепаратистов и автономистов последние явно активнее, реалистичнее, гибче, чем их оппоненты-радикалы. Автономисты стремятся совместить региональные и национальные интересы, учитывают характер процессов на глобальном и евроинтеграционном уровне. Они склонны к поиску консенсуса и отвергают лобовую конфронтацию с оппонентами. Многие европейские политики уже проявили способность отказаться от прежних сепаратистских подходов, разумно полагая, что национальные меньшинства и региональные общности, которые они представляют, больше выиграют от расширения своих автономных прав, чем борясь за недостижимое.

В целом же перспективы этнорегиональных политических сил в наступившем столетии зависят от множества факторов глобального, континентального, странового и местного значения. Как показывает практика, подчас совсем неожиданно события, формально никак не связанные с тем или иным региональным процессом, могут существенно повлиять на его развитие. Например, с геополитической точки зрения чрезвычайно важна дальнейшая судьба Косово. Сохранение статуса международного протектората над этим сербским краем и тем более предоставление ему полной независимости создадут прецедент для европейских сепаратистов, не считающих неделимость государств истиной в последней инстанции.

Свою лепту в спор сепаратистов и автономистов могут внести как решение вопроса о самопровозглашенных государствах — Абхазии, Нагорном Карабахе, Приднестровье, Южной Осетии, так и полностью не исключенные попытки регионализации Украины с перспективой превращения ее в федеративное государство. Едва ли вне поля зрения европейских региональных политиков останется судьба национальных республик Российской Федерации, прежде всего на Северном Кавказе. Не исключено, что уже ближайшее время покажет, найдено ли там долгосрочное решение местных этнорегиональных конфликтов, либо же это только видимость умиротворения.

Вполне естественно, что региональных политиков Европы серьезно заботит вопрос о путях развития интеграционных процессов Старого Света. Им отнюдь не безразлично, как в XXI веке будет происходить приобщение к Европейскому союзу новых государств. С особой чуткостью они относятся и к дилемме «Европа государств» или «Европа регионов». Без выработки политически взвешенной

концепции, учитывающей как межгосударственный, так и региональный компоненты, проблемы государственно-региональной подчиненности и вопросы этнокультурного свойства, едва ли удастся обуздать этнорегиональные страсти. И здесь приоритетным станет то, как данные вопросы будут прописаны в Конституции ЕС, принятие которой пока отложено без какой-либо ясности относительно сроков и формы ее принятия.

Не менее важны и экономические, финансовые, экологические проблемы. Искусственное слияние некоторых сельскохозяйственных регионов объединенной Европы, произвольное накладывание на них матрицы «общеевропейских» интересов, финансирование их по остаточному принципу, невнимание к экологическим проблемам — все это способно вызвать у региональных политиков отторжение теоретически прогрессивной идеи единого европейского пространства, дать новый шанс сепаратистским настроениям.

Среди многочисленных проблем национального масштаба важнейшей остается проблема деволюции. В условиях складывающихся наднациональных структур она призвана укрепить и континентальное, и внутристрановое единство. С учетом исторических особенностей, а также разноплановости федеративных и автономных структур в Бельгии, Великобритании, Испании и Италии трудно выработать устраивающую всех модель. Очевиден только главный принцип: повысить статус регионов и автономий без причинения ущерба целостности государств и единству Европы. Если правительства смогут найти решение, приемлемое для большинства в регионах и в странах, а также согласованное на общеевропейском уровне, то сепаратистское крыло этнорегионалов будет существенно ослаблено, а позиции умеренных политиков окрепнут.

Консенсус как между центральными и региональными органами власти, так и внутри партийно-политической элиты регионов не оставит последней иного шанса для самовыдвижения, кроме пути согласия, пусть и нелегкого и небыстрого, но в конечном итоге работающего на нужды местного населения.

Поиск взаимоприемлемых решений не будет означать полную гармонию интересов. На отдельных этапах возможны и движение вспять, и острые конфликтные ситуации. Однако высокая степень политической ответственности должна брать верх над эмоциями. Только так накопившиеся за десятилетия этнорегиональные проблемы удастся разрешить в наступившем столетии.

Беспокойное соседство

Коллеги, а не пора ли дать возможность председателю колхоза самостоятельно встать на собственные ноги?
Белорусский журнал «Вожык», 1954 г.

“ Многие российские авторы склонны изображать политическую борьбу в нынешней Белоруссии в терминах уходящего в глубь веков противостояния Руси и Польши. Польские авторы версию российских коллег о мощном польском влиянии не слишком опровергают. При этом история играет с двумя великими соседями Белоруссии злую шутку: и те, и другие не берут в расчет, что белорусы довольно сильно изменились ”

Партнерство в обход барьеров
Ольга Вендина, Владимир Колосов

142

Россия в Молдавии: вернуть инициативу
Зураб Тодуа

154

Белоруссия – форпост «старой» Европы?
Юрий Дракохруст

163

Партнерство в обход барьеров

Ольга Вендина, Владимир Колосов

Российско-украинская граница обрела статус межгосударственной пятнадцать лет назад. Однако местное население до сих пор воспринимает ее как ненужный барьер, препятствующий нормальному течению жизни. Трудности с пересечением границы, взятки и коррупция, контрабанда, разрыв хозяйственных связей и ограничения в контактах между соседними районами, столетиями входившими в одно государство, сложности с устройством на работу из-за разницы в гражданстве, усиливающееся расхождение систем образования и его платность, труднодоступность социальных и медицинских услуг, оказываемых «по соседству», но в другом государстве, ощутимые различия в оплате труда и пенсионном обеспечении, а также в стоимости и качестве коммунальных услуг на сопредельных территориях... Вот лишь неполный перечень проблем, с которыми приходится сталкиваться жителям новой приграничной зоны.

Потребность в развитии прямого взаимодействия подталкивает к более тесному сотрудничеству не только население и мелкий бизнес, но и административно-хозяйственные элиты соседних регионов России и Украины. Приграничное сотрудничество можно определить как использование выгод соседства для решения проблем повседневной жизни и перспективного социально-экономического развития каждого из регионов. Оно начинает рассматриваться как одна из форм региональной политики, направленной на социально-экономическое развитие каждой из сторон благодаря координации

О.И. Вендина — к. г. н., ведущий научный сотрудник Центра геополитических исследований Института географии РАН, **В.А. Колосов** — д. г. н., руководитель Центра геополитических исследований Института географии РАН.

усилий и получению совместных выгод.

В начале 2000-х годов наметилась определенная активизация сотрудничества на белгородско-харьковском участке границы. Прошел юридическое оформление первый российско-украинский проект еврорегиона «Слобожанщина». Его устав одобрен Министерством иностранных дел РФ, утвержден Министерством юстиции РФ и согласован с Министерством экономики Украины. Пока этот еврорегион в основном представляет собой институциональную рамку, которую еще предстоит наполнить содержанием. Но он уже используется как имиджевый ресурс, позволяющий ассоциировать предлагаемые бизнес-проекты с европейской моделью приграничного сотрудничества или идеей единства России и Украины.

Тем не менее достигнутые результаты еще весьма скромны, а ныне в отдельных сферах наблюдается и попятное движение. Назрело много проблем, причем значительную часть из них можно решить только на межгосударственном уровне.

Во-первых, приграничное сотрудничество еще не имеет автономного механизма развития и сильно зависит от конъюнктуры отношений между обеими странами, от доброй воли руководителей областных и местных администраций.

Во-вторых, практически отсутствует важнейший стимул развития приграничного сотрудничества — предпринимательский

ЗАГАДОЧНАЯ ПОСУДА

В деревнях УССР в виде опыта разрешена свободная продажа денатурата для согревания, освещения и технических надобностей. В связи с этим кооперация направила в деревню большие партии примусов и спиртовок. Денатурат распродан. Примусы остались.
(Из газет)

— На якого биса вони при денатураке оцю посудину всучають?!
Хиба-ж його прямисенько из бутылки пити не можно?
Журнал «Смехач», 1924 г.

интерес, опирающийся на сеть кооперированного малого и среднего бизнеса.

В-третьих, интенсивность повседневных трансграничных контактов падает.

ВЗГЛЯД С ОБЕИХ СТОРОН ГРАНИЦЫ

Идеи приграничного сотрудничества обсуждаются в рамках трех господствующих национальных дискурсов, под которыми понимаются различные системы взглядов, используемые для обоснования принимаемых решений либо оправдания предпринимаемых действий. Своеобразие каждого из них ярко проявилось в формализованных интервью, которые осенью 2005 года авторы провели более чем с 30 экспертами по обе стороны границы – представителями администраций, пограничной и таможенной служб, деловых кругов, общественных организаций, ведущими сотрудниками научно-исследовательских учреждений и вузов. Исследование проходило в рамках российско-украинско-французского проекта «Динамика трансграничных отношений и политика соседства к востоку от Европейского союза», поддержанного программой *Econet*.

Первый дискурс можно назвать «постсоветским интеграционным». Его сторонники полагают, что применение к российско-украинской границе норм международного права в полном объеме неоправданно. Оно препятствует восстановлению нормальной практики повседневных контактов на территории, которая никогда не была разделена государственной границей. Поэтому приграничное сотрудничество должно стать одним из инструментов консолидации постсоветского пространства и восстановления утраченного единства.

В России такие представления до последнего времени доминировали. Прежде всего они органично вписывались в более широкие представления о ведущей роли России на постсоветском пространстве, что обосновывалось ее экономическим весом, богатством природных ресурсов и центральным положением. В то же время подобный дискурс выражал потребность хотя бы в частичном восстановлении единого социального и хозяйственного пространства приграничных районов и усиливался объективной зависимостью Харьковской области и других восточноукраинских регионов от импорта энергии из России и от российского рынка.

В Украине данный дискурс также распространен, однако он противоречит официальной позиции руководства страны. Любые

попытки постсоветской реинтеграции однозначно связываются с российской гегемонией и противопоставляются европейскому вектору. Русско-украинское двуязычие и сложившийся симбиоз двух культур, характерный для Восточной Украины, рассматривается как признак слабости украинского государства.

Второй дискурс противоположен первому, поэтому назовем его «дезинтеграционным». Его суть состоит в констатации того факта, что еще с советских времен экономики Белгородской и Харьковской областей связаны довольно слабо. Сегодня, в условиях неурегулированности межгосударственных отношений, местным предприятиям, в том числе сельскохозяйственным, проще переориентироваться на «своих» поставщиков и «своих» потребителей, чем искать сомнительных выгод приграничного сотрудничества. Тем более что последние заведомо нивелируются бюрократическими проволочками и психологическими издержками. Следовательно, приграничное сотрудничество носит вынужденный характер.

В России такую точку зрения разделяют многие молодые руководители среднего звена, полагающие, что приграничное сотрудничество — это рудимент прошедшей эпохи, который будет отмирать по мере расхождения экономик обеих стран и ухода поколений, испытывающих ностальгию по СССР.

В Украине данной позиции придерживаются представители националистических и национал-демократических взглядов, согласно которым украинско-российская граница — важный для национальной безопасности Украины рубеж, разделяющий два независимых и различных государства, две этнические и исторические общности, имеющие разные интересы. Российский вектор украинской политики жестко противопоставляется европейскому.

Третий дискурс — «роевропейский». Он предполагает использование концепции евروهана на основе развития равноправных партнерских взаимоотношений, выстраиваемых на всех уровнях общества, включая администрации, бизнес, социальные и культурные институты, неправительственные организации и население. Суть этой концепции — в создании условий для координации развития трансграничной территории, сформировавшейся на основе единых интересов, отражающих тесные кооперационные связи между предприятиями, деятельность общественных организаций, многолетнее сотрудничество между местными властями, общность истории и культуры. Функционирование евروهана возможно только при

условии, что региональные и муниципальные органы власти наделены достаточными полномочиями, то есть в случае децентрализации государственного управления. Еврорегионы призваны активизировать местные инициативы для решения социальных проблем и сглаживания неравномерности территориального развития.

Постсоветский интеграционный сценарий приграничного сотрудничества по-прежнему весьма популярен. Но наиболее реалистичным (хотя и самым труднореализуемым) является третий – европейский вариант, базирующийся не на персонифицированных связях, а на прочной правовой основе, совместных программах и проектах, а также постоянных контактах на всех уровнях. Концепция еврорегиона может стать новой идеологией российско-украинского приграничного сотрудничества. Ее использование полностью отвечает интеграционным устремлениям России и одновременно позволяет примирить обычно противопоставляемые российский и европейский векторы политической ориентации Украины. Концепция органично соответствует курсу Киева на интеграцию в Европу и нормативным европейским подходам к отношениям между двумя равноправными соседними государствами. Наконец, эта концепция открывает возможности подключения к европейским программам приграничного сотрудничества. Расширение Европейского союза на Восток сделало это более реальным. Гипотетически децентрализация и федерализация в рамках «Европы регионов» позволила бы западным областям Украины участвовать в европейской интеграции, а восточным – развивать отношения с Россией.

ЕВРОРЕГИОН – ФОРМА ИЛИ СОДЕРЖАНИЕ?

Идея использования модели еврорегиона для развития приграничного сотрудничества на белгородско-харьковском участке границы возникла еще в середине 1990-х годов. Тогда же было выбрано и название «Слобожанщина».

Как показала украинская исследовательница Татьяна Журженко, слобожанский дискурс оказался по многим причинам чрезвычайно удобным для руководства Харьковской области. Он позволил привлечь для обоснования культурной специфики и единства региона классические труды историков, почитаемых в независимой Украине. При этом концепция культурно-исторического единства Слобожанщины вполне приемлема для ревнителей украинской национальной идеи.

Академик Дмитрий Иванович Багaley (1857–1932) и его последователи доказывали, что с середины XVII века, когда восточные славяне снова стали селиться в северной части «дикого поля», и до конца XIX столетия в населении региона абсолютно преобладали украинцы. На долю русских приходилось не более 10–15 %. Доказывая, что Слобожанщина осваивалась в основном украинскими казаками, Багaley распространил на нее исторический миф о казачестве, лежащий ныне в основе украинской идентичности, а его ортодоксальным последователям позволил рассматривать большую часть жителей Белгородчины как русифицированных собратьев по крови.

Утверждая украинский приоритет, концепция единства Слобожанщины одновременно ассоциируется с многовековыми традициями взаимодействия украинской и русской культур, межнационального общения и терпимости. Не отрицая определенных противоречий между украинцами и русскими, академик Багaley не превращал конфликты между ними в основное содержание истории региона. Скорее, напротив, он рассматривал их добровольные и взаимовыгодные контакты как благоприятный фактор развития Слобожанщины. Его концепция не содержит фальшивого противопоставления «имперской России» и «колониальной Украины» и аргументирует необходимость украинско-российского приграничного сотрудничества.

Само название «Слобожанщина» выглядит в Украине естественным для всего трансграничного региона. Оно одновременно и проукраинское, и не антироссийское. Это понятие не ассоциируется ни с советским прошлым, ни с традиционной советской концепцией единства происходящих от общего корня трех славянских народов, часто рассматриваемой в Украине как обоснование гегемонии России и асимметрии украинско-российских отношений.

Российская сторона в этой ситуации выступает в непривычной роли ведомого. Однако создание еврорегиона Слобожанщина отвечает и российским амбициям, поскольку поддерживает усилия про-российски настроенной части харьковчан, выступающих за превращение Харькова в столицу русской культуры в Украине, выполняющую функции посредника в экономических и политических отношениях между двумя странами – неотъемлемое условие процветания города и связанных с ним приграничных территорий.

Таким образом, «еврорегиональный» дискурс был позитивно воспринят обеими сторонами, но формальное подписание договора о создании еврорегиона стало возможным лишь после того, как рос-

сийская Государственная дума ратифицировала летом 2002 года Европейскую рамочную конвенцию «О приграничном сотрудничестве территориальных союзов и властей». Украина присоединилась к ней еще в 1993-м. В ноябре 2003 года губернаторы обеих областей подписали двустороннее соглашение, запустившее механизм формирования еврорегиона, а в 2004-м «Слобожанщина» вошла в качестве наблюдателя в Европейскую ассоциацию еврорегионов в надежде стать ее полноправным членом. После согласований в правительствах обеих стран документ был одобрен региональными парламентами и в 2005 году вступил в силу.

Безусловно, создание еврорегиона свидетельствует об определенной степени доверия между соседними областями, но это лишь первый, хотя и очень важный шаг. Успех еврорегионального строительства в значительной степени зависит не от политических договоренностей, а от вовлеченности в этот процесс деловых кругов, средств массовой информации, общественных организаций и обычных граждан, от того, насколько новая структура будет отвечать их интересам и с помощью каких каналов эти интересы будут реализовываться. Еврорегионы вдоль границ с более развитыми соседями были созданы во многих странах Центральной и Восточной Европы. Однако цели, заявленные их инициаторами, часто остаются только на бумаге.

Дело в том, что строгого определения и критериев еврорегионов не существует. Их создание в восточной части Европы нередко было результатом решений региональных властей, руководствующихся политическими соображениями, а не логическим следствием расширения приграничного сотрудничества. Немалую роль играют и надежды на получение субсидий от Европейского союза. Территория еврорегионов нередко слишком велика, границы произвольны и гораздо шире зоны реальных трансграничных взаимодействий, которые к тому же недостаточно интенсивны. Сеть экономических и иных партнеров не сформировалась, и они не проявляют должной заинтересованности в совместной деятельности с партнерами по другую сторону границы.

Столь крупные территориальные образования, получающие особый статус, вызывают настороженное отношение центральных властей, которые опасаются, что самостоятельная внешнеэкономическая и внешнеполитическая деятельность еврорегионов ослабит влияние столиц. Ключевая проблема – расхождение между целями стратегического развития национального и регионального уровней.

Если в интегрированной Европе регионализация рассматривается как стимулирование местной инициативы, способствующей демократизации общества, то на постсоветском пространстве она видится угрозой национальной безопасности и национальному единству.

Россия и Украина остаются высокоцентрализованными государствами; в обеих странах гражданское общество, заставляющее власти учитывать интересы местных жителей, развито слабо. Главной движущей силой еврорегионального строительства пока являются только администрации, по долгу службы вынужденные решать приграничные проблемы, некоторые политики, стремящиеся использовать эту тему для саморекламы, а также интеллектуальные элиты, поддерживающие идеи интеграции. Нередко создание еврорегиона рассматривается как маневр, позволяющий территории получить особый экономический статус, недоступный иными средствами. Обе стороны надеются на еврорегион как на средство привлечения инвестиций, предполагая, что сработает принцип «домино» и появление одного источника финансирования привлечет и других инвесторов. Да и у собственных правительств будет легче просить денег под еврорегиональные проекты.

Целостность еврорегионов в значительной степени определяется локальной идентичностью населения, сохраняющего память об историческом единстве территории, нарушенном в результате каких-либо драматических событий. Эта память на Слобожанщине практически стерта и имеет скорее фольклорно-декоративный, нежели реальный, характер (см. табл.). Слобожанская идентичность фактически была замещена «советской». Приведет ли отмирание советской идентичности к возрождению реликтовой слобожанской? В условиях, когда основные экономические и политические процессы в обеих странах ориентированы на центральные власти, вряд ли можно этого ожидать. Скорее усилится ощущение белгородской и харьковской региональных общностей, разделенных государственной границей.

Еще одна проблема – противоречие между европейскими формами приграничного сотрудничества и отсутствием в обоих государствах реальной региональной политики. В отличие от «большой» политики, региональная связана с социальной и экономической сферой и нацелена преимущественно на решение проблем местного населения. В случае трансграничных регионов

необходимо также осознать ценности общих приоритетов и четко сформулировать цели, поскольку ни одна страна не хочет финансировать своего соседа без понимания реальной отдачи. Требуется и кропотливый подсчет преимуществ и потерь при выделении бюджетных средств на приграничное сотрудничество, и оценка возможностей решать с его помощью проблемы «своего» населения.

Самоидентификация жителей Белгородской и Харьковской областей, % от числа опрошенных

Кем вы считаете себя в первую очередь?	Граждане		Всего
	России	Украины	
Гражданином своей страны	38,9	21,3	27,0
Советским человеком	20,4	26,9	24,8
Жителем Слобожанщины	0	3,9	2,6
Жителем своей области	8,6	8,1	8,3
Затрудняюсь ответить	4,3	9,9	8,1
Прочее	1,2	1,8	1,8
Кем вы считаете себя во вторую очередь?			
Гражданином своей страны	20,4	15,6	17,1
Советским человеком	12,3	11,4	11,7
Жителем Слобожанщины	0,6	7,2	5,0
Жителем своей области	21,6	23,4	22,8
Затрудняюсь ответить	16,0	21,6	19,8
Прочее	0	1,5	1,4

Опрос 500 респондентов был проведен в июне 2001 г. См.: Колосов В., Вендина О. Российско-украинская граница: социальные градиенты, идентичность и миграционные потоки (на примере Белгородской и Харьковской областей) / Миграция и пограничный режим: Беларусь, Молдова, Россия и Украина. С.И. Пирожков (ред.). Центр проблем изучения вынужденной миграции в СНГ и Национальный институт проблем международной безопасности. Киев, 2002. Сс. 21–26.

Именно поэтому приоритетами функционирования еврорегионов как института, позволяющего трансграничному сотрудничеству стать опорой регионального саморазвития, стали:

- повышение мобильности населения и создание общего регионального рынка труда;
- координация деятельности в гуманитарной сфере;

- развитие кооперации, облегчение движения капиталов, товаров и потоков людей в рамках общих проектов;

- устойчивое развитие: рациональное природопользование, предотвращение разного рода угроз и последствий чрезвычайных ситуаций, поддержание единой транспортной и энергетической инфраструктуры.

Основные средства при этом направляются на меры, позволяющие мобилизовать инициативу местного населения и бизнеса, а не на прямые инвестиции. Такой подход явно не совпадает с желанием региональных властей получать именно прямые инвестиции и государственные гарантии под крупные бизнес-проекты с участием администраций.

Наблюдается также противоречие между стремлением населения сохранять тесные контакты и слабостью его социальной самоорганизации. Наиболее стабильная составляющая трансграничных связей — родственные отношения людей, культурные обмены, а не экономические контакты. Несмотря на это, трудно ожидать, что инициатива «снизу» сыграет заметную роль в становлении еврорегиона. Ни с белгородской, ни с харьковской стороны не возникло общественных объединений, способных стать проводниками идеи Слобожанщины.

Трансграничная проблематика слабо отражена в средствах массовой информации и в исследованиях, ведущихся университетами обеих областей; широких общественных дискуссий на эту тему не отмечено. Проект продвигается областными и некоторыми районными администрациями, пытающимися инициировать в том числе и создание ассоциаций, общественных организаций, торговых домов.

Без формулирования общих целей и приоритетов развития, специфичных для белгородско-харьковского пограничья, без соотнесения их с целями национальных региональных политик приграничное сотрудничество будет служить лишь частным интересам, а еврорегион станет использоваться для демонстрации в определенные моменты намерений политического сближения с соседней страной либо в качестве ширмы для деятельности крупного бизнеса. Собственно, это уже и происходит: достаточно вспомнить избирательную кампанию Виктора Януковича или широко рекламируемый проект создания международного аэропорта на границе (убедительного маркетингового и технико-экономического обоснования столь крупного проекта представлено общественности пока не было).

Так что же, ждать пока дезинтеграционные процессы возьмут верх над инерцией постсоветских российско-украинских отношений, а идея еврорегиона окажется скомпрометированной?

ПОЛИТИКА МАЛЫХ ДЕЛ

Единственный шанс превратить первый российско-украинский еврорегион в инструмент решения проблем местного населения, а приграничное сотрудничество — в важную сферу отношений двух стран, способствующую их сближению на новой институциональной основе, — целенаправленная повседневная и подчас малозаметная деятельность по созданию инфраструктуры партнерских отношений.

Во-первых, для «малой» белгородско-харьковской интеграции необходимо единое информационное пространство, которое может включать:

- региональную информационно-справочную базу «Слобожанщина», содержащую сведения о всех административных, социальных и культурных учреждениях региона, участниках местного рынка;
- базу данных об условиях бизнеса в соседних регионах России и Украины, отслеживание и информационное сопровождение изменений в законодательстве России, Украины и их соседних областей;
- систему сбора и распространения информации об условиях получения образования, медицинском обслуживании и прочих социальных услугах в соседних регионах;
- банк региональных инициатив и проектов межрегионального сотрудничества;
- создание слобожанских СМИ или хотя бы регулярных телепрограмм, где могли бы освещаться основные региональные события, проблемы, законодательные акты, проводиться публичные дискуссии о перспективах развития еврорегиона.

Во-вторых, необходим межрегиональный внебюджетный фонд поддержки межрегиональных проектов, направленных на сотрудничество территорий, отдельных предприятий и организаций. Выделение средств должно основываться на независимой экспертизе, позволяющей оценивать целесообразность предлагаемых проектов и их социальную роль. Основным приоритет в соответствии с международной практикой должен отдаваться проектам, имеющим:

- экономическую значимость для повседневной жизни людей и способствующим укреплению кооперационных связей, созданию новых рабочих мест, поддержке малого и среднего бизнеса;

- инновационную направленность (создание высокотехнологичных производств, новых услуг, разработка новых технологий);
- гуманитарную направленность (укрепление социальной и правовой защиты населения, развитие образования и в целом человеческого потенциала, гражданского общества, культурного многообразия и контактов);
- экологическую направленность: значимость для обеспечения устойчивого развития региона и безопасности жизни населения (экологический мониторинг, охрана Северского Донца малых рек, экологический туризм, экологические исследования и т. п.).

В-третьих, необходимо систематическое проведение разного рода форумов, закрепляющих и расширяющих партнерские отношения в разных сферах жизни, включая и деятельность законодательных органов власти в обеих областях, обеспечивающих продвижение идей и лоббирование интересов приграничных регионов на государственном уровне в своих странах.

Таким образом, если российско-украинскому пограничью суждено стать ареной сотрудничества, то произойдет это благодаря кропотливой повседневной работе людей, которые рассматривают Украину не как чужое государство или естественное продолжение России, а как ее естественного партнера. Пока осознание общих интересов, позволяющее жить вместе, не объединяясь, дается с трудом.

Россия в Молдавии: вернуть инициативу

Зураб Тодуа

Когда на парламентских выборах 2001 года Партия коммунистов Республики Молдова (ПКРМ) одержала сенсационную победу, завоевав 71 место из 101, кризиса в российско-молдавских отношениях ничто не предвещало.

И действительно, связи между Москвой и Кишинёвом становились всё более прочными. С 2001 по 2003-й президенты Владимир Путин и Владимир Воронин встречались 24 (!) раза. Обсуждали экономические и политические проблемы: состояние торгово-экономических отношений между двумя странами, перспективы российского бизнеса в Молдавии, цены на газ и, конечно, приднестровскую проблему. В обеих столицах строили радужные прогнозы на будущее.

КОММУНИЗМ ПО-МОЛДАВСКИ

Однако стремительное сближение России и Молдавии многим оказалось не по нраву, в том числе и за пределами республики. Крайнюю настороженность в отношении Воронина и компартии стал проявлять Запад. Все программы финансовой поддержки Республики Молдова по линии различных международных организаций были приостановлены на неопределенный срок.

В феврале – марте 2002 года правящая партия подверглась мощной атаке со стороны оппозиции. На центральной площади в Кишинёве вырос палаточный лагерь, митинги шли непрерывной чередой. Можно сказать, что первая репетиция «цветной» революции на территории Содружества Независимых Государств (СНГ) состоялась именно в Молдавии. Временами лидерам протестных акций удава-

---

З.Д. Тодуа – научный сотрудник Института религии и политики.

лось накалить толпу до такого состояния, что та пару раз прорывалась в здание парламента. Однако в последний момент ее останавливали руководители оппозиции, осознававшие, что, если митингующие первыми начнут «военные действия», власти получат законное право на ответ.

Между тем президент и его окружение отдали МВД строжайший приказ: ни в коем случае не применять силу, не допускать ни одного разбитого носа или синяка, не говоря уже о большем. Полицейские выходили в оцепление, не имея ни оружия, ни дубинок. Когда толпа начинала бесноваться, они просто отходили в сторону, предоставляя ей свободу действий.

В марте революционный накал стал стихать. Однажды рано утром лагерь оппозиции был разбужен сердитым голосом молдавского президента, который ходил между палаток и приговаривал: «Эй, хватит спать, пора на работу. Давайте дружно: “Жос коммунистий!”», “Жос Воронин!”» («Долой коммунистов!», «Долой Воронина!»). Странники оппозиции со сна не сразу понимали, что перед ними глава государства, который заглянул посмотреть, в каких условиях обитают митингующие. А днем их кормили супом из президентской столовой...

Молдавские коммунисты не просто отбили атаку и удержались у власти, избежав насилия. Они укрепили свой авторитет внутри страны, а всему миру продемонстрировали, что не намереваются ни возвращаться в прошлое, ни, главное, сворачивать с пути демократии. Кстати, Молдавия — единственная страна в СНГ, в которой в результате демократических выборов сменилось три президента. У вла-

БРАК ПО ЛЮБВИ

Пуанкаре добился в палате признания присоединения Бессарабии к Румынии вопреки воле населения Бессарабии...

— Повенчайте нас, святой отец! Мы так любим друг друга!
Журнал «Смехач», 1924 г.

сти побывали все основные политические силы: национал-демократы, аграрии, коммунисты (соответственно Мирча Снегур, Пётр Лучинский, Владимир Воронин). В этом отношении Республика Молдова, пожалуй, самая демократичная из стран Содружества.

Несмотря на призывы ортодоксального крыла ПКРМ, власти Молдавии не стали отказываться от частной собственности и проводить национализацию. Они приступили к наведению элементарного порядка и пресечению казнокрадства.

К этому времени экономика республики находилась в состоянии разрухи. За 10 лет ВВП упал на 68 % (для сравнения: после окончания Второй мировой войны этот показатель составлял 40 %). Помпезно разрекламированная программа «Пэмынт» («Земля») по реформированию аграрного сектора негативно сказалась на сельском хозяйстве республики. Землю отдали крестьянам, но она пустовала, поскольку частники были не в состоянии ее обрабатывать. Задолженности по зарплатам, пенсиям и пособиям стали хроническими. В 2001-м выдавали зарплату и пенсии за 1995–1997 годы. Люди привыкли жить без света, тепла, газа. Из процветающей союзной республики, которую в свое время представляли как «витрину социализма», Молдавия превратилась в одно из самых отсталых государств Европы.

С 2001-го положение стало меняться. Ежегодный рост ВВП составил 6–7 %. Постепенно удалось реанимировать базовые отрасли сельского хозяйства: виноградарство, овощеводство, животноводство. Стабилизировалась финансовая система. При коммунистах – впервые за всю историю независимости – доходная часть бюджета начала формироваться без расчета на внешнее кредитование. В прошлом остались веерные отключения электричества, была решена проблема обеспечения населения газом. Люди стали вовремя получать зарплату и пенсии. Властям удавалось не только решать неотложные социально-экономические задачи, но и находить средства для обновления старых и строительства новых памятников воинам, павшим в годы Великой Отечественной войны, – то, что не происходит ни в одной из бывших республик СССР, кроме России.

ГОД НЕСБЫВШИХСЯ НАДЕЖД

Но проблема урегулирования приднестровского конфликта решена не была. В 2003 году Путин и Воронин договорились покончить с

противостоянием на базе компромисса с обеих сторон. Составить такой документ поручили активному члену российской президентской команды Дмитрию Козаку.

Казалось, успех был близок, как никогда. Кишинёв выражал готовность к уступкам. Под давлением Москвы Тирасполю также пришлось занять реалистичную позицию. Козак без усталости курсировал по маршруту Москва — Кишинёв — Тирасполь, провел сотни часов в переговорах. Наконец вышли на финишную прямую. Документ был готов на 90 %. Оставалось согласовать и утрясти всего несколько пунктов.

В Бендерах спешно готовились к церемонии подписания: красили стены здания городской администрации, завозили новую мебель и нарядные ковровые дорожки. 24 ноября в аэропорт уже прибыл так называемый передовой самолет российской делегации, ждали президента РФ.

Вечером того же дня Воронин, просматривая окончательный вариант меморандума, к своему удивлению обнаружил, что обещанные изменения в нем отсутствуют. В частности, в первоначальном виде сохранился пункт о российской военной базе, полномочия Приднестровья в составе предполагаемой федерации были слишком обширны и давали возможность выйти из нее в любой момент на основании самого ничтожного повода.

Дмитрий Козак попытался успокоить Владимира Воронина: мол, в этом нет ничего страшного. Но факт оставался фактом: Молдавию подвели к подписанию документа, в котором содержались неприемлемые условия. Последовал телефонный разговор Воронина с Путиным, визит был отменен, Козак уехал.

Согласно российской версии событий, провал был обусловлен тем, что в последний момент в дело вмешались американцы и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Они не желали отдавать России пальму первенства в урегулировании конфликта, надавили на Кишинёв и вынудили Воронина отказаться от подписания документа.

Как бы то ни было, роковую роль сыграла именно спешка. Меморандум стал жертвой попытки сторон решить сложную приднестровскую проблему кавалерийским наскоком. Слишком много важного оставлялось на потом, отдельные вопросы согласовывались не до конца, многое принималось условно. Когда таких «условностей» накопилась критическая масса, все развалилось.

В результате краха соглашения Кишинёв и Тирасполь упустили шанс примириться. Кремль потерпел серьезное внешнеполитическое поражение. Если бы план урегулирования на основе меморандума был принят и подписан, это стало бы важным прецедентом урегулирования сложного конфликта с помощью России. Появился бы реальный механизм примирения враждующих сторон, применимый при разрешении других конфликтов — в Абхазии, Южной Осетии и Нагорном Карабахе. И все это под эгидой Москвы.

Успех в Приднестровье означал бы, что Россия справилась с задачей, непосильной для миротворцев из ОБСЕ и Совета Европы. В стороне оказались бы дипломаты из США. А у СНГ могло бы открыться второе дыхание. Но все получилось иначе.

МИР ИЛИ ВОЙНА?

После ноября 2003 года политика России радикально изменилась. В течение всего 2004-го сворачивались экономические связи с Молдавией, в 2005-м последовал запрет на ввоз в Россию плодово-овощной продукции. В следующем году был прекращен импорт молдавских вин и коньяков. Это стало тяжелым ударом по экономике Молдавии, поскольку экспорт вина составляет весьма важную часть дохода республики.

Не ограничившись экономическими санкциями, Россия принялась поддерживать оппозицию. В Москву зачастили ее представители, которые обещали Кремлю полную лояльность и уступки по всем вопросам. Это обстоятельство привлекло отдельных российских политиков и силовиков, тесно связанных с правящей в Приднестровье группировкой. Причем настолько, что они упустили из виду несколько принципиальных моментов.

Во-первых, лидеры оппозиции Серафим Урекян, Дмитрий Брагиш, Николае Андроник и другие были известны в республике как националисты, склонные к антироссийским заявлениям и действиям. Их внезапная «пророссийская ориентация» повергла в недоумение представителей местного русского и русскоязычного населения.

Во-вторых, за многими из них еще с 1990-х годов тянется шлейф различных дел с криминальной подоплекой, что делает их весьма уязвимыми. И, наконец, в-третьих, было ясно, что у оппозиции мизерные шансы в борьбе за власть. Средства, потраченные на их поддержку, по существу, оказались выброшены на ветер.

Все это подтвердили очередные парламентские выборы в феврале 2005-го. Несмотря на внушительную поддержку России, оппозиционный блок «Демократическая Молдова» (Урекян, Брагиш, Дмитрий Дьяков, Олег Серебрян, Вячеслав Унтилэ) не смог составить серьезную конкуренцию компартии. ПКРМ вновь получила большинство в парламенте, который во второй раз избрал президентом Владимира Воронина.

Ухудшение отношений между Москвой и Кишинёвом не принесло пользы ни той, ни другой стороне. Финансовые потери Молдавии вследствие экономических санкций составили в 2006 году около 200 млн долларов. Пострадали владельцы молдавских винных заводов — в основном российские (!) компании, а также отечественные потребители, поскольку из магазинов, наряду с подделками, исчезло и качественное вино по цене 200–300 рублей. Авторитет России среди населения Молдавии снизился, в том числе и из-за поддержки Москвой националистической оппозиции. В выигрыше оказалось только руководство непризнанной Приднестровской Молдавской Республики (ПМР).

ПРИДНЕСТРОВСКИЙ УЗЕЛ

Группировка во главе с Игорем Смирновым управляет Приднестровьем уже 15 лет (10 декабря 2006 года Смирнов был переизбран на четвёртый срок). На протяжении всего этого времени руководство Приднестровской Молдавской Республики отвергает все предложения посредников, в первую очередь России, по урегулированию конфликта. Как только в переговорном процессе намечались реальные подвижки (например, при таких спецпредставителях РФ по урегулированию, как Евгений Примаков или Дмитрий Козак), Тирасполь развивал бурную деятельность, дабы не допустить достижения компромисса. Его цель — добиться официального признания независимости Приднестровья.

В последнее время, в преддверии возможного появления «косовского прецедента», в Государственной думе РФ и российском политологическом сообществе активно обсуждается идея признания самопровозглашенных государств — ПМР, Абхазии, Южной Осетии, реже упоминается Нагорный Карабах. Подобный шаг со стороны России вызвал бы ликование в Тирасполе, Сухуми, Цхинвали и Степанакерте. Но что он даст Москве? Кто тщательно и спокойно просчитал все последствия такого признания? Похоже, Россию пытаются втянуть в опасную авантюру, способную если не положить

конец ее экономическому и политическому возрождению, то, как минимум, значительно его осложнить.

Четыре вышеупомянутых непризнанных государства — это четыре маленьких Сербии образца 1914 года. Образования, которые своей воинственностью, неуступчивостью и мышлением в духе XIX века способны вновь разжечь огонь вооруженного конфликта, в который неизбежно будет вовлечена и Россия.

Москва держит в зоне конфликтов своих миротворцев, ведет многолетние дипломатические баталии. Благодаря ее усилиям конфликтующие стороны воздерживаются от возобновления военных действий, но при этом Россия подвергается обвинениям и нападкам со всех сторон.

Неуступчивость Тирасполя ставит Москву в тяжелое, заведомо проигрышное положение. Российской точке зрения на приднестровское урегулирование сегодня противостоит консолидированная позиция Молдавии, Украины, США, ОБСЕ и Европейского союза. Она включает в себя поддержку «плана Ющенко» (скорейший вывод из зоны конфликта российских миротворцев и демилитаризация региона, а также предоставление Приднестровью статуса автономии, но в составе Молдавии. — **Ред.**), требование изменить формат миротворческой операции и состав миротворческих сил на Днестре, а также намерение содействовать «демократизации» ПМР.

Позиция же Москвы, которую можно назвать «обороной на Днестре», не позволяет рассчитывать на успех, поскольку политические ресурсы для сохранения статус-кво ограничены. И не только потому, что в 1999-м в Стамбуле Россия взяла на себя обязательства по выводу своего воинского контингента из Приднестровья. За сохранение существующего положения выступают только Тирасполь и в определенной мере Москва. Все другие заинтересованные стороны — Молдавия, Украина, Соединенные Штаты, Европейский союз, ОБСЕ — этого не хотят. В 2007 году страна обрела общие границы с ЕС, а Румыния, став членом Евросоюза, будет постоянно ставить приднестровский вопрос перед европейскими партнерами. Так что усилия Запада по решению этой проблемы, расшатыванию режима Смирнова и ослаблению положения России в регионе будут только нарастать.

ПЕРСПЕКТИВА ДЛЯ РОССИИ

В отношениях с Молдавией, равно как и в деле приднестровского урегулирования, Москве необходимы новые стратегия и тактика, разрабо-

танные на основе тщательного анализа реальной обстановки. В первую очередь надо исходить из того, что до 2009-го президентом Молдавии останется Владимир Воронин. У молдавской оппозиции нет шансов прийти к власти в этот период. Молдавские коммунисты сохранят лидерство даже в том случае, если в результате российских санкций социально-экономическое положение Республики Молдова ухудшится.

Антимолдавские меры вредят в первую очередь России. Они ведут к полной утрате политического влияния в регионе и экономическим потерям, особенно если учитывать серьезные вложения российского бизнеса в винно-коньячную и табачную отрасли Молдавии, а также планы энергетической экспансии России на Балканы.

Курс, который выражался в поддержке внутримолдавской оппозиции и режима Игоря Смирнова, приносит плоды прежде всего Западу и Украине. Он создал условия, которые позволили оппонентам России полностью перехватить инициативу в деле урегулирования приднестровской проблемы. В 2004–2006 годах они изменили формат переговоров, начали мониторинг украинско-приднестровской границы, настояли на проведении проверки предприятий ВПК Приднестровской Молдавской Республики, ведут активную пиар-кампанию в СМИ, которая в невыгодном свете представляет действия Москвы исключительно как «поддержку режима Смирнова в угоду корыстным интересам отдельных групп в руководстве России». На фоне подобных динамичных действий стратегия России действительно выглядит как откровенная поддержка режима Смирнова с неясными целями и перспективами.

Москве следует предпринять шаги, которые позволили бы ей вновь стать главным фактором приднестровского урегулирования:

- подготовить новый план урегулирования;
- предложить несколько вариантов решения военного блока вопросов (положение и перспективы Объединенной группировки российских войск, склада оружия вблизи города Рыбницы). В качестве возможного образца можно использовать статус Габалинской РЛС в Азербайджане;
- присоединиться к мониторингу границы, к миссии по оценке уровня демократии в ПМР и другим мероприятиям, которые проводят в Приднестровье западные державы;
- назначить нового активного и инициативного специального представителя России по урегулированию конфликта с широкими полномочиями;

- отменить экономические санкции и восстановить торгово-экономические отношения (к слову, у Кишинёва фактически нет задолженностей перед Россией за поставки энергоносителей).

Решившись на пересмотр своей политики, Москва могла бы вернуть себе ведущую роль в деле урегулирования приднестровского конфликта, положение главного посредника на переговорах и, возможно, снова подготовить документ по урегулированию. В этом случае Западу, вероятнее всего, пришлось бы переориентироваться на оппозицию, у которой сегодня слишком мало влияния, чтобы представлять какую-либо опасность для властей республики.

Восстановление нормальных, взаимовыгодных отношений с Молдавией позволит России сохранить политическое, экономическое и на определенный срок военное присутствие в регионе.

Похоже, что это осознали и в Москве, и в Кишинёве. Во всяком случае, в конце 2006 года был сделан серьезный шаг на пути нормализации отношений. По итогам встречи между Владимиром Путиным и Владимиром Ворониным, состоявшейся во время Минского саммита СНГ, было объявлено, что Москва снимет запреты на ввоз в Россию молдавского вина. Возобновился интенсивный диалог, в ходе которого представители России и Молдавии пытаются найти решение по всем принципиальным вопросам двусторонних отношений. Видимо, в скором времени активизируется и переговорный процесс по Приднестровью.

Таким образом, есть основания для осторожного оптимизма и надежд, что на этот раз ничто не помешает России и Молдавии договориться и восстановить отношения в полном объеме.

Белоруссия — форпост «старой» Европы?

Юрий Дракохруст

Какое место займет Белоруссия в Европейском союзе? Окажется ли она среди стран, которые бывший министр обороны США Доналд Рамсфелд окрестил «новой Европой», или станет восточным оплотом таких государств, как Германия и Франция? Сама постановка вопроса выглядит на первый взгляд беспочвенной фантазией: страна, которую по обе стороны Атлантики именуют «последней диктатурой Европы», имеет едва ли не наименьшие шансы на то, чтобы в обозримом будущем очутиться в составе Евросоюза.

Относительно вероятности и невероятности тех или иных политических сценариев можно сказать только одно: мир сегодня меняется с такой скоростью, что не стоит зарекаться ни от какого варианта. «Крутой вираж», случившийся в отношениях между союзными Москвой и Минском на рубеже 2006–2007 годов, а также своеобразные реверансы Александра Лукашенко в сторону Запада в очередной раз подтверждают простую истину: никогда не говори никогда...

А вот базовые установки населения и правящей элиты, их самовосприятие и стремление ориентироваться на определенных внешних партнеров не меняются слишком быстро на противоположные. К тому же эти установки определяют многое в политике государства, еще только стремящегося стать членом межгосударственного объединения или даже вовсе к этому не стремящегося.

«ПОД КЕМ МЫ БУДЕМ?»

Многие российские авторы склонны изображать политическую борьбу в нынешней Белоруссии в терминах уходящего вглубь веков противостояния Руси и Польши. Описанию «польской интриги»,

---

Ю.А. Дракохруст — белорусский журналист.

мечтаний Варшавы о восстановлении Речи Посполитой посвящены многие глубокомысленные штудии. При этом их авторы демонстрируют неплохое знание истории: действительно, еще в XIX – начале XX века польское культурное и идеологическое влияние соперничало в Белоруссии с русским почти на равных.

В пьесе классика белорусской литературы Янки Купалы «Тутэйшыя» (местные, здешние) рефреном повторяется появление Западного и Восточного ученых. В одной из сцен Восточный ученый, одетый в поддевку и косоворотку, записывает в блокноте, что «природа в Русском Северо-Западном крае велика и обильна, что же касается политических границ области, то они в представлении здешних общерусских людей очень туманны, но все же примечается стремление расширить их на Запад».

Облаченный в конфедератку и кунтуш Западный ученый одновременно с коллегой пишет, что «природа на Польских Крэсах Усходних («восточные окраины» Речи Посполитой. – **Ред.**) очень разнообразна и богата, что касается политических границ края, то представления местного общепольского населения не очень ясны, однако наблюдается стремление расширить их на Восток».

Понятен сарказм драматурга, но даже сама симметрия в представлении персонажей показывает, что по силе влияния, по крайней мере культурного, они примерно равны.

Стоит заметить, что и нынешние польские авторы версию их российских коллег о мощном польском влиянии на Белоруссию не слишком опровергают. О Речи Посполитой от моря до моря на самом деле никто и не помышляет, но роль Польши как проводника в Европу, наставника демократии и своеобразного европейского «старшего брата» белорусов кажется желательной и даже необходимой.

При этом история играет с двумя великими соседями Белоруссии злую шутку: и те, и другие не берут в расчет, что со времен купаловских «Тутэйшых» (пьеса написана в 1922 году. – **Ред.**) белорусы довольно сильно изменились.

Для понимания особенностей современной белорусской массовой психологии уместно привести отрывок из статьи Алеся Чобата «Детская путаница», повествующей о беседе белорусского националиста с крестьянами вскоре после обретения независимости в 1991-м:

– Алексей, – спросил один, самый умный. – Так под кем мы будем?

– Как это – под кем? – удивился художник. – Сами будем. Независимые.

– Ай, не говори ерунду, – разозлился собеседник. – Что независимые – это понятно. И что сами – ясно. Кормить же никто не будет... Но под кем?

– А как вы думаете? – засмеялся художник. Ему понравилась наивная искренность простых людей. Он подумал, что они так шутят, по-деревенски и по-белорусски.

– А мы поэтому и пришли, – отвечали сельчане. – Одни у нас говорят, что под поляками, другие – что под немцами...

– А вам как лучше, – все шутил художник с народом по-народному, – под немцами или под поляками?

– А нам все равно, – отвечали люди, – как скажут, так и будет... Но выходит, что всё же под немцами.

– Почему под немцами?! – у художника пропало все юмористическое настроение.

– Ну как же? Сколько тех поляков? А немец – ого! Сила! (*Алесь Чобат*. Тлум дзяцей. // *Наша ніва*. 2001. № 35 (244) <http://nn.by/2001/35/10.htm>).

ПОЛЬСКИЙ СЛЕД

Разумеется, наблюдения литератора – не самый сильный аргумент. Однако и обращение к такому объективному источнику, как перепись населения 1999 года, показывает, что мощное польское влияние на Белоруссию, по меньшей мере, проблематично.

Т а б л и ц а 1

Национальный состав Белоруссии и язык бытового общения, 1999 г.

	Численность, тыс. чел.	Из общей численности указали язык, на котором обычно разговаривают дома, %		
		белорусский	русский	другие
Все население	10 045	36,7	62,8	0,5
Белорусы	8 159,1	41,3	58,6	0,1
Русские	1 141,7	4,3	95,7	-
Поляки	395,7	57,6	37,7	4,7
Украинцы	237	10,2	83,6	6,2
Евреи	27,8	3,8	95,7	0,5

Источник: *Л. Шахотко, Д. Куделко*. Этноязыковой состав населения Белоруссии // Вопросы статистики. 2002. № 11 (http://www.polit.ru/research/2004/10/15/population_print.html)

Почему больше половины белорусов говорят дома по-русски — это отдельная и большая тема. Нас интересует другой поразительный показатель в таблице 1 — среди белорусских поляков доля говорящих дома по-белорусски выше, чем среди этнических белорусов. При этом этнические русские говорят дома по-русски почти все поголовно. Если этническое меньшинство оказывается ассимилированным местным контекстом в известном смысле даже больше, чем коренной этнос, едва ли есть основания говорить об особенно сильном влиянии культуры этого меньшинства.

В период президентской кампании в Белоруссии в 2006-м многие российские издания упорно сообщали своим читателям, что основной кандидат оппозиции Александр Милинкевич — католик. Опровержение этого ошибочного утверждения (Милинкевич — прихожанин Русской православной церкви) на газетные полосы так и не попало — отчасти в силу специфической позиции, занятой в ходе кампании многими российскими СМИ, а отчасти и по причине той же установки: все прозападное, националистическое в Белоруссии идет от Польши и католицизма.

Так, возможно, это видится из Москвы, но в самой Белоруссии дело обстоит иначе. Даже взаимоотношения белорусского католицизма и «польскости» куда сложнее, чем это представляется стороннему наблюдателю. Можно напомнить, например, что требование нынешней белорусской власти сократить число католических священников — уроженцев Польши впервые прозвучало еще в начале 1990-х годов со стороны национально-демократической оппозиции.

Стоит процитировать также весьма показательный фрагмент статьи с ироничным названием «Панская Польша и беспанская Белоруссия» Петра Рудковского — известного белорусского публициста, монаха ордена доминиканцев, выпускника Ягеллонского университета: «Нужно признать, что консенсус среди гродненского духовенства в отношении миссии в защиту польскости весьма прочен, а любые попытки ввести белорусский язык в костелы сталкиваются с энергичным вето бескомпромиссных борцов за *status quo*». Полемизируя с профессором Люблинского католического университета ксендзом Романом Дзваньковским, Рудковский пишет: «Разве Дзваньковский не знает об атмосфере презрения и дискриминации всего белорусского, которая царит среди гродненского духовенства? Или уважаемый профессор никогда не слышал, как польские ксендзы с наслаждением цитируют искреннее признание одной бабки: “По-белорусски

можно говорить в хлеву, в свиномоду, но в костеле — никогда»)? (Петра Рудковскі. Панская Польшча і бяспанская Беларусь. *ARCHE*. 2005. № 1(35) <http://arche.bymedia.net/2005-1/rudkouski105.htm>).

По оценке Рудковского, «больше всего оппонентов Лукашенко как раз среди пробелорусского католического движения. В то же время просторечные католики-тутэйшыя, которые определяют себя как поляков, в большинстве своем очень привязаны к “колхозности”... “Колхозность” — отличное убежище для неспособных присоединиться к более широким культурам — польской, белорусской или русской. Среди них преобладают люди старые и малообразованные, которые и создают среду “польскости” в Гродненской области. Лукашенко для них — гарант старого порядка, к которому они привыкли и с которым сжились, а для самого Лукашенко просторечные поляки — это довольно надежный электорат».

Смысл статьи Петра Рудковского не сводится к этим резким высказываниям, но и их достаточно, чтобы понять, что в Белоруссии национализм, католицизм, Польша и Европа — понятия, по меньшей мере, отнюдь не тождественные. Более того, именно католическая белорусская интеллигенция нередко особенно болезненно относится к попыткам расширить польское влияние в Белоруссии. Понятно, что проблемы языка в белорусском костеле беспокоят католика Рудковского больше, чем его православных единомышленников.

Тут уместно привести общие данные о конфессиональной структуре Белоруссии. Большинство населения — это православные, принадлежащие белорусскому экзархату Русской православной церкви (по различным оценкам, их от 73 % до 80 %). На втором месте — римско-католики (13–15 %), протестанты — около 2 %, при этом более половины из них относятся к христианам веры евангельской. По данным Комитета по делам религий и национальностей при Совете министров РБ, на 2002 год в стране насчитывалось 1 224 православных прихода, 432 римско-католических, 35 старообрядческих, 491 община христиан веры евангельской, 270 — христиан-баптистов, 61 — полного евангелия, 51 — адвентистов седьмого дня, 25 — иудейских, 11 общин прогрессивного иудаизма, 26 — свидетелей Иеговы, 27 — мусульманских, 20 — новоапостольских, 14 — греко-католических, а также 13 общин восточных религий.

Половина римско-католических общин находится в Гродненской области с самой высокой в Белоруссии долей польского населения (около 25 %). Однако простые арифметические подсчеты по-

казывают, что белорусские католики — не только и даже не столько этнические поляки (последние составляют около 4 % населения страны, а католики — 13–15 %).

Но если «роевропейскость» в Белоруссии не равна «пропольскости», то чему же она равна? В некоторой степени ответ на этот вопрос дает таблица 2, в которой представлены результаты опроса, проведенного исследовательским центром Независимый институт социально-экономических и политических исследований в мае 2006 года.

Т а б л и ц а 2

Распределение ответов на вопрос «Вы одобряете или не одобряете политический курс следующих государств?», %

Государства	Одобряю	Не одобряю	Индекс *
Россия	74,8	15,9	+0,589
Германия	70,8	16,4	+0,544
Беларусь	72,0	22,3	+0,497
Швеция	67,3	17,9	+0,494
Франция	64,4	20,6	+0,438
Чехия	61,9	21,9	+0,400
Великобритания	56,5	29,9	+0,266
Словакия	53,8	28,0	+0,258
Китай	53,2	30,3	+0,229
Казахстан	46,6	36,5	+0,101
Польша	46,0	39,1	+0,069
Эстония	39,6	43,5	-0,039
Израиль	37,5	45,9	-0,089
Куба	36,0	45,1	-0,091
Литва	35,0	48,9	-0,139
Северная Корея	31,6	48,9	-0,173
Латвия	33,3	51,2	-0,179
Молдова	31,3	50,2	-0,189
Туркменистан	30,2	49,6	-0,194
Украина	26,9	59,2	-0,323
США	25,2	61,7	-0,365
Грузия	22,8	61,2	-0,384
Иран	20,4	61,6	-0,412
Ирак	16,8	65,4	-0,486

* Индекс исчисляется как разность процентов ответов «одобряю» и «не одобряю», деленная на 100.

ОРИЕНТАЦИЯ НА ГЕРМАНИЮ

Конечно, в немалой степени данные таблицы 2 – результат массовой государственной пропаганды, дьяволизации отдельных стран, особенно нелюбимых белорусской властью. Но сводить все к манипуляции сознанием вряд ли стоит; по крайней мере, формирование более высокой оценки Германии по сравнению с самой Беларуссией в задачи госпропаганды заведомо не входит.

Высокие оценки Германии подтверждаются и иными данными многочисленных опросов – эта страна в наибольшей степени представляется респондентам образцом для Беларуссии, а немецкие лидеры (Гельмут Коль, Герхард Шрёдер, Ангела Меркель), так сказать, по должности оказывались популярнее лидеров стран Восточной Европы и США. По такому критерию, как дружественность политики зарубежных стран в отношении Беларуссии, Германия оказывается в первой пятерке – вместе с Россией, Украиной, Казахстаном и Китаем.

Столь сильная германофилия тем более удивительна, что Беларуссия потеряла во Второй мировой войне каждого четвертого (по некоторым данным, каждого третьего) жителя, и до сих пор Великая Отечественная война – важнейший элемент государственной идеологии.

Косвенные геополитические предпочтения белорусов подтверждаются и ответами на «лобовой» вопрос (май 2006 года).

Т а б л и ц а 3.

Распределение ответов на вопрос «Если бы Беларусь стала членом Евросоюза, на какие группы стран ей следовало бы ориентироваться?»

Вариант ответа	%
На «старых» континентальных членов ЕС – Германию, Францию, Испанию и др.	41,4
На новых членов ЕС – Польшу, Литву, Чехию, Венгрию, Словакию и др.	12,9
На Великобританию	5,1
Затрудняюсь ответить/нет ответа	40,6

В таблице 3 любопытны несколько моментов. В последние годы примерно треть белорусов в опросах высказывалась за присоединение их страны к Европейскому союзу. Однако скрытых проевропейцев оказывается несколько больше: поиграть в игру «Если бы мы

вошли в ЕС» соглашаются более половины опрошенных. Ну а результат этой игры весьма убедителен: «старой Европе» отдал предпочтение почти каждый второй респондент.

В заключение приведу данные о так называемых индексах социальной дистанции – представителей каких этносов респонденты готовы были бы видеть зятями и невестками, коллегами по работе, соседями или только жителями Белоруссии. Самым близким белорусским гражданам этносом оказываются русские, затем – украинцы, незначительно от них отстают поляки. После них идут западноевропейцы (англичане, французы, немцы и др.), потом – жители Центральной Европы (чехи, словаки, венгры, сербы и др.), следом – литовцы, евреи, латыши, и только после них – американцы, ну а далее – уроженцы стран Центральной Азии, арабы, кавказцы и пр.

С одной стороны, социально, этнически поляки, по сути, делят с украинцами второе-третье места в рейтинге симпатий. В этом белорусы, по-видимому, сильно отличаются от россиян, для которых поляки – не свои.

С другой стороны, всех остальных опережают именно народы Западной Европы, и дело вряд ли только в их достатке – американцы, как минимум, не беднее их, но социальная дистанция с ними значительно больше.

Подводя итоги, следует сказать, что поляки остаются одним из самых близких белорусам народов. Но мощное идеологическое и культурное влияние Польши осталось в прошлом. Польша ныне – не слишком притягательный образец даже для прозападно настроенных белорусов, которые в большей степени ориентированы на страны «старой Европы», в первую очередь Германию. При этом наблюдается очевидное политическое дистанцирование от Соединенных Штатов Америки, которые, впрочем, являются и главным объектом атак со стороны официальной пропаганды.

Смена политической ситуации в стране и соответственно идеологических ориентиров может скорректировать эти геополитические предпочтения, но вряд ли изменит их кардинальным образом.

На основании имеющихся данных можно выдвинуть осторожную гипотезу: если установки кардинально не изменятся и Белоруссия станет в перспективе членом Европейского союза, то ее место в объединенной Европе будет существенно отличаться от того, какое занимают «новобранцы» 2004 года: Белоруссия превратится в ново-старую Европу, форпост «старой Европы» на востоке нашего континента.

Продолжение темы

“ После недавней победы на президентских выборах Уго Чавес взял курс на форсирование социалистической революции. Неважно, что в его окружении нет ни одного человека, который был бы в состоянии четко объяснить, какова же природа этого социализма. А сам Чавес, имеющий чисто казарменное образование и воспитание, также не обладает даже примерным представлением о том, что обещает нации ”

«Большая восьмерка» после Санкт-Петербурга *Джон Кёртон*
172

Россия на подъеме *Валентин Кудров*
184

Каудильо Чавес и новая утопия *Америко Мартин*
195

«Большая восьмерка» после Санкт-Петербурга

Джон Кёртон

15–17 июля 2006 года в Санкт-Петербурге прошла 31-я встреча стран «Большой восьмерки» на высшем уровне. Россия принимала форум впервые после вступления в этот «клуб» в 1998-м. В качестве приоритетов были избраны энергетическая безопасность, инфекционные заболевания и образование. Россия пригласила специальных гостей – глав Бразилии, Индии, Китая, Мексики и Южно-Африканской Республики, то есть стран, которые приобрели большой вес в современном мире. Чтобы деятельность в рамках российского председательства была открыта для общественности, Россия запустила беспрецедентный механизм «Гражданская восьмерка-2006». С его помощью лидеры международного гражданского общества оказались более, чем когда-либо, вовлечены в происходящее на саммите.

В 2007 году обязанности принимающей страны перешли к Германии. Самое время оценить вклад России в проведение встреч на высшем уровне.

Критики, включая бывшего президента Всемирного банка Джеймса Вулфенсона, управляющего Европейским центральным банком Жана-Клода Трише и главу Банка Англии Мервина Кинга, явно и неявно возлагают на «Большую восьмерку», ее Санкт-Петербургский саммит и форум министров финансов семи развитых стран ответственность за серьезные проблемы в экономике. К последним они относят неспособность решить проблему растущего

Джон Кёртон – директор Исследовательской группы «Большой восьмерки» при Торонтском университете. В 2006 году консультировал российское руководство при подготовке к встрече на высшем уровне в Санкт-Петербурге и был членом Международного консультативного совета «Группы восьми».

мирового дисбаланса, одновременное снижение центральными банками ключевых государств учетных ставок и разрастание спекулятивной торговли. Кроме того, критики считают формат «восьмерки» устаревшим, поскольку он не включает в себя Индию и Китай, которые стремительно наращивают экономическую мощь. Предлагается даже распустить форум министров финансов семи развитых стран и заменить его неким механизмом глобального управления на базе реформированного Международного валютного фонда.

Защитники же придерживаются более высокого мнения о «Большой восьмерке» и хозяйке форума-2006. Некоторые рассматривают прошедший саммит как оборонительное мероприятие, которым Россия воспользовалась, чтобы продемонстрировать свое экономическое возрождение, а также переломить критическое отношение к внутренней и внешней политике Кремля. Другие высказываются еще более категорично. Россия, утверждают они, принимала у себя «Большую восьмерку» ничуть не хуже, чем другие государства, а теперь выступает как представитель развивающихся стран в этом элитарном «клубе». Бывший канцлер ФРГ Герхард Шрёдер идет еще дальше: российское председательство, считает он, было эффективным и успешным, поскольку президент Владимир Путин четко следует демократическим курсом. Наконец, звучит даже вывод о том, что с Россией будет отныне «трудно тягаться», поскольку страна во весь голос заявила о восстановлении собственных глобальных позиций. Столь важной роли в мировых делах Россия, пожалуй, не играла с 1989-го.

На самом деле, принимая лидеров «Большой восьмерки», Россия несла необычное — двойное — бремя. Ей надлежало организовать саммит, на котором, как водится, должны были быть рассмотрены неотложные мировые проблемы. Но еще от России ожидали (впервые в истории подобных встреч), что одновременно она докажет свою приверженность демократическому курсу, подобающему стране — председателю столь представительного форума.

В целом Россия не только справилась с этой двойной нагрузкой, но и сделала многое для того, чтобы дать новый импульс практике саммитов. Достигнут серьезный прогресс по трем приоритетным вопросам повестки дня, а также по животрепещущей политической проблеме ближневосточного конфликта, новая вспышка которого — война в Ливане — пришлась как раз на время работы форума. Ответственный подход к председательству, поддержка итоговых декла-

раций, недвусмысленно утверждавших демократические принципы, способность учитывать мнение гражданского общества на родине и за рубежом — все эти факторы позитивно сказались на внутрироссийской атмосфере. Россияне назвали саммит третьим по важности международным событием года, достойным подробного освещения в СМИ, и в целом благожелательно оценили его.

С прицелом на будущее Россия помогла сделать «Группу восьми» мировым центром политического руководства. Его легитимность значительно повысилась благодаря присутствию группы «Плюс пять» в составе Бразилии, Индии, Китая, Мексики и ЮАР. Приглашение этих держав, интересы и возможности которых различны, а также привлечение организаций гражданского общества, законодателей, религиозных и молодежных лидеров внесли большой вклад в демократизацию самого «клуба».

ПОВЕСТКА ДНЯ: ТВОРЧЕСКИЙ ПОДХОД

Сочетание творческого подхода и преемственности при выработке повестки дня является залогом успеха любой встречи в верхах. Тема энергетической безопасности — продолжение расширенной дискуссии в шотландском Глениглзе (2005) о глобальном изменении климата. Борьба с инфекционными болезнями и образование — важнейшие вопросы развития африканского континента — также активно обсуждались в Глениглзе. Но никогда еще эти три темы не определялись в качестве центральных. К тому же Россия творчески расширила и отредактировала проблематику каждой из них.

В 2006 году мировые цены на нефть превысили отметку в 77 долларов за баррель — с поправкой на инфляцию столь высоких цен на энергоносители не было со времен нефтяного кризиса 1979-го. В тему энергобезопасности были включены проблемы физической безопасности энергоносителей, а также скудости энергетических ресурсов, что тормозит развитие африканского континента и всего мира. Озабоченность по поводу физической безопасности энергоносителей связана с нарастанием глобальной террористической угрозы и расползанием ядерных технологий. Эти опасности были последовательно и всесторонне рассмотрены на саммите, в то время как Организации Объединенных Наций до сих пор не удалось сделать этого из-за внутренних противоречий.

Будучи хозяйкой саммита, Россия с готовностью воспринимала приоритеты и насущные интересы партнеров, но добивалась и того,

чтобы они считались с ее интересами и приоритетами. Например, Германия поначалу возражала (в основном под влиянием сильного антиядерного лобби внутри страны) против упоминания о ядерной энергетике как об элементе обеспечения энергетической безопасности. Россия же, принимавшая саммит в двадцатую годовщину чернобыльской трагедии и в год десятого юбилея Московского саммита по ядерной безопасности, добилась от Германии некоторых уступок.

В результате «Большая восьмерка» подтвердила важность мирного атома как безопасного энергоносителя. Тем самым была создана более надежная основа для переговоров с Ираном, который размышляет, следует ли принимать предложенную «клубом» помощь в создании мирной атомной энергетике в обмен на отказ от разработки собственного ядерного оружия.

Россия поддержала тех, кто выразил озабоченность по поводу угроз распространения ВИЧ/СПИДа, туберкулеза и малярии, а также новой глобальной опасности, связанной с птичьим гриппом. Она заявила о необходимости принять незамедлительные и решительные меры по борьбе с этими заболеваниями в рамках суверенной юрисдикции страдающих от них стран. Обеспокоенность в связи с тем, что СПИД приобретает евразийское лицо, понятна: ведь Россия больше всех других стран — членов «Группы восьми» страдает от этого заболевания, а ЮАР отдает печальную пальму первенства Индии, как стране с наибольшим абсолютным числом ВИЧ-инфицированных.

Повестка дня в части образования соответствовала нуждам мирового сообщества в век, когда на первый план выходят такие факторы, как человеческий капитал, инновационная деятельность и старение населения. Россия согласилась с аргументами Соединенных Штатов и Канады, которые предложили обсуждать в рамках этой дискуссии вопросы, связанные с человеческим капиталом и инновационной деятельностью. Они рассчитывали, что такая постановка вопроса, предполагавшая глобальный, устремленный в будущее подход, позволит избежать внутривнутриполитических проблем (в Северной Америке классическое образование всегда являлось исключительной прерогативой штатов и провинций). Благодаря гибкому и компромиссному подходу страны-председателя удалось добиться впечатляющих успехов. При обсуждении вопросов образования были подчеркнуты такие важные аспекты, как необходимость открытости, феномен миграции и вопрос о сосуществовании разных культур.

ВЫСОКАЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Саммит установил новые ориентиры — прежде всего в области энергетической безопасности, где на первый план вышли защита окружающей среды и свободные рынки. Особо акцентировалась необходимость прозрачности, открытости и гарантий власти закона во всех трех приоритетных сферах. Принято 317 конкретных решений, ориентированных на будущее, — рекордное число за всю 31-летнюю историю встреч в верхах. Разработаны и механизмы, которые могут гарантировать выполнение этих решений в течение следующего года.

Многое сделано для развития глобального управления под эгидой «Группы восьми». В первую очередь это организация Россией тематических встреч министров с целью подготовки к саммиту и последующей работы по его итогам, включая третью за всю историю встречу министров энергетики (март 2006 г.) и первый форум министров здравоохранения (апрель 2006 г.). Таким образом, подготовив саммит, который во многих отношениях значительно превзошел среднестатистический уровень, Россия доказала, что способна проводить у себя регулярные встречи лидеров «восьмерки».

Санкт-Петербургская встреча оказалась успешной и в плане немедленного реагирования на политические кризисы. В свете бушевавшей ливано-израильской войны Кремль поддержал проект документа, подготовленного по инициативе Канады и при поддержке США. В нем предложены новые адекватные меры реагирования на внезапные конфликты и заложены основы механизма, который позволит в будущем разорвать замкнутый круг насилия и приблизиться к стабильному миру. Лидеры договорились по трем спорным вопросам, причем сделали это предпочтительным для президента Путина способом.

Окончательный документ был одобрен Генеральным секретарем ООН и Китаем — одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности, обладающих правом вето, а также другими странами — членами группы «Плюс пять» (в ходе встречи с руководителями «Большой восьмерки» на следующий день). Затем эта новая «дорожная карта» была официально одобрена Организацией Объединенных Наций. Впоследствии ее, по существу, приняли и другие многосторонние организации с участием государств — членов «Группы восьми», например такие, как Международная организация франкофонии (политико-экономическое содружество, объединяющее 53 франкоговорящих государства. — Ред.).

Приоритеты и достижения Санкт-Петербургского саммита лягут в основу подхода, взятого на вооружение Германией при подготовке ею форума в городке Хайлигендамм (6–8 июня 2007). Конечно, Берлин делает упор и на вопросах экономического роста, торговли, инвестиций и управления финансами, которые не были должным образом освещены в Санкт-Петербурге, несмотря на насыщенную программу.

Однако первая из приоритетных тем, выдвинутых Германией, — экономический рост — непосредственно касается сырья. Это в свою очередь обуславливает повышенное внимание к таким вопросам, как энергоэффективность, предотвращение дальнейшего изменения климата и Киотский протокол, вступление которого в силу стало возможным во многом благодаря Владимиру Путину.

Второй приоритет Германии, продолжающий один из российских приоритетов, — развитие африканского континента, что неразрывно связано с совершенствованием систем здравоохранения и борьбой с ВИЧ/СПИДом. По мысли немецкой стороны, прогресс на Черном континенте укрепит не только региональную, но и всеобщую безопасность. Он поможет снизить угрозы терроризма и распространения оружия массового уничтожения, а также внесет вклад в мирный процесс на «расширенном» Ближнем Востоке (включая Северную Африку), что необходимо для обеспечения энергетической безопасности.

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ РОССИИ И «БОЛЬШОЙ ВОСЬМЕРКИ»

Еще более впечатляющий и долговременный успех Санкт-Петербургского саммита достигнут в сфере демократизации деятельности «Большой восьмерки».

Приглашение лидеров Бразилии, Индии, Китая, Мексики и ЮАР придало обсуждению вопросов энергетической безопасности новое измерение. Ведь постоянно растущая потребность этих стран в энергоносителях способна привести к быстрому истощению мировых запасов. Группа «Плюс пять» является также передовым отрядом на фронтах мировой войны с инфекционными заболеваниями. Благодаря присутствию Китая новый подход к мирному урегулированию на Ближнем Востоке, согласованный в Санкт-Петербурге, затем был без затруднений одобрен в ООН.

Формат ««Большая восьмерка» плюс пять» необычайно перспективен для эффективного управления мировым сообществом. Он

продемонстрировал: этот форум открыт для усиливающихся держав, чего не скажешь о Совете Безопасности ООН. Кроме того, географическое, языковое и религиозное разнообразие стран, входящих в элитарный «клуб», а также разный уровень их развития обеспечивают необходимую представительность, легитимность и восприимчивость к нуждам разных регионов.

Более того, поскольку все страны — члены группы «Плюс пять», кроме Китая, имеют демократическое устройство, этот набор участников способствовал демократизации самой «Группы восьми». Да и постоянно расширяющийся Европейский союз с его устоявшимися демократическими традициями усилил разнородность, универсальность и влияние «Большой восьмерки», а также ее приверженность демократии.

До Санкт-Петербургского саммита группа «Плюс пять» лишь однажды участвовала в работе форума — на встрече в верхах в Глениглзе. В 2003 году эти страны были на саммите в Эвиане, но в составе более широкой группы. Германия с самого начала пригласила на саммит в Хайлигендамме руководителей тех же пяти держав, переименованных в «*Outreach-5*» или «*O5*» (*outreach* (англ.) — превосходить по сфере распространения, переходить предел. — Ред.). Приглашение со стороны России, которая прислушалась к рекомендациям партнеров по «Группе восьми», создало прецедент, означающий, что формат «восемь плюс пять» может в ближайшие годы стать постоянным.

Вторым демократическим достижением санкт-петербургского форума стала его беспрецедентная открытость. Отчасти она была достигнута благодаря учреждению Россией нового Экспертного совета, который помогал готовить аналитические материалы по приоритетам повестки дня. В дополнение к официальной деятельности шерпов этот совет привлек представителей правительственных и неправительственных кругов всех стран — членов «Большой восьмерки».

Благодаря «Гражданской восьмерке» гражданское общество с самого начала участвовало в работе форума. Оно поддерживало прямые контакты со всеми шерпами, причем на протяжении года состоялось несколько таких встреч, чего не случалось никогда раньше.

Свои самые разнообразные и многочисленные советы и рекомендации «Гражданская восьмерка» успешно объединила в единый, связный и логичный пакет, который был доведен до сведения руководителей стран — членов «Группы восьми». Впервые состоялся обмен мнениями между главой принимающего государства и 700 ли-

дерами гражданского общества. Президент Владимир Путин не только вежливо выслушал и поблагодарил собеседников за их вклад, но и одобрил некоторые из рекомендаций, пообещав затронуть их в беседах с коллегами по «Группе восьми». Он откровенно рассказал о возможных источниках трений тем или иным инициативам и назвал гражданское общество своим союзником.

Благодаря посредничеству Владимира Путина «Гражданская восьмерка» де-факто стала девятым участником саммита. А ее встречи с представителями Африканского форума партнерства и с представителями руководства России и Германии в конце 2006-го вывели взаимодействие с гражданским обществом на новый уровень.

Вовлеченность неправительственных организаций во многом изменила и ход форума в Санкт-Петербурге. Председатель «Гражданской восьмерки» Элла Памфилова проводила брифинги и давала интервью, не отставая от ключевых фигур в правительстве России. Владимир Путин завершал каждый день работы, рассказывая мировым СМИ, что происходило за закрытыми дверями. Некоторые из многочисленных рекомендаций «Гражданской восьмерки» были помещены в коммюнике саммита.

Когда в ноябре 2005 года российская сторона впервые направила своим партнерам по «Группе восьми» пятистраничное изложение своей концепции, в рамках представленной там проблемы энергетической безопасности практически не затрагивались вопросы окружающей среды. Но уже на первом симпозиуме «Гражданской восьмерки» весной 2006-го специалисты-экологи доминировали в рабочей группе по энергетике. В конечном итоге коммюнике «Большой восьмерки» по энергетике началось с заявления о важности экологической безопасности, а весь документ был проникнут духом борьбы за защиту окружающей среды. В ходе подготовки саммита ради защиты озера Байкал – самого большого в мире хранилища пресной воды – президент Путин принял дорогостоящее решение изменить маршрут трубопровода, призванного диверсифицировать рынки сбыта российских энергоносителей.

Благодаря «Гражданской восьмерке» Россия продемонстрировала всему миру не только силу своего гражданского общества, но и тот факт, что российское правительство со вниманием относится к его мнению. А «Группа восьми», давно испытывающая дефицит легитимности, стала более демократичной организацией, поскольку доказала, что учитывает позиции гражданского общества.

Планка была поднята на небывало высокий уровень, что еще долгие годы будет вдохновлять членов «клуба». Еще до начала председательства Германии канцлер Ангела Меркель дала понять, что планирует проводить подобный же обмен мнениями с лидерами неправительственных организаций, а диалог с гражданским обществом, начатый Россией, будет продолжен на постоянной основе.

УКРЕПЛЕНИЕ «БОЛЬШОЙ ВОСЬМЕРКИ»

Придется, однако, еще немало потрудиться над тем, чтобы развить санкт-петербургский успех и превратить формат «восемь плюс пять» в действенный инструмент управления мировым сообществом.

Первый шаг состоит в том, чтобы сделать Россию и Европейский союз полноправными участниками всех механизмов «Большой восьмерки». Вряд ли можно чем-то оправдать тот факт, что Россия не входит в «клуб» министров финансов. Она превратилась в мощную энергетическую державу и является одной из двух стран — членов «Группы восьми», имеющих стабильный профицит государственного бюджета. Благодаря своим огромным золотовалютным резервам Россия оказывает реальную помощь мировому развитию. В финансовой повестке «клуба» нет ни одного пункта, к которому Россия не имела бы отношения. Теперь, когда США согласились на вступление России во Всемирную торговую организацию, необходимо пригласить ее и в возрожденную четырехстороннюю группу министров торговли, созданную в 1981 году Соединенными Штатами, Европейским сообществом, Японией и Канадой.

Второй шаг заключается в организации регулярных встреч других ключевых министров в правительствах стран «Большой восьмерки». Для начала нужно превратить эпизодические встречи министров энергетики, развития и здравоохранения в ежегодные мероприятия. Область здравоохранения особенно важна, если Россия по-прежнему не будет входить в Глобальную инициативу по охране здоровья (*Global Health Security Initiative*), созданную в 2001-м и пока объединяющую только страны «Большой семерки» и Мексику. Есть также убедительные аргументы в пользу постоянного форума министров обороны для решения таких вопросов, как мир и безопасность в Африке, и, самое главное, многолетней проблемы Афганистана, которая давно стоит на повестке дня «Группы восьми».

Третий шаг — укрепление в странах «Большой восьмерки» законодательных, юридических и гражданских институтов. Это должно

создать условия, при которых центр глобального управления, преданный идеям демократии, мог бы руководить мировым сообществом, опираясь не только на исполнительную власть. В 2006 году Россия продвинулась в этом направлении, приняв ряд полезных мер. Но дальнейший прорыв помог бы Германии решить такую приоритетную проблему, как стимулирование эффективного руководства и повсеместного уважения к власти закона. Конкретно можно было бы предложить программу гуманитарного обмена на основе прогресса в области образования, достигнутого в Санкт-Петербурге. Лучшие аспиранты из 13 государств («восемь плюс пять») могли бы продолжать образование в странах-партнерах, чтобы узнавать из первых рук, как там обстоят дела.

Четвертый шаг — вовлечение других государств, помимо стран — членов группы «Плюс пять», в обсуждение (в режиме *ad hoc*) в ходе самого форума, на заседаниях министров и других официальных встречах, которые составляют «подводную» часть «восьмерочного» айсберга. Немцы хорошо начали в этом плане, пообещав снова пригласить на саммит-2007 африканских лидеров, активно участвующих в общественно-политических событиях. В свете наметившейся тенденции вполне можно провести встречу «Большой двадцатки» по финансовым вопросам на уровне глав государств (а не просто министров финансов), чтобы понять, окажется ли такой формат столь же полезным, сколь и на министерском уровне. Подобная встреча также способствовала бы решению самых злободневных мировых проблем (например, в области энергетики, здравоохранения, торговли и международных финансовых учреждений).

Пятый шаг состоит в том, чтобы начать двигаться в направлении принятия в «клуб» Индии. Предоставление членства этой глубоко демократической стране, имеющей вес на международной арене и отличающейся большим внутренним разнообразием, может оказаться не менее длительным процессом, чем в случае с Россией, которая интегрировалась в группу семи развитых стран с 1992 по 2006-й. Успех Санкт-Петербургского саммита доказал, что исторические решения 1998 и 2002 годов — соответственно о принятии России в «клуб» в качестве его постоянного члена и о проведении на ее территории регулярного саммита — были абсолютно верными, хотя в то время высказывались сомнения. Если судить по «стандарту России», который уже доказал свою ценность, Индия выделяется среди других стран — членов группы «Плюс пять» как

наиболее вероятный кандидат на обретение в самом ближайшем будущем более значимого места в «Группе восьми».

МИРОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ: РАЗОЧАРОВАНИЯ И СОМНЕНИЯ

Все эти шаги необходимы не только для того, чтобы способствовать решению мировых проблем и укреплению демократии в современном быстро глобализирующемся мире. Они также призваны исправить наиболее очевидный дефект «Группы восьми» — неспособность эффективно претворять в жизнь многочисленные, зачастую беспрецедентные обязательства лидеров перед населением их стран и отчаявшимися людьми во всем мире.

«Большая восьмерка» создавалась как гибкая, неформальная организация государств, не связанных жесткими обязательствами. Она должна управляться демократически избранными лидерами стран, которые не скованы путами косной и международной бюрократии, страдающей от нехватки ресурсов и дефицита легитимности. Поколения лидеров «Группы восьми» сменяются, однако ее сущностная институциональная характеристика остается неизменной и является ключом к успеху.

Таким образом, у «Группы восьми» нет необходимости в постоянном международном секретариате (будь он создан самой «восьмеркой» или сформирован добровольно и из лучших побуждений существующими институтами). В частности, «Большой восьмерке» не нужен такой секретариат, каким является Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), куда Россия до сих пор не вступила.

Вне всякого сомнения, уважаемые многосторонние организации вносят важный вклад в реализацию решений «Большой восьмерки». В 2006-м Россия с самого начала подключила их к работе. Учитывая данную инициативу и ее благие последствия, ВТО, ОЭСР и Международному энергетическому агентству уже давно следовало бы предоставить России статус полноправного члена.

Но в целом необходимо изыскивать другие способы, которые позволят сократить значительный разрыв между тем, что «восьмерка» обещает, и тем, что она реально делает. Хотя в последние годы страны — члены «Группы восьми» более ответственно выполняют свои приоритетные обязательства, их граждане, равно как и все мировое сообщество, надеются на большую последовательность.

Между тем, согласно первым оценкам Исследовательской группы «Большой восьмерки», в течение первого полугодия после Санкт-Петербургского саммита государства «Группы восьми» выполняли взятые на себя обязательства хуже, чем в предыдущие годы. Хотя они и полны решимости приложить в 2007 году больше усилий в этом направлении, но ее явно недостаточно для достижения провозглашенных целей.

Существует несколько глобальных процедур и методов оценки выполнения обязательств. Но эти процедуры непостоянны и фрагментарны, а в том, что касается работы на уровне правительственных органов, еще и непрозрачны.

Настало время объединить усилия и учредить «консорциум “Большой восьмерки” по выполнению обязательств» с участием всех заинтересованных сторон. Это нужно для того, чтобы лидеры восьми стран, а также законодатели, судебные органы, аудиторы и гражданское общество знали, насколько полно и эффективно выполняются обязательства, прозвучавшие в ходе встреч в верхах. Чтобы добиваться поставленных на саммите целей, всенародно избранные лидеры восьми стран должны быть заинтересованы в получении достоверной информации о том, как их коллективная воля исполняется подчиненными и нижестоящими инстанциями.

Мы ценим то, что можно измерить, поэтому необходим более эффективный коллективный процесс контроля за тем, как претворяются в жизнь решения саммитов «Группы восьми». Такой контроль наверняка способствует воплощению обещаний лидеров в реальные дела.

Россия на подъеме

Валентин Кудров

Разговоры о грядущем мировом лидерстве нашей страны вынуждают более пристально и объективно взглянуть на сегодняшнее место России в глобальной экономической системе. Беспристрастный анализ, учитывающий как количественные, так и качественные характеристики нашего экономического развития относительно других крупнейших стран, поможет определить как раз те шаги, которые необходимы для достижения ведущих мировых позиций.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Какое место среди других стран мира занимает Россия по объему производства? Обычно этот показатель явно занижается, так как используются оценки нашего ВВП в долларах по официальному валютному курсу. Между тем адекватную картину можно составить только исходя из паритета покупательной способности (ППС) рубля и доллара. Это — неперемutable правило, которое всегда соблюдается среди профессионалов, и прежде всего в международных экономических организациях. На базе такого подхода объем ВВП Российской Федерации в 2006 году оказывается равным не 600–800 млрд дол., как получается по официальному курсу, а 1,5 трлн долларов.

Начиная с 1968-го ООН осуществляет Проект международных сопоставлений (ПМС), в соответствии с которым объемы ВВП разных стран мира сравниваются по ППС. Советский Союз в течение долгих лет отказывался принимать участие в этой программе. Взамен Москва предоставляла собственные, причем завышен-

---

В.М. Кудров — д. э. н., руководитель Центра международных экономических сопоставлений Института Европы РАН, профессор Государственного университета — Высшей школы экономики.

ные, показатели национального дохода и ряда других параметров экономического развития в долларах. СССР присоединился к Проекту международных сопоставлений лишь в 1990-м, незадолго до своего распада.

Российская Федерация была включена в ПМС ООН за 1993 год и впоследствии стала постоянной участницей этой программы, снабжая ее всеми необходимыми базовыми данными. Так, для расчета ППС за 1999-й в рамках проекта Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Евростата Россия предоставила информацию о ценах почти на 3 тысячи товаров и услуг, сформировав тем самым «корзину» для сравнения своего ВВП с другими странами в долларах. Подобные же расчеты были произведены за 1996, 1999 и 2002 годы с расширяющимся числом базовых данных по ценам на сравнимые товары и услуги – компоненты ВВП.

Т а б л и ц а 1

Объемы ВВП России и других ведущих стран мира за 2003 г.

Страны	ВВП (млрд дол.)	В % к уровню США	ВВП на душу насе- ления (дол.)	В % к уровню США
Россия	1 318,8	12,1	9 195	24,6
США	10 870,0	100,0	37 348	100,0
Китай	6 635,4	61,0	5 150	13,8
Япония	3 582,5	33,0	28 162	75,4
Индия	3 096,2	28,5	2 909	7,8
Германия	2 279,1	21,0	27 609	73,9
Франция	1 632,1	15,0	27 327	73,2
Великобритания	1 606,9	14,8	27 106	72,6
Италия	1 559,3	14,3	27 050	72,4
Бразилия	1 371,7	12,6	7 498	20,1
Мексика	934,6	8,6	7 767	20,8
Канада	963,6	8,9	30 463	81,6
Западная Европа	10 550,0	97,1	26 838	71,9

Источник: Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 7. Сс. 85–89 (издание ИМЭМО РАН).

Приведенные в табл. 1 цифры показывают, что **ВВП** России в 2003 году составлял более 1,3 трлн дол. и наша страна занимала 10-е ме-

сто в мире, отставая от США и Западной Европы примерно в 8 раз, от Китая — в 5 раз, от Японии — почти в 3 раза, от Индии — в 2,3 раза, от Великобритании, Италии и Франции — в 1,2 раза, от Бразилии — на 4 %.

По ВВП в расчете на душу населения мы отставали от США в 4 раза, от Западной Европы — в 3 раза, от Канады и Японии — в 3,1–3,3 раза, от Германии — в 3 раза, от Великобритании, Италии и Франции — менее чем в 3 раза, но Мексику опережали на 18 %, Бразилию — на 22 %, Китай — в 1,8 раза, Индию — в 3,2 раза.

По общему объему своего ВВП Россия вплотную стоит за Бразилией, и не исключено, что в ближайшие годы мы превзойдем эту страну по данному показателю. Но самое главное — Россия заметно приблизилась к уровню Великобритании, Италии и Франции, отставая от них теперь уже в пределах всего лишь 20 %. Обращают на себя внимание сильные позиции КНР. Китайский ВВП превышает уже 60 % от ВВП США, а ВВП Японии составляет сегодня лишь около половины ВВП Китая.

Обратимся теперь (табл. 2) к **промышленному производству**. В данной статье используются разработки (автор — Б.М. Болотин) по ППС Института мировой экономики и международных отношений РАН, базирующиеся на всей последней международной статистике и материалах мировой экономической литературы (к сожалению, в публикациях Госкомстата РФ отсутствует сопоставление долларовых показателей промышленного производства в разных странах).

Т а б л и ц а 2

**Объемы промышленного производства России
и других ведущих стран мира за 2000 г.**

Страны	Млрд. дол.	В % к США	В % к мировому итогу
Россия	450	20,1	4,4
США	2 235	100,0	21,9
Китай	1 130	50,6	11,1
Япония	790	35,3	7,8
Индия	240	10,7	2,4
Германия	675	30,2	6,6
Франция	365	16,3	3,6
Великобритания	335	15,0	3,3
Италия	335	15,0	3,3
Бразилия	212	9,5	2,1

Россия на подъеме

Мексика	170	7,6	1,7
Канада	230	10,3	2,3
Западная Европа	2 400	107,4	23,6

Источник: Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет. М.: Юрист, 2003. Сс. 545, 546, 549, 550.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что по **объему промышленного производства** Россия — 6-я в мире (немногим более 20 % от уровня США); это гораздо более высокая позиция, чем по показателю ВВП. В Европе мы занимаем второе место после Германии, опережая, Великобританию, Италию и Францию. Канаду мы превосходим практически вдвое. Сказывается наличие у нас мощной добывающей промышленности и военно-промышленного комплекса.

Т а б л и ц а 3

Производительность труда в России и других ведущих странах мира за 2000 г.

Страны	Выработка на 1 занятого по ВВП (тыс. дол.)	В % к США
Россия	15,4	21,1
США	73,1	100,0
Китай	7,0	9,6
Япония	54,9	75,1
Индия	5,9	8,1
Германия	56,2	76,9
Франция	54,5	74,1
Великобритания	55,8	76,3
Италия	58,8	80,4
Бразилия	17,9	24,5
Мексика	24,3	33,2
Канада	62,1	85,0
Западная Европа	53,9	73,7

Источник: Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет. Сс. 539, 540 (расчет).

Что касается **производительности труда**, то по этому показателю Россия отстает от США практически в 5 раз, от Канады — в 4 раза, от основных стран Западной Европы и Японии — примерно в 3,5–3,7 раза, от Мексики — на 36 %, от Бразилии — на 14 %. Зато мы вдвое превосходим Китай и почти втрое — Индию (см. табл. 3, которая составлена на основе оценок ИМЭМО РАН).

В 2003 году **доходы населения** составляли в России в среднедушевом выражении 4 690 дол., то есть 95 % от среднемирового уровня. Личные доходы в расчете на душу населения в России равнялись 17,9 % от уровня США, 28,8 % от уровня Германии, 29,7 % от уровня Японии и 211,7 % от уровня Китая.

Такова статистическая, чисто количественная характеристика места России в мировой экономике конца XX — начала XXI века. Что представляет собой качественная сторона состояния российской экономики и общества?

СТРАНА НЕЗАВЕРШЕННЫХ РЕФОРМ

После дефолта 1998 года и резкой девальвации рубля в России начался рост производства. Но, собственно, производство какой продукции стало расти? Достаточно ли эта продукция современна и конкурентоспособна, удовлетворяет ли ее качество высоким современным требованиям мирового рынка?

Наш экономический рост носит экстенсивный характер и происходит прежде всего за счет традиционной неконкурентоспособной продукции. Россия почти не производит современной и высококачественной конкурентоспособной продукции массового спроса гражданского, т. е. невоенного, назначения. Более того, в отличие от новых индустриальных стран и таких крупных развивающихся стран, как Бразилия, Индия и тем более Китай, Россия пока не сумела пробиться на широкий мировой рынок, занять собственные надежные ниши по поставкам готовой, а не сырьевой промышленной и сельскохозяйственной продукции.

Россия остается также и страной не доведенных до конца реформ. Большинство неудач в сфере российской экономики и ее реформирования было обусловлено слабостью институтов власти, отсутствием необходимой политической воли к созданию истинно эффективной рыночной экономики и формированию демократического строя. Недостаточный профессионализм, неграмотность и неопределенность в принятии решений, бездеятельность, а порой и прямой саботаж при их выполнении на разных уровнях государственной власти, слияние последней с финансовой и частнопредпринимательской средой превратились в обычное явление в системе нынешнего управления в России. Все это не может не сказаться самым негативным образом на характере развития нашей экономики.

Нельзя не сказать и о том, что на Западе часто называют «российской ментальной инвалидностью», — об отсутствии четкости и определенности в общественном сознании. Наше общество не полностью отбросило прежнее советское идеологизированное мышление, не подвело черту под своим коммунистическим прошлым в виде общественного суда над преступлениями большевиков, раскаяния или покаяния за беззакония, за насилие, за трагедии советского периода российской истории.

Еще не став прочно на путь рыночных реформ и последовательной демократизации, Россия боится «оранжевых» и иных революций, «тлетворного» влияния Запада и часто избирает путь изоляционизма, неприятия ценностей глобализации и европеизации. В этом отношении характерны оценки известного немецкого политического деятеля Отто Ламбсдорфа: «Российское общество само не решило, чего оно хочет, по какому пути желает идти. Так, сегодня в России существуют рядом друг с другом как самые прогрессивные, так и реакционнейшие тенденции, рыночное хозяйство и государственная экономика, свобода и авторитаризм, прогресс и реакция. Используя старую терминологию, можно было бы сказать: в России в настоящее время царит единство противоположностей».

В связи с этим РФ и ее экономику ожидает немало трудностей, смут и неопределенностей. Наиболее опасные из них могут быть связаны с обострением социального недовольства, а также с территориальными проблемами. Но в принципе у России есть все предпосылки не только для экономического роста, но и для экономического и социального процветания. И прежде всего это колоссальные людские, технологические, производственные и природные ресурсы: предприимчивые и образованные люди нового поколения, научно-технический потенциал в виде большой армии ученых, многочисленных НИИ и КБ, внушительного военно-промышленного комплекса, станочного парка и т. д. К этому следует добавить финансовые ресурсы и проявленную при президенте Владимире Путине политическую волю к возрождению России.

Но чтобы выбраться из создавшегося исторического тупика и занять достойное место в мире, ныне необходимо создать условия для консолидации сил рынка, правового и социального его обеспечения со стороны обновляющихся и укрепляющихся органов государственной власти. Необходимо разработать долгосрочную стратегию социально-экономического развития страны, всячески укреплять ее

внутреннее единство, препятствуя любым проявлениям сепаратизма и распада, поднимать экономику Сибири и Дальнего Востока.

Но главное сегодня — это начать утверждать в стране новую, скорректированную модель экономических реформ. Ее основными элементами являются: всемерное поощрение инвестиций; модернизация производственного аппарата; укрепление рыночных институтов; проведение широкомасштабной инновационной политики; социальная ориентация результатов производства; укрепление территориальной целостности страны и межрегиональных экономических связей; окончательное преодоление остаточного, загнивающего большевизма и национализма; дальнейшее вовлечение экономики России в мировые глобализационные и интеграционные процессы с упором на производство высокотехнологичной продукции.

Необходимо, чтобы государственное содействие углублению системной трансформации осуществлялось не только за счет прямых инвестиций и затрат на НИОКР, но и с использованием всевозможных путей экономического регулирования, включая налоговые льготы, спецсубсидии, амортизационную и промышленную политику.

Такие шаги потребуют широкого использования современных экономических знаний, основательного развития экономической науки в стране.

ДОГОНИМ ИЛИ ПЕРЕГОНИМ?

В перспективе до 2015 года можно ожидать достаточно нормально-го и качественно улучшенного роста ВВП и промышленного производства. При этом среднегодовой темп роста ВВП до 2015-го составит, скорее всего, порядка 5 %, промышленного производства — несколько меньше (4 %). Некоторое отставание темпа роста промышленности от темпов роста ВВП характерно для стран, находящихся на постиндустриальной стадии развития экономики. Есть основания полагать, что в экономике России уже начался процесс перехода к постиндустриальной стадии.

Помимо роста капиталовложений, который сейчас опережает рост ВВП, со временем должны заработать такие факторы, как ускорение научно-технического прогресса, широкомасштабная предпринимательская инициатива, форсированный экспорт готовых изделий, прежде всего продукции машиностроения. Напомню, что в своей программе экономического развития до 2008-го правительство уже наметило среднегодовой темп роста ВВП на уровне почти 6 %.

Данный сценарий может быть реализован, если до 2015 года нам удастся избежать катастроф, подобных дефолту августа 1998-го, если в стране продолжатся рыночные экономические реформы, если будет осуществляться и впредь модернизация ее экономики и производственного аппарата. В противном случае темпы экономического роста неизбежно снизятся или же примут еще более некачественный, мобилизационный характер, и тогда вопрос о месте России в мировой экономике приобретет совсем иной смысл и перейдет в иную плоскость.

У экономики есть свои законы, и политические игры и противостояния не могут их отменить. Вместе с тем государство способно ускорить либо замедлить экономический рост или падение производства.

Существует два варианта возможной государственной экономической политики на перспективу до 2015 года. **Во-первых**, частичный возврат к авторитарным методам прямого государственного воздействия на развитие экономики с использованием рыночных механизмов, экономических рычагов и стимулов на базе уже созданных элементов рыночной инфраструктуры. **Во-вторых**, более решительное и настойчивое продолжение ранее начатых рыночных реформ с признанием допущенных ошибок, их исправлением и корректировкой рыночного курса, дальнейшим сотрудничеством с передовыми странами Запада, упором на ценности правового государства и гражданского общества.

Второй, наиболее предпочтительный вариант связан с необходимостью обеспечить современную законодательную базу и поместить экономический рост в рамки правового государства и гражданского общества. Важно подрезать крылья бюрократам-чиновникам, вмешивающимся в естественный процесс конкурентной хозяйственной деятельности в корыстных интересах, и осуществить давно назревшую административную реформу в целях оздоровления всего общества. Не менее существенно сохранить приверженность демократии и нормальному взаимодействию рыночных и демократических институтов и в основу экономического развития страны положить конкурентоспособность и широкий поток инноваций.

Данный прогноз позволяет предположить, как наша экономика будет выглядеть относительно экономик других стран.

В США долгосрочные, или «исторические», среднегодовые показатели темпов роста ВВП равняются примерно 2,7 %. Однако в

1990-е экономика Соединенных Штатов демонстрировала более высокие темпы, составлявшие порядка 4 % в среднем в год (вторая половина этого десятилетия), хотя в 2001–2003 годах эти темпы заметно снизились. Можно предположить, что на перспективу до 2015-го среднегодовой прирост ВВП США будет равен не менее 2,8 %. Поскольку темпы роста американской промышленности обычно составляют чуть более 70 % темпов роста ВВП, для промышленности США можно принять на перспективу среднегодовой прирост в размере 2 %.

В Германии долгосрочный ретроспективный среднегодовой прирост ВВП был не ниже, а выше, чем в Соединенных Штатах. Однако начиная с 1970-х годов она стала отставать от США по темпам развития своей экономики. Последнее четко проявилось в 1990-е и особенно в самые последние годы, когда германская экономика под влиянием ряда внутренних факторов оказалась чуть ли не самой больной среди стран – членов ЕС. На перспективу до 2015 года можно принять для Германии среднегодовой темп роста ВВП в размере до 2,6 %, промышленного производства – 1,8 %.

Во Франции долгосрочный «исторический» темп роста ВВП был ниже, чем в Германии и Соединенных Штатах. В последние годы, однако, Франции удалось несколько приблизиться к США по динамике этого показателя. Вместе с тем на перспективу до 2015-го, как мне представляется, вряд ли целесообразно исходить для этой страны из среднегодовых темпов роста ВВП и промышленности, превышающих соответственно 2,5 и 1,2 %.

Весьма необычные и интересные вещи происходят с показателями экономического роста Великобритании. В течение многих десятилетий ее экономика развивалась заметно медленнее экономик других ведущих капиталистических стран. В Европе даже появился термин «английская болезнь». Однако после либеральных реформ Маргарет Тэтчер страна заметно ускорила свой экономический рост, и в 1980-е годы среднегодовой прирост ВВП Великобритании (2,7 %) был выше, чем в Германии, Франции и США. В последние годы темпы роста экономики Великобритании замедлились и были ниже, нежели в Соединенных Штатах, но выше, чем в Германии, Италии, Франции и Японии. В западной прессе стали всерьез рассматривать перспективы того, что Великобритания обгонит Францию по объему ВВП. Но на период до 2015-го, думаю, можно исходить из среднегодовых темпов роста ВВП Великобритании в 2,4 %,

ее промышленного производства в 1,1 %, т. е. не более высоких, чем во Франции.

Прогноз по главным странам Западной Европы позволяет сделать ориентировочные оценки возможных темпов роста ВВП и промышленности по всему Западно-Европейскому региону. Среднегодовой прирост ВВП Западной Европы до 2015 года составит порядка 2,5 %, промышленного производства – 1,7 %.

При этом, похоже, западноевропейская экономика будет расти до 2015-го несколько медленнее, чем американская. Экономические позиции Западной Европы после долгого периода их относительно усиления в последние два-три десятилетия стали ослабевать по сравнению с позициями США. Сегодня нет оснований полагать, что за ближайшее десятилетие эта тенденция изменится. В Соединенных Штатах более низкая норма налогообложения, ниже, чем в Западной Европе, норма накопления и норма безработицы, более высокая конкурентоспособность. США имеют более сильные позиции в области выпуска высокотехнологичной продукции, инновационной активности и инфраструктуры научно-технического прогресса, что будет в значительной мере определять экономический рост и лицо экономики любой развитой страны в начале XXI века. Традиционно Соединенные Штаты превосходят Западную Европу по широте и риску предпринимательской активности.

Т а б л и ц а 4

**ВВП и промышленное производство в России
и ряда ведущих экономик мира на 2015 г., %**

Соотношение	ВВП		Промышленное производство	
	2003 г.	2015 г.	2000 г.	2015 г.
Россия к США	12,1	15,6	20,1	25,4
Россия к Германии	57,9	76,5	66,7	86,2
Россия к Франции	80,8	108,0	123,3	171,0
Россия				
к Великобритании	82,1	111,0	134,3	188,6
Россия к Западной Европе	12,5	16,7	18,8	24,6

Ориентировочное сопоставление ВВП и объемов промышленного производства во всех сравниваемых странах (табл. 4) показывает, что

к 2015 году Россия не достигнет тех соотношений по ВВП с США, которые она имела в 1913, но заметно приблизится к Германии и превзойдет Великобританию и Францию. Отставание от США будет значительным и сохранится надолго. Так что России лучше не говорить о своей великодержавности или мировом лидерстве.

Доля России в мировом ВВП в 2000 году была равна всего 2,1 %, (в 1913 г. в современных границах — 6,2 %), соотношение ВВП России к ВВП всего Западно-Европейского региона составляло в 2003-м 12,5 % (в 1913 г. — 18 %). В 2015 году доля России в мировом ВВП будет равна почти 3 %, а соотношение ВВП России и всей Западной Европы составит порядка 17 %. Доля России в мировом ВВП в 2015-м будет, как минимум, вдвое меньше, чем в 1913-м. Станет меньше доля нашей страны и в мировом промышленном производстве. По оценке ИМЭМО РАН, доля России в современных границах в мировом промышленном производстве в 1913 году была равна 8,9 %, в 2000-м — 4,4 %, в 2015 году она вряд ли намного превысит 5 %, что заметно меньше, чем в 1913-м. Никогда еще за несколько последних столетий Россия не имела таких низких показателей по сравнению как с мировым ВВП, так и с ВВП ведущих стран Европы.

Таким образом, за более чем вековой период не повысится доля нашей страны в мировой экономике, ее важнейшие макроэкономические показатели не вырастут относительно уровня США. Такой будет цена за сто лет смуты, революций и утопических иллюзий построения «светлого рая» сначала в одной отдельно взятой стране, затем в лагере мирового социализма на путях, которые уводили в сторону от демократии и рынка, от развития мировой цивилизации.

Тем не менее экономически Россия в перспективе неизбежно будет сильным государством, займет по размерам ВВП первое место в Европе и пятое-шестое место в мире. А вот с точки зрения политического или общецивилизационного развития с Россией может быть все что угодно, пока она не будет иметь внятной и конкретной стратегии своего развития, не сделает окончательный выбор в пользу глобализации и европеизации, не выработает руководящую национальную идею в рамках современных цивилизационных норм и приоритетов.

Каудильо Чавес и новая утопия

Америго Мартин

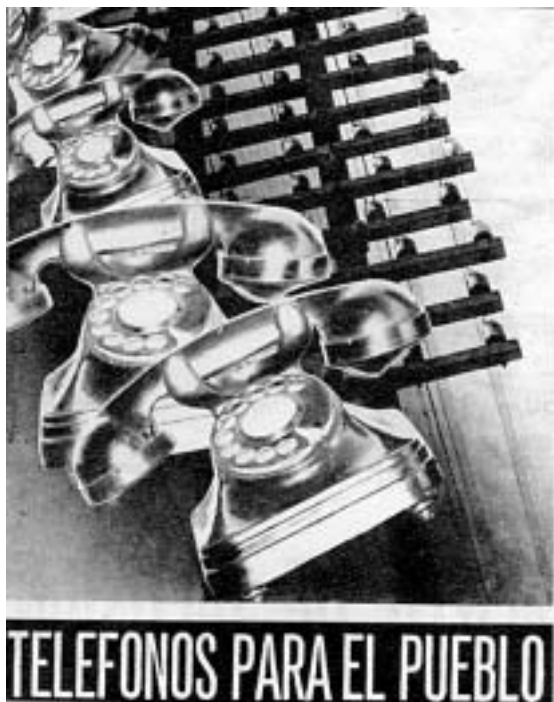
История каудильо (так в Латинской Америке называют государственных руководителей, установивших режим личной диктатуры) насчитывает около двух столетий. Их первую генерацию олицетворял легендарный «отец» независимости Латинской Америки Симон Боливар. В условиях, когда прежний порядок на отвоеванных у Испании территориях оказался разрушен, политический вакуум мог быть заполнен только «освободителем», чья власть подкреплялась силой оружия. Все вожди того времени — Боливар, Хосе де Сан-Мартин (Аргентина), Антонио Хосе де Сукре (Боливия), Хосе Хервасио Артигас (Уругвай) — воплощали в себе Закон и Государство. Они стали каудильо по необходимости.

Второе поколение — от середины XIX до середины XX века — представлено так называемыми Хранителями порядка. Среди них и тиран Хуан Мануэль Росалес (Аргентина), и «прогрессист» Порфирио Диас (Мексика), удостоившийся похвалы со стороны Льва Толстого. Это также Рафаэль Трухильо (Доминиканская республика), Фульхенсио Батиста (Куба), Анастасио Сомоса (Никарагуа). Они исчезли с политической арены в результате появления в 1920–1930-е годы демократических партий.

К третьему поколению принадлежат уже иные каудильо. Они, конечно, сохранили глубокую связь с предшественниками, по край-

---

Америго Мартин — венесуэльский писатель и публицист, автор многих книг о левых движениях в Латинской Америке. В 1960-е годы возглавлял отряды вооруженных повстанцев, несколько лет провел на Кубе и хорошо знаком с Фиделем Кастро. Впоследствии разочаровался в революционной борьбе и перешел на позиции демократического либерализма. Был сенатором, в 1980-е выдвигался кандидатом в президенты Венесуэлы.

ней мере в том, что касается неприятия демократических институтов. Но теперь борьба с демократией ведется под лозунгами социалистической революции. Новые каудильо — такие «сильные личности», как Веласко Альварадо (Перу), Омар Торрихос (Панама), Даниэль Ортега (Никарагуа), а также их последователи Ольянта Умала (Перу) и Эво Моралес (Боливия), — выстроили наиболее совершенные и прочные диктаторские структуры власти. В основе их режимов всегда лежат двойная мораль, ложь, возведенная в рамки закона, а также разрушение пространства, в котором могли бы развиваться и

частная предпринимательская деятельность, и независимая политическая активность — все то, что противоречит воле «революционно-го Цезаря».

Символом этой генерации до сего времени являлся кубинец Фидель Кастро. Однако с таким же успехом в этой роли мог бы выступать президент Венесуэлы Уго Чавес.

МАРШ К ТОТАЛИТАРИЗМУ

Победив на президентских выборах 3 декабря 2006 года, Уго Чавес взял курс на форсирование социалистической революции. Неважно, что в его окружении нет ни одного человека, который был бы в состоянии пролить свет на природу этого социализма. Его сподвижники вообще не решаются рассуждать на эту тему, поскольку любое неверное слово может поставить крест на их судьбе. Да и у самого Чавеса, получившего чисто казарменное образование и предпочитающего, чтобы его называли просто «команданте» (полковник, майор, капитан (исп.). — Ред.), нет даже примерного представления о том, куда он ведет нацию. До последнего времени он ограничивался призывами изучать «великое» наследие Северной Кореи и Кубы — двух пе-

режитков системы, которая давно пала вместе с Берлинской стеной.

Новая Конституция, которая начала действовать 1 января 2000-го, зафиксировала серьезное усиление президентской и соответственно ослабление законодательной власти. Глава государства очистил от своих противников Верховный суд, превратив его в послушное орудие своей воли. Те же меры он принял в отношении сотрудников Генеральной прокуратуры и Центрального банка, следствием чего стали растущий произвол и безудержная коррупция. Установив контроль над столичными учреждениями и институтами, вождь взялся за «глубинку». Из 24 губернаторов лишь двое находятся в оппозиции правящему режиму.

Чавес лично утверждает все решения даже тех политических партий и движений, которые поддерживают правящий режим. Их руководители смирились с таким положением вещей и твердят, что, мол, последнее слово принадлежит президенту. В декабре 2006 года в стране была учреждена Единая социалистическая партия, вобравшая в себя многие политические организации, которые в угоду президенту отказались от своих программ, структуры, символики.

«Последнее слово» команданте – неизменный фактор принятия важнейших государственных решений, будь то разработка законов и политической стратегии или приоритеты внешнеполитического курса. Например, он лично руководит деятельностью послов Венесуэлы за рубежом, прежде всего в соседних государствах, в результате чего пятерых глав диппредставительств обвинили во вмешательстве во внутренние дела стран пребывания и предложили покинуть их. Строительство «социализма XXI века» – это тоже единственный проект Чавеса, который он ни с кем не согласовывал.

Одна из наиболее рьяных сторонниц Чавеса Лина Рон заявила, что президент Венесуэлы является «Вторым освободителем» (после Симо-

на Боливара) и мессией, посланцем Господа на земле. Кто же после этого осмелится оспаривать действия проводника Божьей воли?

Тоталитарный жезл коснулся и гражданского общества. Не жалея нефтедолларов, правительство создало обширную сеть теле- и радиостанций, учредило либо взяло под контроль десятки новых национальных и региональных газет. Что же касается влиятельных независимых или оппозиционных режиму телеканалов, то Чавес мирился с их существованием восемь лет. Теперь его терпение иссякло: двум наиболее популярным оппозиционным телестанциям грозит отзыв лицензий на вещание.

Гайки закручиваются и на правовом поле. Никогда прежде венесуэльская юстиция не являлась столь очевидным инструментом давления. В стране, заявил один из верховных судей, нет политических заключенных, а есть только «политизированные».

Единственное, что омрачает политические горизонты Чавеса, — постоянное расширение «территории несогласных». Оппозиция, получившая на прошедших выборах 40 % голосов, — это действительно серьезная сила. Однако переизбрание Чавеса нанесло его противникам тяжелую психологическую травму, которую те до сих пор не преодолели. Оппозиция пока не в состоянии сплотиться и стать реальной политической альтернативой.

Диссидентский потенциал существует и внутри институтов режима, особенно на местах. Там недовольны неэффективностью административных органов и слишком сильным давлением со стороны центральных властей. Иногда вспыхивают митинги протеста, организованные самими чавистами. Но пока они направлены не против верховного лидера, а против некоторых его сторонников, которые, по мнению приверженцев официального курса, лгут президенту и саботируют его решения.

Именно нарастающее сопротивление внутри социальной базы Чавеса позволяет утверждать, что дальнейшее укрепление тоталитаризма отнюдь не является неизбежным. Команданте придется прилагать все больше усилий для того, чтобы утихомирить и заставить замолчать множество мужчин и женщин, которые хотя и выступают в его поддержку, но идут под самыми разными идеологическими знаменами. Среди чавистов есть уважаемые люди, известные своим ярким прошлым, ветераны политической борьбы: бывший вице-президент Хосе Висенте Рахель, посол Венесуэлы на Кубе, в прошлом сенатор и президент ОПЕК Али Родригес, министр образова-

ния Аристокбуло Истурус. Не будет ничего удивительного в том, если давление, которому подвергаются партийные активисты в Венесуэле, вызовет к жизни диссидентские движения, способные претендовать на власть.

Нечто подобное происходит внутри перонистского движения в Аргентине. Там нарастает сопротивление слишком авторитарной линии президента Нестора Киршнера со стороны таких сильных политических игроков, как бывшие главы государства Рикардо Дуальде и Карлос Менем. Сейчас они являются политическими миноритариями, но впоследствии могут вновь вернуться на «капитанский мостик».

ТРИ В ОДНОМ

В начале 2007 года президент Чавес объявил о намерении активнее двигаться по пути строительства «социализма XXI века». По его требованию покорный парламент (однопалатная Национальная ассамблея) предоставил президенту расширенные, а по сути, чрезвычайные полномочия.

Самое поразительное, что парламентарии толком не знают, за что именно отдали свой голос. Между тем предоставление чрезвычайных полномочий означает, согласно Конституции, передачу исполнительной власти важных законодательных функций и наделяет главу государства правом руководить страной посредством издаваемых декретов.

Но если раньше венесуэльских президентов облакали чрезвычайными полномочиями лишь на период войны и на незначительный срок, то Чавес получил их в мирное время и сразу на полтора года. Президенту предоставлен беспрецедентный карт-бланш на издание любых законов. Теперь он сосредоточит в своих руках всю полноту законодательной, исполнительной и судебной власти.

Эта ситуация нанесет сильнейший удар не только по плюралистической демократии. Пострадает и экономика, которая отныне будет иметь коллективистский характер. Венесуэле ждет ускоренное падение производительности труда и бегство капитала, кризис в частном секторе обострится и превратит страну в моноэкспортера. Как объявил недавно директор пока еще независимого Центрального банка Венесуэлы Хосе Герра, «главное в этой новой модели — то, что она закладывает основу для нового распределения собственности вместо того, чтобы заложить фундамент системы производства».

Уже были приняты такие меры, как ликвидация автономии Центрального банка, установление для частного сектора потолка доходов в 10 %, легализация «коммунальных групп», с тем чтобы «сам народ контролировал» деятельность предприятий, в том числе мелких и средних.

Президент также пообещал провести национализацию телефонных и электрических компаний — единственных частных компаний Венесуэлы, чьи акции котируются на бирже Нью-Йорка. Кроме того, на повестке дня стоит резкое ограничение деятельности крупнейших западных компании *BP*, *Exxon-Mobil*, *Chevron*, *Total* по разработке месторождений тяжелой и сверхтяжелой нефти в дельте реки Ориноко. Если данные планы будут претворены в жизнь, обрушится не только сфера производства и услуг, но и нефтедобыча — главная отрасль венесуэльской экономики. Это приведет к резкому спаду экономического роста и сокращению доходов страны.

Таким образом, ахиллесова пята Уго Чавеса — это не политическая сфера, не область прав человека, а экономика. Над страной нависла угроза гиперинфляции; хуже того, неизбежен стремительный рост безработицы, и ни нефтедоллары, ни сравнительно доступные банковские кредиты не помогут государству компенсировать его созданием новых рабочих мест. А многомиллиардные суммы, которые режим будет перечислять в идеологических целях Боливии, Никарагуа, Эквадору и другим странам, только усугубят ситуацию.

НЕФТЯНОЕ ЛЕГКОМЫСЛИЕ

Если что-то и делает модель Чавеса уникальной, так это поистине сверхъестественное обилие финансовых ресурсов, порожденное высокими ценами на нефть. Каудильо начал «стричь нефтяные купоны» начиная еще с 1998 года. На протяжении восьми с лишним лет ему удавалось утаивать тяжелейшие проблемы страны, игнорировать глубокие деформации в ее экономике, поощрять коррупцию полным отсутствием контроля за расходованием средств, дарить деньги своим многочисленным зарубежным друзьям — и при этом сохранять сравнительно высокий уровень расходов в общественном секторе Венесуэлы.

Но плоды такой политики Чавеса оказались в конечном итоге далеки от успешных. Венесуэльская нефтяная промышленность переживает заметный упадок, связанный с сокращением добычи энер-

гоносителей. В 1998-м, в первый год президентства Чавеса, государственная компания *PDVSA* производила до 3,1 млн баррелей нефти в день и планировала увеличить этот показатель до 5 млн баррелей к 2005 году. Сейчас она добывает 1,5 млн баррелей в день, а всего Венесуэла «выдает на-гора» 2,6 млн баррелей. «Разницу» покрывают транснациональные компании, которые связаны с *PDVSA* различными договорами. Правительство Чавеса, по сути, превратило их в смешанные компании, контрольный пакет акций в которых скоро перейдет к Венесуэле.

Правительственные чиновники ссылаются на решение Организации стран – экспортеров нефти (ОПЕК), в которую входит Венесуэла, о сокращении квот на добычу нефти. Но это объяснение для несведущих людей. Квота Венесуэлы в ОПЕК составляет 3,3 млн баррелей, а до этой планки страна при всем своем желании дотянуться не может. Дефицит производства нефти составляет 600–700 тыс. баррелей нефти, говорится в докладе Международного энергетического агентства. Между тем Каракас настаивает на том, что добывает необходимую квоту, то есть попросту лжет своему народу и мировому сообществу. Закрывать глаза на деградацию отрасли, от которой полностью зависит благополучие страны, – значит пилить сук, на котором сидишь.

Что обуславливает такое значительное падение производства на фоне беспрецедентного подъема нефтяного рынка в мире? Назовем главные причины.

Первое: политическое, а не техническое управление компанией *PDVSA*.

Второе: увольнение 20 тысяч наиболее профессиональных работников за участие в длительной забастовке в 2002 году. (Эту классическую забастовку идеологи режима пытаются представить как «экономический саботаж».)

Третье: базирование рынка на политической, а не на экономической стратегии; многочисленные злоупотребления со стороны посредников, которые используют получаемые ими средства для реализации внутренних и международных планов Чавеса.

Четвертое: бездумная эксплуатация нефтяных скважин и перерабатывающих заводов с целью максимально обеспечить ресурсами политические проекты Чавеса. Такая стратегия приводит к многочисленным взрывам и пожарам на нефтяных платформах. Во многом это связано с недостаточной компетентностью персонала, сме-

нившего уволенных опытных работников. В октябре 2006-го венесуэльскому правительству пришлось приостановить отправку бензина на Кубу, а вскоре временно прекратить его поставки и в США. Последний шаг был воспринят некоторыми международными экспертами как недружественная политическая акция, но на самом деле он объяснялся крайним износом оборудования на заводах по переработке нефти.

Пятое: неуверенность зарубежных инвесторов вследствие постоянного изменения в Венесуэле правил игры. Транснациональным компаниям, действующим в бассейне реки Ориноко, предложено стать смешанными компаниями с доминированием в них государства. 22 компании согласились принять эти не слишком выгодные для них условия, а некоторые отказались.

Шестое: сокращение инвестиций порождает проблемы в области технического обеспечения буровых вышек, ведет к ухудшению трудовой атмосферы на производстве, а также значительно сокращает возможности разведывать новые месторождения и приступить к эксплуатации уже разведанных нефтяных полей.

« МЫ НОВЫЙ МИР ПОСТРОИМ ... »

Каудильо понимает, что бедные страны будут подыгрывать ему в надежде на вожденную помощь. Вместе с тем он готов протянуть руку помощи и тем государствам, что развиты лучше, чем сама Венесуэла, но несут бремя колоссальной внешней задолженности или переживают экономический спад. Финансирование аргентинских и бразильских верфей, предоставление дешевой энергии странам Центральной Америки и Карибского бассейна, выделение средств своим сторонникам в некоторых мэриях (как, например, в Лондоне), строительство военной инфраструктуры в бедной Боливии, скупка потерявших свой вес облигаций, бесплатное строительство жилья – вот лишь некоторые из примеров бессмысленного разбазаривания Чавесом государственного бюджета.

Чавес позволяет себе роскошь помогать, не требуя ничего взамен. Это неудивительно. Ведь он не стремится развивать и диверсифицировать торговлю. Его не волнует перспектива спада аграрного производства более чем на треть и вероятное разорение половины промышленных предприятий. Главное – получить политическую поддержку, заключить стратегические союзы, направленные против промышленно развитых стран, и прежде всего США.

Например, в 2006 году Бразилия экспортировала в Венесуэлу товаров на сумму 3 млрд долларов, а импортировала лишь на 800 млн долларов (объем бразильского экспорта в Венесуэлу превосходит объем экспорта Франции в Великобританию). Эта абсурдная для Венесуэлы политика привела к разорению тысяч производителей, к переводу сотен тысяч рабочих мест в соседнюю страну. В целом экспорт Бразилии за минувший год вырос на 250 %, экспорт Венесуэлы сократился. И тем не менее Чавес берет на себя финансирование сооружения двух мостов через пограничную с Бразилией реку Ориноко, строит завод по переработке нефти в бразильском штате Пернамбуко – родине президента Лулы да Силвы.

Для чего все это президенту Чавесу? Чтобы завоевать или купить (что на самом деле одно и то же) сторонников своей революционной стратегии.

Международные обозреватели, не знакомые с истинным положением дел на континенте, могут легко впасть в заблуждение, видя, как лидеры Бразилии, Аргентины и Венесуэлы дружески обнимаются, похлопывают друг друга по спинам и радостно улыбаются при встрече. Все это производит впечатление мощного политического союза, выступающего против засилья Америки и движущегося к социализму. Но это абсолютная иллюзия. Чем больше денег тратит Венесуэла, пытаясь купить дружбу соседей по континенту, тем больше эти страны отворачиваются от нее.

Команданте совершил длительные и дорогие вояжи по всему миру, пытаясь выстроить всемирную ось борьбы против североамериканской империи. Он задумал заполучить себе в союзники Россию, Китай, Индию и даже Испанию и Францию. Рука «революционного союза» протянулась и к радикальным режимам Ближнего Востока и Восточной Азии. Посещая Иран и Северную Корею, он поддерживал их ядерные амбиции, затем направился в Сирию, чтобы заявить о поддержке организаций «Хезболла» и ХАМАС. В подтверждение своих намерений Венесуэла даже отозвала посла из Израиля.

Но затем Чавес с удивлением обнаружил, что его мировое турне не принесло никаких политических дивидендов. Торговые уступки Китаю и покупка оружия в России не смогли заставить руководство этих стран изменить свою позицию в отношении нераспространения ядерного оружия. Арабский мир не прекратил и едва ли откажется в будущем противостоять возможной экспансии Ирана в регионе.

Чавес почувствовал, что затеянная им мировая революция ни к чему не приведет. И вновь переключил свое внимание на родной континент.

Вся программа Чавеса выглядит абсолютной утопией. Но он намерен претворить ее в жизнь «не мытьем, так катаньем» и уже взял курс на открытое вмешательство во внутренние дела латиноамериканских стран. В Боливии венесуэльский посол Хулио Монтез заявил однажды, что Каракас готов «пролить кровь» оппозиционеров, если Эво Моралесу будет что-либо угрожать. Это прозвучало настолько вызывающе и повлекло за собой такое бурное негодование среди оппозиции, что даже правительство Моралеса выступило с заявлением, в котором квалифицировало слова посла как «неосторожные» и пообещало не просить у Венесуэлы военной помощи.

Беспокойство режима Чавеса в отношении Боливии заметно невооруженным глазом. Договор о взаимной военной помощи, подписанный обеими странами, может превратить игру венесуэльского президента в предприятие, чреватое непредсказуемыми последствиями. Согласно планам, разрабатываемым в Каракасе, при возникновении в Боливии «кризисной ситуации» туда будут отправлены три тысячи венесуэльских военнослужащих. Таким образом, в отсутствие каких-либо серьезных идеологических аргументов, оправдывающих его «революционную стратегию», режим Чавеса переходит от прямого подкупа своих соседей к использованию силы оружия.

Но именно из-за вмешательства в дела Боливии Венесуэла может оказаться на грани катастрофы. Боливийский национализм, вскормленный в ходе долгих и мучительных военных конфликтов с соседней Чили из-за выхода к морю, а также во время войны из-за территорий с Парагваем, может оказаться «твердым орешком». Какими бы тесными ни были бы отношения между Чавесом и Моралесом, боливийцы не потерпят присутствие на своей территории чужеземных солдат.

ПОЛЕВЕНИЕ ПО-ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИ

Могли ли такие небогатые государства – пресловутые союзники Чавеса, как Боливия, Никарагуа, Эквадор, отказаться от массивной и безвозмездной помощи Венесуэлы, особенно в таких ключевых отраслях, как энергетика? Конечно, нет. Но они совершенно не заинтересованы в том, чтобы поддерживать чавесовскую химеру о «социализме XXI века» и его «Единой социалистической революци-

онной партии». И им совсем не хочется исключать самих себя из различных неидеологических проектов, призванных укрепить взаимную торговлю.

В попытках распространить революцию Чавес в последние годы оказал финансовую помощь своим единомышленникам по крайней мере в 12 государствах континента, где проходили президентские выборы. Он надеялся, что такая поддержка сделает более крутым «поворот влево», который он сам начал в 1998 году. Но президентом Бразилии стал основатель Партии трудящихся Лула да Силва – хотя и убежденный социалист, но в то же время прагматик до мозга костей. В Аргентине к власти пришел Нестор Киршнер – бывший молодежный руководитель левого крыла перонистов. В Уругвае победил Табаре Васкес – умеренный социалист и лидер уругвайского «Широкого фронта». В Чили впервые во дворце Ла Монеда воцарилась женщина – умеренная социалистка Мишель Бачелет.

Усилия Чавеса были вознаграждены, и то весьма условно, лишь тремя победами. Эво Моралес, открыто поддерживающий политику Чавеса и позиционирующий себя как его друг, возглавил в 2006-м Боливию; в том же году ярый националист Рафаэль Корреа стал у руля власти в Эквадоре, а бывший вождь революционеров-сандинистов Даниэль Ортега – в Никарагуа.

Взлелеянная двумя поколениями каудильо идея распространить революцию на континенте терпит крах. Даже на Кубе постепенно вызревает стремление отказаться от ортодоксальной модели Кастро и стать на капиталистический путь развития. Если и можно говорить о повороте Латинской Америки «влево» (к употреблению этого термина следует относиться чрезвычайно осторожно), то это совсем не тот поворот, о котором мечтал Чавес. Более того, нынешнее «полевение», как оказывается, противоречит интересам венесуэльского лидера.

Страны континента независимо от того, к какому флангу принадлежат их лидеры, хотят из чисто прагматических соображений расширить рынки, повысить экономическую конкурентоспособность, получить доступ к международному капиталу и передовым технологиям. Они начали прилагать усилия к формированию единого пространства и уже движутся по пути создания общего рынка, свободного от идеологических догм и открытого для интернационализации и глобализации.

Хотя Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР) переживает далеко не лучшие времена, основные приверженцы этой региональной организации — Бразилия и Аргентина — сохраняют верность курсу на интеграцию. В том же направлении идет Чили. Страны, имеющие выход к Тихому океану, стремятся к интеграции рынков Центральной Америки и Андского сообщества наций (САН) (в российской прессе эту организацию часто называют Андская группа или Андский пакт. — Ред.).

Бразилия и Аргентина, кроме того, чрезвычайно заинтересованы в интеграции со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Центральная Америка, особенно после победы в Мексике Фелипе Кальдерона, надеется на расширение интеграции государств, расположенных вдоль побережья Тихого океана от Мексики до Чили. Новый президент Никарагуа Даниэль Ортега объявил о поддержке Договора о свободной торговле, который его предшественник Энрике Болянос подписал с Соединенными Штатами. Прагматизм Ортеги впечатляет: никарагуанский команданте отрекся и от марксизма, и от революции, заключает договоры с крупными частными предпринимателями, открывает свою страну для США.

ЛИЦЕМЕРИЕ И ФАНАТИЗМ

Но Чавес признаёт «политическую», а не «экономическую» интеграцию. Последняя, уверен он, несовместима с идеей искоренения нищеты, поскольку основана на принципах свободного рынка. Команданте вступил в открытый конфликт с МЕРКОСУР. Дескать, надо делать ставку не на свободную торговлю, а на совместные усилия по борьбе с бедностью.

Присоединению к интеграционным процессам Чавес предпочитает поддерживать индейские движения и разного рода радикальные организации. Министр иностранных дел Венесуэлы Николас Мадуро выступил с рядом провокационных заявлений о том, что МЕРКОСУР и САН «никому не нужны». Взяв на вооружение лозунг первого саммита индейских лидеров, проведенного в столице Эквадора Кито в 2005 году, Чавес заявил, что свободной торговле следует противопоставить «солидарность», а весь интеграционный процесс «должен находиться в руках народов, а не правительств».

Чтобы противодействовать Договору о свободной торговле, который США подписали с Мексикой, государствами Центральной Америки, странами Карибского бассейна, Чили и другими членами

Андской группы, Чавес, вдохновленный Фиделем, создал собственную региональную организацию *ALBA* («Боливарианская альтернатива для Латинской Америки»). По его планам, она должна была объединить народы континента в политической борьбе против империализма. Однако единственным надежным союзником Чавеса стала лишь Боливия.

Между тем все эти преисполненные чуть ли не религиозным фанатизмом шаги делаются на фоне значительного подъема торговли между Венесуэлой и США. Именно благодаря торговым контактам Каракасу и Вашингтону удавалось до сих пор сглаживать сложнейшие дипломатические проблемы. Недаром, когда Чавес упрекнул Перу и Колумбию за их присоединение к Договору о свободной торговле с США, тогдашний кандидат в президенты Перу Алан Гарсия назвал его лицемером и предложил своему венесуэльскому коллеге: «Сначала сами откажитесь от свободной торговли с США и лишь потом просите, чтобы мы это сделали».

Сколько еще продлится нефтяной праздник на улице Уго Чавеса? Нынешний сравнительно высокий уровень цен на «черное золото» может сохраниться еще достаточно долго. Экономике Китая и Индии продолжают успешно развиваться. Растут объемы промышленного производства в Европе. Вышла из состояния длительной летаргии Япония. Да и сама Латинская Америка в течение трех последних лет демонстрирует экономический рост. Однако пока не ясно, что будет в ближайшие годы с самой крупной экономикой мира — американской. Если Соединенные Штаты вступят в период спада, это серьезно скажется на нефтяных ценах, а значит, символом современных каудильо может стать какой-нибудь другой политик.

Уникальный доступ к информации

Компания East View Information Services, Inc., надежный поставщик информации, предлагает электронные полнотекстовые базы данных периодики России и стран Ближнего зарубежья:

Центральная пресса России

- Около 60 наиболее авторитетных столичных газет и журналов
- Освещают события в сфере политики, экономики, науки, культуры и общественной жизни России
- Представляют широкий диапазон мнений
- Ориентированы на государственные и коммерческие структуры, ученых, специалистов, экспертов
- Глубина архива - с 1996 года
- Тексты изданий приводятся без сокращений
- Ряд изданий появляются на сайте накануне выхода из печати

Гуманитарные науки и литературно-художественные журналы

- Более 30 изданий Российской академии наук
- «Толстые» литературные журналы
- Независимые научные журналы
- Глубина архива - с 1997 года
- Для удобства цитирования сохранена пагинация печатных оригиналов
- Предназначена для ученых, политических консультантов, информационно-аналитических центров

Периодика стран СНГ и Балтии

- Авторитетные газеты, журналы и информационные ленты новостных агентств государств бывшего СССР
- Освещают внутренние и международные события
- Достоверный источник обширной и оперативной информации из Ближнего зарубежья
- Глубина архива – с 1997 года

Издавания Украины

- Единственное в мире электронное собрание газет, журналов и библиографических изданий Украины
- Политическая, экономическая и культурная жизнь страны, ее движение по пути реформ
- Взгляды и позиции различных политических сил, изменения в законодательстве
- Тенденции военного строительства, Украина и НАТО, роль Украины как военной державы
- Академические исследования, проблемы экономики, межнациональных отношений
- Глубина архива – с 2001 года

Смотрите полный список изданий по адресу: <http://www.online.eastview.com/titles>
По Вашему запросу предоставим бесплатный тестовый доступ
По вопросам подписки обращайтесь:

в России:
тел: (095) 777-6557, 318-0937,
факс: (095) 318-0881
E-mail: sales@mosinfo.ru

в США:
тел.: (763) 550-0962,
факс: (763) 559-2931
E-mail: sales@eastview.com

Рецензии

“*Демократические формы – не самоцель. Система может быть демократичной только в том случае, если она приводит к власти правительство, отзывающееся на нужды и чаяния народа и приносит существенное и постоянное повышение благосостояния*”

Демократия, управляемая генералом

Игорь Федюкин

Демократия, управляемая генералом

Игорь Федюкин

Pervez Musharraf. In the Line of Fire: A Memoir. Simon & Schuster, 2006. (Первез Мушарраф. На линии огня. Воспоминания)

Лидеры управляемых демократий по всему миру традиционно уделяют много внимания собственному имиджу на Западе. Но если российские власти заключают многомиллионные контракты с международными пиар-компаниями, то президент Пакистана Первез Мушарраф решил действовать на свой страх и риск. Его книга (выпущенная за год до выборов в стране) вышла сразу на английском языке, а ее масштабная рекламная кампания в западных странах обеспечивалась из собственных средств автора. При этом Мушарраф лично участвовал в промоакциях своей книги в Европе и США. Характерно, что генерал, готовясь к выборам, больше обеспокоен не тем, как проголосуют пакистанцы, а тем, признаёт ли Запад легитимность предстоящей осенью демократической процедуры.

Обращает на себя внимание уже сам тот факт, что книга писалась по-английски, но при этом ни президент, ни его советники не удосужились обратиться к помощи профессиональных англоязычных писателей и редакторов. Возможно, сыграла свою роль самонадеянность, поскольку английский в Пакистане является, по сути, вторым государственным языком, а возможно, все дело в политической щекотливости отдельных тем. Но, так или иначе, автор благодарит лишь своего «штабного офицера» — бригадного генерала Аси-ма Баджву, который, не жалея сил, «записывал и затем расшифровывал» мысли президента. Результат с точки зрения стилистики, мягко говоря, своеобразен. По большей части лаконичный, но примитивный слог периодически «украшают» цветистые идиомы либо экзотические эпитеты, резко выбивающиеся из общего лексического ряда. При этом выразительные средства, которыми пользуется автор, весьма ограничены, так

что, желая подчеркнуть значимость события, он не находит ничего лучшего, кроме как нагромождать определения (теракты становятся «потрясающе чудовищными» и т. д.). Бросаются в глаза прямолинейные, очень напоминающие советские призывы «отдать долг памяти отважным солдатам и офицерам, понесшим максимальные жертвы в борьбе с терроризмом», упоминания тех или иных соратников – шаблонной сообразно их рангу благодарностью президента и пр.

Понятно, что перед помощниками президента стояла непростая задача – обосновать нахождение Мушаррафа у власти и представить его наиболее подходящим для Пакистана лидером. Но решается она по-военному прямолинейно и при отсутствии какого-либо чувства меры. Невольно задаешься вопросом: насколько уместны выбранные стилистические приемы при общении с данной целевой аудиторией? Так, когда речь идет о детстве президента, мы встречаем следующие перлы: «Уже в этом возрасте я отличался умением разрабатывать тактику и стратегию, чтобы внезапно напасть из засады на другие уличные банды» (с. 22). Дальше – больше: «В 1966 году я по моему собственному выбору был направлен в *Special Services Group (SSG)* – наше элитное подразделение коман-

дос, самое лучшее в мире [!!! – **И.Ф.**]. Подготовка командос требует огромной физической и психологической устойчивости, так что это было самое подходящее для меня место» (с. 47). Став командиром, «я разработал свой собственный, очень новаторский метод подготовки для моих подчиненных» (с. 48). Уже тогда нам дают понять, что Мушарраф был настоящим «отцом солдату»: «Я стал исключительно хорошим стрелком из винтовки и из пулемета. Я был также хорошим бегуном. Я соревновался со своими подчиненными во всем, и если они побеждали, угощал их прохладительным напитком; несколькими это удалось, но таких было немного. Все это привязало ко мне моих солдат, которые стали брать с меня пример. Они любили меня за мою справедливость и сострадание по отношению к ним» (с. 49). «Когда происходили несчастные случаи, я первым приезжал в госпиталь, чтобы сдать для них кровь» (с. 62). В итоге «командир нашей бригады обнаружил, что я был не только эффективным штабным офицером, но также и смелым лидером, который не ограничивается только своими непосредственными обязанностями. Моя карьера теперь встала на надежные рельсы, отражая мои качества и предыдущие достижения» (с. 60). Нетрудно представить се-

бе, как ликовали бы американские либо британские журналисты, если бы подобными заявлениями им «подставились» Джордж Буш или Тони Блэр.

Свой приход к власти осенью 1999-го Мушарраф называет, разумеется, не переворотом, а «контр-переворотом», потому что переворот, с его точки зрения, совершил премьер-министр Наваз Шариф, попытавшись «незаконно» сместить ретивого генерала с должности командующего армией. Разногласия между премьером и генералом по поводу пакистано-индийского противостояния в Каргиле, едва не вылившегося в полномасштабную войну, поставили под вопрос их дальнейшее сосуществование в пакистанской политике. Тем не менее генерал уверяет читателей, что никаких приготовлений к перевороту не вел, что, наоборот, именно премьер действовал, как заговорщик, а ответные шаги армии были спонтанными. Насколько это соответствует действительности, сказать трудно, но факт остается фактом: премьер действительно попытался запретить самолету с возвращавшимся из заграничной поездки Мушаррафом произвести посадку в Пакистане и одновременно объявил генералу о его смещении.

Наваз Шариф, несомненно, был полон решимости поставить армию под свой контроль, тем более

что он уже давно провел конституционную поправку, дающую именно ему, а не президенту право снимать и назначать командующего. Армия крайне остро ощущала угрозу потерять самостоятельность независимой политической силы. Мушарраф убеждает читателя, что к этому моменту именно вооруженные силы остались единственным противовесом премьеру, который, обладая двумя третями голосов в парламенте, провел через него конституционные поправки, низводящие роль президента к чисто церемониальной, и запугал Конституционный суд. Если бы Навазу удалось расставить во главе армии своих сторонников, он в одночасье превратился бы в неограниченного диктатора, считает Мушарраф, да вот только он был бы совсем никудышным диктатором — неэффективным, коррумпированным и стремящимся удержать власть, заигрывая с религиозными фундаменталистами.

Помимо чисто ситуативного объяснения, генерал Мушарраф предлагает и теоретические доводы в пользу своего пребывания у власти. О том, что созданный им режим имеет под собой глубокую историческую и даже философскую основу, читатель узнаёт уже в самом начале книги, когда ему между делом сообщают, что Мустафа Кемаль «спас Турцию от бал-

канизации и модернизировал ее, вытащив из догматизма и обскурантизма» (с. 19). Чуть дальше читаем, что в случае Пакистана от учебы бывших сверстников президента в западных университетах толку не вышло: результатом стало формирование «политических лидеров, оторванных от истории и культуры, лидеров, которые нанесли вред стране не только своей коррумпированностью, но и своими чуждыми [Пакистану] политическими и экономическими взглядами» (с. 32).

Теория проста: сам Мушарраф выступает за народовластие, но Пакистан для прав и свобод западного образца пока не созрел: «Я горячо верю, что ни одна страна не может двигаться вперед без демократии, но демократия должна быть устроена в соответствии с особенностями среды в каждой стране» (с. 154). Из этого следует, во-первых, что попытки установить здесь западную модель открытого общества до добра не доведут, — по меньшей мере, демократия не будет функционировать, просто создавая фасад, за которым ничего не стоит. Во-вторых, Мушарраф убежден, что его режим и является подлинной демократией настолько, насколько страна к ней готова.

В соответствии с данной концепцией излагается история Пакистана. До сих пор в этой стране нико-

гда не было «власти народа», в ней правили элиты, совсем не демократические, зачастую авторитарные и, как правило, плутократические, а в последнее время еще и клептократические, пишет Мушарраф (с. 154). Это во многом неизбежно: в условиях разделения на племена и кланы граждане и политики действуют и голосуют только в рамках феодальной, кланово-племенной ментальности. В результате, как свидетельствует история, отсутствие правления военных оборачивалось настоящей катастрофой. Зульфикар Али Бхутто (лидер страны в 1971–1977 годах. — **Ред.**) «правил не как демократ, а как деспотичный диктатор. Многих из своих оппонентов, в число которых входили редакторы, журналисты и даже карикатуристы, он бросал в тюрьмы. Он на самом деле был фашистом... среди прочего он первым попытался привлечь на свою сторону религиозный правый фланг» (с. 58). Что касается десятилетия между смертью предыдущего военного диктатора генерала Мохаммеда Зия уль Хака в 1988-м (президент с 1978 года. — **Ред.**) и своим приходом к власти, Мушарраф и вовсе называет этот период «проклятым десятилетием демократии» — смелая формулировка для автора, апеллирующего к западному читателю. Мушарраф отмечает коррумпированность и неэффективность доминировавших в этот период глав пра-

вительство — Наваза Шарифа и Беназир Бхутто, а главное — что они сами отказывались играть по демократическим правилам. В частности, смещенный им Шариф пользовался полученным им большинством в две трети голосов в парламенте, «как дубинкой», проталкивая конституционные поправки, перераспределявшие полномочия в его пользу (с. 161–162). В 1990-х подобная демократия привела к тому, что представители элиты, включая оппозиционных политиков, регулярно посещали командующего армией, убеждая его противостоять действующему правительству (с. 77).

Все это, конечно, очень знакомо российскому читателю. Здесь и попытки внушить наивной западной аудитории, что демократические формы — не самоцель: «система может быть демократичной только в том случае, если она приводит к власти правительство, отзывающееся на нужды и чаяния народа» и «приносит существенное и постоянное повышение благосостояния» (с. 155). При этом генерал-президент уверен, что противники созданного им Совета национальной безопасности, институционально закрепившего вмешательство военных в политику, «или просто не понимают, насколько это эффективный механизм, или стремятся саботировать» его политические реформы.

Следом идут и жесткие заявления с упором на суверенитет, и — тут же — подробности о назначении сначала министром финансов, а затем премьером бывшего вице-президента Сити-банка, а также о мерах по повышению инвестиционной привлекательности и поддержке импорта. Как и положено выдающемуся государственному деятелю, Первез Мушарраф продвигает собственную концепцию «просвещенной умеренности», призванную обеспечить гармоничное сочетание исламских ценностей с западными.

Наименее убедителен и привлекателен Мушарраф, когда речь заходит о конфликтах с Индией и вообще об отношениях с этой страной. Амбиция генерала-президента состоит, конечно, в том, чтобы закрепить за собой репутацию политика, сумевшего перешагнуть через многолетние предрассудки и найти «нестандартное» решение проблемы Кашмира. Это, однако, ему решительным образом не удастся. Во-первых, генерал (или его соавторы) не упускает возможности «вставить шпильку» Индии, представить ее виновной в любой ситуации. Во-вторых, предлагаемые Мушаррафом варианты «нестандартного» решения кашмирской проблемы попросту неприемлемы: все они в итоге ставят под сомнение индийский суверенитет в регионе.

Впрочем, сам Мушарраф, похоже, прекрасно понимает, что и его пикировка с индийским премьером, и его рассуждения о природе демократии, и его концепция «просвещенной умеренности» едва ли заинтересуют западную аудиторию. Другое дело — поиски сподвижников Усамы бен Ладена и звонки из Белого дома с обещаниями разбомбить Пакистан, если Мушарраф не поддержит глобальную войну с террором. Войне с террором посвящено две трети книги, и соответствующие главы содержат действительно интересные моменты. Поучителен, например, рассказ о том, как пакистанские спецслужбы использовали данные телефонных компаний, чтобы успешно вычислить в полуторастомиллионной стране и арестовать неизвест-

ных даже по имени заговорщиков. Именно эти фрагменты цитировала мировая пресса, и именно благодаря им книга Мушаррафа стала бестселлером и вошла в списки наиболее заметных книг прошлого года по версии таких журналов, как *The Economist* и *Foreign Affairs*. А рассуждения об особом пути пакистанской демократии и «просвещенной умеренности» так и остаются пропагандистской риторикой, обычной для военного диктатора. Читателю, кстати, будет полезно знать, что, несмотря на все обвинения в коррупции, выдвигаемые Мушаррафом в адрес своих демократически избранных предшественников, пять лет назад Пакистан занимал в рейтинге *Transparency International* 79-е место, а сейчас — 142-е.

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Современная **ЕВРОПА**

ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 2000 г.

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ШЕФ-РЕДАКТОР

академик Н. П. ШМЕЛЕВ

**ДЛЯ ТЕХ, КТО ХОЧЕТ ЗНАТЬ,
КАК И ЧЕМ ЖИВУТ СЕГОДНЯ
СТРАНЫ ЕВРОПЕЙСКОГО КОНТИНЕНТА**

Широкий круг российских и зарубежных авторов:
государственных и политических деятелей, видных ученых,
дипломатов, военных экспертов, журналистов

становление новой, интегрированной Европы
•
проблемы экономики, политики, безопасности, науки,
культуры и искусства, религиозной жизни
•
европейский опыт развития гражданского правового общества,
создания социальных и духовных условий жизни,
достойных человека
•
Россия и Европейский Союз
•
научная жизнь – разнообразие мнений, дискуссии
•
документы
•
рецензии

ПОДПИСКА

по каталогу «Роспечать», индекс 79701,
по объединенному каталогу «Пресса России», индекс 14492,
по каталогу для библиотек, индекс Б902 и непосредственно в редакции.

ЗАРУБЕЖНАЯ ПОДПИСКА

каталог ЗАО «МК-Периодика»

телефон редакции (095) 292 2720 • факс (095) 200 4298 • E-mail: sov_europe@mail.ru

Отечественные записки

ЖИВАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
РОССИЙСКОЙ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Пополняется каждые два месяца

Подписной индекс 43785

www.strana-oz.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- КАРАГАНОВ**
Сергей Александрович
(председатель) д. и. н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, зам. директора Института Европы РАН, декан факультета мировой политики и мировой экономики ГУ – ВШЭ
- АРБАТОВ**
Алексей Георгиевич член-корреспондент РАН, заведующий Центром международной безопасности ИМЭМО РАН
- АХТИСААРИ Мартти** президент Финляндии в 1994–2000 гг.
- БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич**
(заместитель председателя) д. и. н., профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
- БЕРГСТЕН Фред** доктор экономики, директор Института международной экономики (Вашингтон, США)
- БИЛЬДТ Карл**
(в личном качестве) министр иностранных дел Швеции
- ГРИГОРЬЕВ**
Владимир Викторович
(в личном качестве) советник руководителя Федерального агентства РФ по печати и массовым коммуникациям
- ЖУКОВ**
Александр Дмитриевич
(в личном качестве) заместитель председателя Правительства РФ
- ЗВЕРЕВ**
Сергей Александрович президент ЗАО «Компания развития общественных связей»
- ИВАНОВ Игорь Сергеевич**
(в личном качестве) к. и. н., секретарь Совета безопасности РФ
- КАЙЗЕР Карл** профессор, приглашенный исследователь, Гарвардский университет
- КОЖОКИН**
Михаил Михайлович к. и. н., заместитель президента – председателя правления ЗАО «Внешторгбанк. Розничные услуги»
- КОКОШИН**
Андрей Афанасьевич академик РАН, председатель Комитета Государственной думы РФ по делам СНГ и связям с соотечественниками, директор Института проблем международной безопасности РАН
- КОЛЬ Гельмут** канцлер ФРГ в 1982–1998 гг.
- КОМИССАР**
Михаил Витальевич генеральный директор ЗАО «Интерфакс»
- КОПЬЕВ**
Вячеслав Всеволодович к. ю. н., заместитель председателя Совета директоров АФК «Система»
- КУЗЬМИНОВ**
Ярослав Иванович к. э. н., доцент, ректор Государственного университета – Высшей школы экономики
- ЛАВРОВ Сергей Викторович**
(в личном качестве) министр иностранных дел РФ
- ЛИВШИЦ**
Александр Яковлевич д. э. н., профессор, заместитель генерального директора ОАО «Русский алюминий»

ЛУКИН Владимир Петрович	д. и. н., профессор, Уполномоченный по правам человека в РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
ЛУКЪЯНОВ Федор Александрович	главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»
МАУ Владимир Александрович	д. э. н., профессор, ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ
МОНБРИАЛЬ Тьерри де	президент Института (Академии наук) Франции, директор Французского института международных отношений
НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич (заместитель председателя)	д. и. н., президент фонда «Политика», член Общественной палаты РФ
ОВЧИНСКИЙ Владимир Семенович	д. ю. н., советник председателя Конституционного Суда РФ, генерал-майор милиции в отставке
ПОЗНЕР Владимир Владимирович	президент Российской телевизионной академии, автор и ведущий телепрограммы «Времена»
ПРИМАКОВ Евгений Максимович	академик РАН, президент Торгово-промышленной палаты, премьер-министр РФ в 1998–1999 гг.
ПРИХОДЬКО Сергей Эдуардович (в личном качестве)	помощник Президента РФ
РЫЖКОВ Владимир Александрович	к. и. н., депутат Государственной думы РФ
ТЕЛЬЧИК Хорст	председатель <i>Teltschik Associates</i> , руководитель управления внешней политики ведомства канцлера ФРГ в 1982–1998 гг.
ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич	член-корреспондент РАН, ректор Московского государственного института международных отношений (У) МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
УОЛЛЕС Уильям, лорд	профессор Лондонской школы экономики
ХАКАМАДА Ирина Муцуовна	к. э. н., доцент, член президиума Народно-демократического союза
ХОУГ Джеймс	главный редактор журнала <i>Foreign Affairs</i>
ШМЕЛЁВ Николай Петрович	академик РАН, директор Института Европы РАН
ЭЛЛИСОН Грэм	профессор Гарвардского университета, директор Белферского центра, бывший заместитель министра обороны США
ЮРГЕНС Игорь Юрьевич	к. э. н., первый вице-президент, руководитель направления по работе с государственными и правительственными организациями группы «Ренессанс Капитал», вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей (работодателей)
ЯСТРЖЕМБСКИЙ Сергей Владимирович (в личном качестве)	к. и. н., помощник Президента РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, специальный представитель Президента РФ по вопросам развития отношений с Европейским Союзом

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

АДАМИШИН Анатолий Леонидович	к. и. н., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
БУТОРИНА Ольга Витальевна	д. э. н., завкафедрой европейской интеграции МГИМО(У) МИД РФ
ВИШНЕВСКИЙ Анатолий Григорьевич	д. э. н., директор Центра демографии и экологии человека ИНХП РАН
ГРИГОРЬЕВ Леонид Маркович	к. э. н., ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, президент Института энергетики и финансов
ЛОМАНОВ Александр Владимирович	д. и. н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН
МИРСКИЙ Георгий Ильич	д. и. н., профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН
ШКУНДИН Марк Зусьевич	к. и. н., ведущий исследователь ИМЭМО РАН
ЭНТИН Владимир Львович	к. ю. н., доцент МГУ, старший научный сотрудник Института государства и права РАН, адвокат, директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

ПОТАНИН Владимир Олегович (председатель)	президент холдинговой компании «Интеррос»
ВАЙНШТОК Семен Михайлович	президент компании ОАО «АК «Транснефть»», академик Академии горных наук
ВАРДАНЯН Рубен Карленович	президент группы компаний «Тройка-Диалог»
ВЕКСЕЛЬБЕРГ Виктор Феликсович	президент ОАО «СУАЛ-Холдинг»
ГЕНЕРАЛОВ Сергей Владимирович	председатель совета директоров Ассоциации по защите прав инвесторов
ЕВТУШЕНКОВ Владимир Петрович	к. э. н., академик Российской инженерной академии, академик Международной академии связи, заслуженный деятель науки РФ, председатель совета директоров АФК «Система»
КУЗЫК Борис Николаевич	член-корреспондент РАН, профессор, заслуженный деятель науки РФ, генеральный директор холдинговой промышленной компании «Новые программы и концепции», президент Института экономических стратегий
КУЗЯЕВ Андрей Равелевич	президент «ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»
ОКУЛОВ Валерий Михайлович	генеральный директор ОАО «Аэрофлот», член совета ГСГА, член совета управляющих ИТА, член совета директоров ОАО «Аэрофлот»

Подписка в России, СНГ и странах Балтии по каталогу «Роспечать»,
индексы: 46708, 46709, 46710

Подписка в России и СНГ по каталогу «Пресса России»,
индексы: 15577, 11119, 16497.

Подписка на Украине, по каталогу «KSS», тел. +38(044) 464-0235

РЕДАКЦИОННАЯ ПОДПИСКА НА АНГЛО- И/ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

- заполните квитанцию и оплатите в любом отделении Сбербанка РФ
- заполните подписной купон и пришлите его вместе с квитанцией об оплате (или ее копией) по факсу: (095) 937-7611, по E-mail: subscribe@globalaffairs.ru или письмом по адресу:

АНО РИД «Глобус» 103873, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3 «В»

Цена одного номера получение в редакции – **180 руб.**

(русскоязычное издание): с доставкой (заказным письмом) – **230 руб.**

Цена одного номера получение в редакции – **250 руб.**

(англоязычное издание): с доставкой (заказным письмом) – **300 руб.**

Цены даны с учетом НДС.

АБОНЕМЕНТ на ~~газету~~ журнал		<input type="text"/> индекс издания									
Россия в глобальной политике (наименование издания)		Количество комплектов									
на 2006 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда	<input type="text"/>										
	Почтовый индекс (адрес)										
Кому	<input type="text"/>										
	(фамилия, инициалы)										
ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА		<input type="text"/> индекс издания									
ПВ	место	литер	на ~~газету~~ журнал								
Россия в глобальной политике (наименование издания)		Стоимость подписки _____ руб. _____ коп. _____ руб. _____ коп.		Количество комплектов							
на 2006 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда	<input type="text"/>										
	Почтовый индекс (адрес)										
Кому	<input type="text"/>										
	(фамилия, инициалы)										

В Москве журнал можно приобрести в магазинах:

«РОССПЭН»

- «Книжная лавка историка» ул. Б. Дмитровка, 15 (тел.: 200-5007)
- «Книжная лавка обществоведа» Нахимовский пр-т, 51/21 (тел.: 332-4725)
- «Книжный киоск РОССПЭН» ул. Дм. Ульянова, 19 (тел.: 126-9418)
- «Ad Marginem» 1-й Новокузнецкий пер., 5/7 (тел.: 951-9360)
- «Политическая книга» ул. М. Дмитровка, 3/10 (тел.: 200-3694)
- В киосках «МН-Пресс»
- 1-й подъезд **Российской Государственной Библиотеки**
- В киоске «**Деловые люди**» 1-ая Тверская-Ямская ул., 1
- В киосках **МГУ, МГИМО (У), РУДН, МИРЭА**
- **Клуб «Проект О.Г.И»** Потаповский пер., 8/12, стр.2 (тел.: 927-5609)

В Санкт-Петербурге:

- «Летний сад», Большой пр. П.С., 82 (тел.: (812) 232-2104)
- «Русское богатство» (магазин при РХГИ)
Наб. Р. Фонтанка, 15 (тел.: (812) 310-5036)
- «Книжный магазин» Лесной пр., 8 (тел.: (812) 541-8639)

Интернет-магазин: www.setbook.ru

Все ранее вышедшие номера журнала можно заказать в редакции для получения по почте наложенным платежом, связавшись с нами по телефону 937-7611 или по e-mail: subscribe@globalaffairs.ru

ПОДПИСКА НА АНГЛО- И/ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

■ Через ЗАО «МК-Периодика»
или фирмы-партнеры ЗАО «МК-Периодика»
Подписной индекс в каталоге «МК-Периодика»: **10877**

ЗАО «МК-Периодика»
129110, Москва, ул. Гиляровского, 39
Тел.: (495) 681-9137, 681-9763
Факс: (495) 681-3798
E-mail: info@periodicals.ru <http://www.periodicals.ru>

■ Через фирму **East View Publications**

Подписной индекс в каталоге — для русскоязычного издания: **14216**
для англоязычного издания: **14464**

East View Publications
3020 Harbor Lane N.
Minneapolis, MN 55447, USA
Tel: 1-763-550-0961
Fax: 1-763-559-2931
E-mail: eastview@eastview.com
<http://www.eastview.com>

ПОДПИСНОЙ КУПОН для физических лиц

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал, и ваш номер телефона (для оперативной связи).

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Ф.И.О. получателя (полностью) _____

_____

Период подписи: I полугодие январь - февраль март - апрель май - июнь

II полугодие июль - август сентябрь - октябрь ноябрь - декабрь

Форма доставки получение в редакции
нужное подчеркнуть заказным письмом

Почтовый адрес (с индексом) _____

_____

Телефоны (код) _____

E-mail _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

_____

Извещение

Форма № **пд-4**

«Фонд исследований мировой политики»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7706617302

(ИНН получателя платежа)

№ _____ № р/с 40703810700410000002

(номер счета получателя платежа)

в ОАО «ИНВЕСТСБЕРБАНК», г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810000000000311

БИК 044525311

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

Квитанция

Форма № **пд-4**

«Фонд исследований мировой политики»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7706617302

(ИНН получателя платежа)

№ _____ № р/с 40703810700410000002

(номер счета получателя платежа)

в ОАО «ИНВЕСТСБЕРБАНК», г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810000000000311

БИК 044525311

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

ПОДПИСНОЙ КУПОН для юридических лиц

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Наименование организации _____

Период подписки: I полугодие январь - февраль март - апрель май - июнь

II полугодие июль - август сентябрь - октябрь ноябрь - декабрь

Форма доставки **получение в редакции**
заказным письмом

Юридический адрес _____

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____ Факс (код) _____

E-mail _____

P/c _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Ответственное лицо (Ф.И.О.) _____

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал, и ваш номер телефона (для оперативной связи).

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" " 20 г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____

(Ф.И.О., адрес плательщика)

_____

_____

(ИНН)

№ _____

(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" " 20 г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____

(Ф.И.О., адрес плательщика)

_____

_____

(ИНН)

№ _____

(номер лицевого счета (код) плательщика)